

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

168

АНТИЧНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1981

Редакционная коллегия:

О. С. Гадзьяцкая (ответственный секретарь), *Н. Н. Гурина*,
А. И. Кирпичников (зам. ответственного редактора),
Ю. А. Краснов, *В. В. Кропоткин*,
И. Т. Кругликова (ответственный редактор),
В. П. Любин, *В. М. Массон*, *Н. Я. Мерперт*, *Р. М. Мунчаев*,
В. В. Седов (зам. ответственного редактора),
Д. Б. Шелов

СТАТЬИ

А. А. ЗЕДГЕНИДЗЕ, О. Я. САВЕЛЯ

НЕКРОПОЛЬ ХЕРСОНЕСА
V—IV ВВ. ДО Н. Э.

В 1936 г. в северном районе Херсонеса был открыт участок некрополя конца V—IV вв. до н. э.¹, который в дальнейшем рассматривался исследователями как источник для изучения этнического и социального состава населения города этого времени. Единичные погребения V—IV вв. до н. э., известные на других участках некрополя, свидетельствовали о большой его протяженности². Однако общую картину по ним восстапвить было трудно, и представление, полученное по материалам северного участка, нередко распространялось на весь некрополь Херсонеса V—IV вв. до н. э.³ Дискуссия по вопросам этнической принадлежности погребенных на северном берегу и колебания в определении их социального положения⁴ вызваны недостаточной изученностью других участков некрополи, поскольку выявление погребений V—IV вв. до н. э. среди массы захоронений на участках, раскопанных в основном в дореволюционные годы и недостаточно документированных, представляло довольно сложную задачу.

Изучение отчетов и сохранившихся коллекций позволило среди сотен разновременных погребений у юго-восточных оборонительных стен на западном берегу Карантиной бухты выявить 31 погребение конца V—IV в. до н. э. Семь погребений раскопано в последние годы на участке античного театра⁵. Кроме того, погребальные сооружения и захоронения указанного времени известны у южных оборонительных стен⁶ и в районе бывшей монастырской усадьбы (центральная часть городища)⁷. Это дает возможность уточнить территорию некрополя V—IV вв. до н. э. и сравнить различные его участки (рис. 1)⁸.

Материалы северного некрополя неоднократно публиковались, поэтому в данной статье он подробно не рассматривается.

Некрополь у Карантиной бухты. Он тянется вдоль западного берега Карантиной бухты (рис. 1, 5). Погребальные сооружения в большинстве вырублены в плотном монолитном известняке сарматского яруса.

Из 31 выявленного здесь древнейшего погребения 4 совершены способом кремации и 27 труположений. В двух случаях кремированные останки похоронены в групповых могилах без урн. В могиле 2799 среди пепла найдены перегоревшие клешни краба, чернолаковые солопка и килик, краснофигурный аск с изображением лебедя. Урна 1964, содержащая жевательные кости и бронзовую херсонесскую монету последней четверти IV в. до н. э.⁹, помещалась в квадратной гробнице из каменных плит. Все выявленные труположения конца V—IV в. до н. э. вытянуты. Из разновременных захоронений на указанном участке выявлено 12 скорченых¹⁰. Одно датируется первыми веками н. э.¹¹. Остальные безинвентарны. К V—IV вв. до н. э. мы не можем отнести ни одно погребение в скорченном положении. Следует особо подчеркнуть, что скорченые погребения здесь составляют ничтожную долю в отличие от Северного участка, где они достигают 40%¹². Среди погребальных сооружений преобладают грунтовые могилы с бутовой обкладкой стенок. Могила 2561 была перекрыта досками¹³. Могилы 680, 1224, 1942 обложены синопскими черепицами с

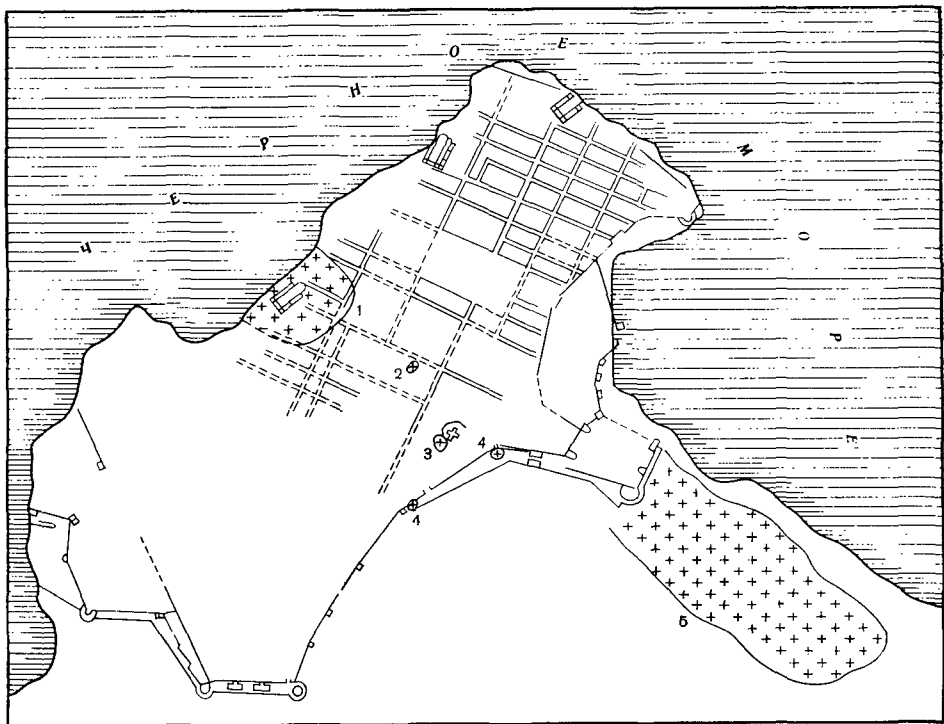

Рис. 1. Херсонес. Схематический план некрополя V—IV вв. до н. э.

1 — северный некрополь; 2 — некрополь у бывшей оранжереи; 3 — некрополь у театра; 4 — южный некрополь; 5 — некрополь

клеймами 1 и 2 групп, по классификации Б. П. Гракова¹⁴. Следы гробов отмечены в двух погребениях¹⁵. Из вещей культового назначения в 19 могилах найдены бронзовые херсонесские монеты: в трех — во рту погребенных¹⁶, в двух — в изголовье¹⁷, в одной — у левой руки¹⁸. Размещение остальных не указано¹⁹. В 10 могилах, кроме монет, инвентаря не было. Изображения на монетах следующие:

- а) голова льва — на лицевой и звезда — на оборотной сторонах;
- б) квадрига на лицевой и коленопреклоненный воин с копьем и щитом — на оборотной;
- в) двуликая голова на лицевой и лев, терзающий быка, на оборотной;
- г) бига на лицевой и лев с копьем в зубах — на оборотной;
- д) дева, поражающая копьем лапю, — на лицевой и бодающий бык — на оборотной.

В. А. Авохип относит эти монеты ко времени около середины — последней четверти IV в. до н. э.²⁰

Предметы личного убранства — бусы из пасты, поясная пряжка, бронзовые серьги — найдены в 4 могилах²¹, посуда в погребальном инвентаре представлена черполоковыми тарелками, солошкой, киликом, кувшинчиками, краснофигурным аском²².

В могиле 270 обнаружен светильник²³; в могиле 2561 — кремль, кресало и железный пог; в могиле 2619 — круглая, тонкая медная пластинка и астрагал; в могиле 1950 (с погребением ребенка) — чернолаковый амфориск 1 половины IV в. до н. э.²⁴

Некрополь у театра. При раскопках в районе античного театра обнаружены фундамент оборонительной стены и участок некрополя, располагавшегося за ней (рис. 1, 3)²⁵. Все могилы — грунтовые, с бутовой обкладкой степок. Семь раскопанных могил впущены в насыпь IV в. до н. э. и ею же перекрыты. Два погребения — юпонесские, остальные — детские. Погребенный в могиле 3 ребенок был положен на подстилку из толстой кожи или войлока. Над черепом найдены остатки камки. На дне могилы 4 найдены железные гвозди и сгнившее дерево — остатки гроба. Умершие погребены

в вытянутом положении, руки вдоль туловища, ориентация северо-восточная. В могиле 5 костяк ориентирован головой на юг, в могиле 1 — на север. Во всех могилах, за исключением 1, были найдены монеты середины IV в. до н. э. Они лежали во рту или в руке. В могилах двух младенцев стояли гутты. Краснофигурный с изображением орнамента волпы вокруг устья — третьей четверти IV в. до н. э. (рис. 2, а) и сероглиняный (рис. 2, б). В инвентаре детских погребений были также серьги, бусы из пасты и стекла, астрагал, фибула. В погребении № 3 найдены мелкие керамические бусы с позолотой, возможно, части погребального венка. По всей видимости, продолжением этого участка некрополя являлись погребения IV в. до н. э., раскопанные в 1913 г., в районе бывшей монастырской оранжереи (рис. 1, 2). Захоронения находились рядом со стенами из «прекрасно тесаных плит с рустами, положенных пасухо». В суммарном описании погребального инвентаря отмечены паходки терракот²⁶.

Некрополь у южных городских стен (рис. 1, 4). Близ башни XII в. 1903 г. была открыта вырубленная в скале гробница, имевшая форму траншеи длиной 5 м, шириной 0,45 м, глубиной 0,55 м. Гробница ориентирована по линии юго-запад-северо-восток. Ее покрывала известняковая плита, сдвинутая с места. В усыпальнице стояло шесть глиняных урн с пережженными костями, в том числе краснофигурный кратер рубежа V—IV вв. до н. э.²⁷ Очевидно, могила ограблена еще в древности. Рассмотренной гробнице рядом черт близок склеп 1012 под оборонительной стеной у городских ворот. Разновременные погребения здесь совершены способом кремации. Урна 1 датируется IV в. до н. э.²⁸ Это позволяет думать, что склеп начал функционировать с указанного времени. Е. П. Жеробцов предполагает наличие в районе южных ворот еще ряда подобных погребальных сооружений с семейными захоронениями богатых херсонеситов²⁹.

Прежде чем перейти от характеристики рассмотренных материалов к выводам, следует отметить, что в некрополе Херсонеса не известно ни одного погребения с инвентарем, который можно было датировать временем, предшествующим дате основания Херсонеса, по А. И. Тюмеву. Все рассматриваемые погребения — погребения городского некрополя, возникшего вслед за основанием Херсонеса.

Границы Херсонеса IV в. до н. э. определяются следующим образом³⁰. На северном и центральном участке — восточнее VIII поперечной улицы по гребню лощины, погребенной культурными отложениями города, в на-

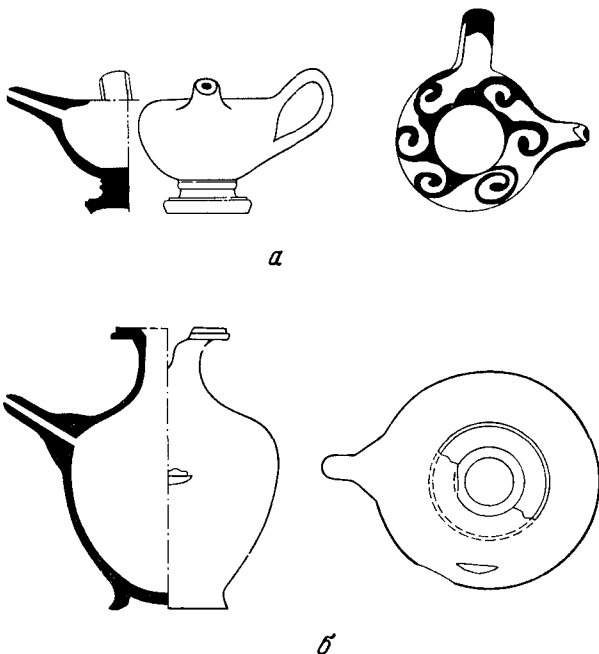

Рис. 2. Гутты из некрополя у театра

а — краснофигурный (могила 4);
б — сероглиняный (могила 3)

правления на бывшую монастырскую оранжерею XIX в. — эпитафический лапидарий заповедника и северо-восточный участок античного театра. Юго-восточный предел идет по так называемой древнейшей стене, раскопанной в 1927 г. К. Э. Грипсвичем, и, как предполагает А. Н. Щеглов, по 20 куртипе, возведение которой он предположительно относит к IV в. до н. э.³¹ Указанная граница подтверждается топографией некрополей V—IV вв. до н. э., распределением краснофигурной керамики и металлических ядер.

По основным характеристикам рассматриваемые участки некрополя группируются следующим образом: некрополь у Карантиной бухты и бывшей монастырской оранжереи, некрополь у южных оборонительных стен и северный.

Для участков некрополя у Карантиной бухты и у бывшей монастырской оранжереи характерны погребения в грунтовых могилах с бутовой обкладкой стенок. У Карантиной бухты отмечены могилы плитовые и черепичные, а также деревянное перекрытие. Ориентация неустойчивая. Скорченные захоронения здесь не выявлены. Погребальный инвентарь скромный, состоит из предметов личного убранства, посуды, игр, терракот. Из 30 погребений 17 сопровождался так называемым оболем Харона.

Некрополи у театра можно рассматривать как стык между участками у Карантиной бухты у оранжереи и северным. Захоронения у театра и у Карантиной бухты сближаются наличием ординарного инвентаря, присутствием «оболов Харона», неустойчивой ориентацией. Вместе с тем в могиле 8 при скорченном захоронении, неизвестном для Карантиного участка и типичном для северного, в инвентаре представлены «оболы Харона». Следует особо отметить, что это погребение подростка. Возможно, в нем проявились взаимные влияния или проникновения обрядов, имеющих разные корни.

Северный участок некрополя отличается наличием только простых грунтовых могил, очень редко — с обкладкой степок бутом, значительным количеством скорченных захоронений (до 40%, по Г. Д. Белову), неизвестных до того времени на других участках, преобладающим восточной ориентацией, немногочисленностью погребений с инвентарем и крайней скромностью последнего. Здесь найдены только две монеты. Однако оба захоронения, с которыми их связывают, совершены в мусорной насыпи на высоте до 0,5 м от материка. В погребении 67 монета середины IV в. до н. э. найдена в засыпи над скорченным захоронением³². Можно думать, что монеты в могилах 62 и 67 не относятся к погребальному инвентарю, а попали в могилы случайно, с мусорной засыпью.

Указанные отличия выделяют северный участок некрополя Херсонеса V—IV вв. до н. э. и свидетельствуют о том, что здесь погребены представители беднейшего городского населения.

Итак, в результате проделанной работы выявлен участок некрополя раннего города в Карантиной бухте, который продолжался погребениями у театра и у бывшей монастырской оранжереи.

По-видимому указанные участки следует рассматривать как некрополь среднего населения Херсонеса, свободного, греческого в своей массе.

На этом фоне выделяются единичные пока усыпальницы у южных оборонительных стен, носившие, видимо, фамильный характер, с господствующим обрядом кремации, с достаточно пышным инвентарем. По всей видимости, это погребения наиболее зажиточной части городского населения. Можно думать, что эти погребения располагались у городских ворот и главных загородных магистралей.

Относительно других участков Северный выступает аномалией. Здесь в стороне от дорог, в тупике последнее пристанище находили беднейшие слои населения Херсонеса, принадлежащие, вероятно, к негреческому этносу. Однако проблема этнической интерпретации Северного некрополя достаточно сложна и нуждается в дальнейшей разработке.

- ¹ Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Симферополь, 1938, с. 163 и сл.; Белов Г. Д., *Стржелецкий С. Ф.* Кварталы XV и XVI.—МИА, 1953, № 34, с. 33—39.
- ² Белов Г. Д. Некрополь Херсонеса классической эпохи.—СА, 1950, XIII, с. 272; *Зубар В. М.* История розкопок і топография античного некрополя Херсонеса.—Археология, 1978, 25, с. 51 и сл.
- ³ Белов Г. Д. Керамика конца V—IV вв. до п. э. из некрополя Херсонеса.—ТГЭ. Л., 1978, с. 112, 120.
- ⁴ Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. с. 194, 195; *Он же.* Некрополь Херсонеса классической и эллинистической эпохи.—ВДИ, 1948, 1, с. 155 и сл.; *Он же.* Херсонес Таврический. Л., 1948, с. 20; *Он же.* Некрополь Херсонеса классической эпохи, с. 272 и сл.; *Он же.* Северный прибрежный район Херсонеса.—МИА, 1953, № 34, с. 13 и сл.; *Блаватский В. Д.* Рец. на кп.: Белов Г. Д. Херсонес Таврический.—ВДИ, 1949, с. 174; *Он же.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, с. 163, прим. 2; *Дьяков В. Н.* Таврика в эпоху римской оккупации.—УЗ МГПИ, 1942, XXVIII, вып. 1, с. 26; *Зедгенидзе А. А., Савеля О. Я.* Некрополь Херсонеса V—IV вв. до п. э. как источник изучения этнического и социального состава населения города: тезисы докладов и сообщений II Всесоюзного симпозиума по проблемам древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1979, с. 22; *Кадеев В. И.* Об этнической принадлежности скорченных погребений Херсонесского некрополя.—ВДИ, 1973, 4, с. 108 и сл.; *Капошина С. И.* Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса.—СА, 1941, VII, с. 172; *Лавин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966, с. 212 и сл.; *Лесков А. М.* Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры. Киев, 1965, с. 181 и сл.; *Стржелецкий С. Ф.* Раскопки таврского некрополя в 1945 г.—ХС, Симферополь, 1948, IV, с. 94 и сл.; *Он же.* К вопросу интерпретации и датировки некоторых памятников Херсонеса из раскопок 1935—1936 гг.—АС НИИ музейно-краеведческой работы. М., 1947, II, с. 145 и сл.; *Тюменев А. И.* Херсонесские этюды.—ВДИ, 1949, 4, с. 86; *Шульц П. И.* О некоторых вопросах истории тавров.—ПИСПАЭ. М., 1959, с. 248.
- ⁵ *Махнева О. А.* Раскопки в западном секторе.—Архив ГХМ, д. 1411/1, с. 8; *Зедгенидзе А. А.* Исследование северо-западного участка античного театра в Херсонесе.—КСИА, 1976, вып. 145, с. 28; *Фирсов Л. В.* Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического. Новосибирск, 1976, с. 77.
- ⁶ *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899.—ИАК, СПб., 1, с. 1—6. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет в Археологическую комиссию за 1903 г.—ИАК, 16, с. 106.
- ⁷ ОАК за 1913—1915 гг., с. 60.
- ⁸ Одно погребение (3), открытое С. Ф. Стржелецким на некрополе «поселка виподселов» в верховье Карантинной бухты, датируется IV в. до п. э. (см.: *Стржелецкий С. Ф.* Раскопки 1939 г. у Карантинной бухты вблизи Херсонеса Таврического.—ХС, 1948, IV, с. 51 и сл.); три погребения (4, 18, 48) конца IV в. до п. э. выделяются на некрополе пригородного поселка близ Песочной бухты. См.: *Шеглов А. Н.* Некрополь у Песочной бухты близ Херсонеса.—КСИА, 1975, вып. 143, с. 109 сл.; Архив ГХМ, д. 848.
- ⁹ ИАК, 1905, 25, с. 97.
- ¹⁰ Ср.: *Колесникова Л. Г.* Кому принадлежали антропоморфные надгробия Херсонеса?—СА, 1973, 3, с. 39.
- ¹¹ *Лепер Р. Х.* Дневник раскопок Херсонесского некрополя.—ХС, 1927, 2, с. 191.
- ¹² Белов Г. Д. Некрополь Херсонеса классической эпохи, с. 278.
- ¹³ *Репников П. И.* Дневник раскопок Херсонесского некрополя в 1909 г.—ХС, 1927, 2, с. 156.
- ¹⁴ *Граков В. Н.* Древнегреческие керамические клейма с именами ашпаномов. М., 1926, с. II и сл.; ОАК за 1898 г.; с. 187; ИАК, 1904, 9, с. 7; ИАК, 1905, 25, с. 93.
- ¹⁵ ИАК, 1905, с. 93; *Репников П. И.* Дневник..., с. 156.
- ¹⁶ *Репников П. И.* Дневник..., с. 155, 156, 161.
- ¹⁷ ОАК за 1892 г., с. 20; ОАК за 1894 г., с. 74.
- ¹⁸ ИАК, 1905, 25, с. 93.
- ¹⁹ ОАК за 1892 г., с. 107, 113; ИАК, 1904, 9, с. 11; ИАК, 1905, 25, с. 85, 89, 90, 92, 95, 102.
- ²⁰ *Анохин В. А.* Монетное дело в Херсонесе. Киев, 1977, с. 136 и сл.
- ²¹ ОАК за 1892 г., с. 107; ИАК, 1905, 25, с. 85, 90, 95.
- ²² ОАК за 1894 г., с. 74; ИАК, 1904, 9, с. 7, 11; ИАК, 1905, 25, с. 88, 90, 93; *Репников П. И.* Дневник..., с. 152, 161, 179.
- ²³ ОАК за 1892 г., с. 117.
- ²⁴ *Репников П. И.* Дневник..., с. 95, 156, 161.
- ²⁵ *Домбровский О. И.* Отчет о раскопках 1955 г. в Херсонесе на участке «храма с овчегом».—Архив ГХМ, д. 712, л. 14; *Зедгенидзе А. А.* Исследование северо-западного участка..., с. 28 и сл.
- ²⁶ ОАК за 1913—1915 гг., с. 60.
- ²⁷ Белов Г. Д. Краснофигурный кратер из Херсонеса. Гос. Эрмитаж.—Труды Отдела истории искусства и культуры античного мира. Л., 1945, т. 1, с. 141 и сл.; *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет в Археологическую комиссию, с. 106.
- ²⁸ *Гриневич К. Э.* Стены Херсонеса Таврического, ч. 1.—ХС. Севастополь, 1926, I, с. 12; *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Извлечение из отчета..., с. 1—6; *Пятышева Н. В.* Материал склена 1012 и его значение для истории Херсонеса эллинистического времени.—В кн.: История и культура восточной Европы по археологическим данным. М., 1971, с. 105.
- ²⁹ *Жеребцов Е. И.* Повое о херсонеском

склепе 1012.— КСИА, 1979, вып. 159, с. 36.

³⁰ Зедгендзе А. А. Аптичная краснофигурная керамика из Херсонеса.— КСИА, 1978, вып. 156, с. 76, рис. 5.

³¹ Щеглов А. П. Рец. на кн.: Сообщения

Херсонесского музея, вып. IV.— ВДИ, 1970, 3, с. 174.

³² Белова-Кудь Л. П. Описание монет из раскопок Херсонеса 1936 г. (приложение); Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе.... с. 320.

И. Т. КРУГЛИКОВА

ЗЕМЕЛЬНЫЕ НАДЕЛЫ ХЕРСОНЕСИТОВ НА ГЕРАКЛЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Уникальная сохранность границ земельных наделов Гераклейского полуострова, их внутренних плантажных стен, дорог, разделявших земельные владения, а также руины усадеб, часто имевших мощные укрепления, давно привлекали внимание исследователей. Они описаны многочисленными путешественниками, посетившими Крым в XVIII и в XIX вв., в том числе академиком Палласом, Э. Кларком, П. Сумароковым, Ф. Дюбуа де Мопере, З. А. Араксом и др.¹ Особенно большое значение для науки имеют археологические планы Гераклейского полуострова, которые были сняты в XVIII и в XIX вв., когда каменные стены древних сооружений были еще хорошо видны на почти свободной тогда от построек поверхности почвы.

Уже в 1786 г. по поручению К. И. Габлица землемер подпоручик Аванний Строков² снял план Гераклейского полуострова. Этот план был опубликован в 1822 г. митрополитом Киевским Евгением³ вместе с описанием зафиксированных на нем руин.

В 1886 г. по поручению А. Л. Бертье-Делагарда военный топограф Тяпин сделал инструментальную съемку всех видимых следов античной размежевки на западной половине Гераклейского полуострова. Этот план был проверен С. Ф. Стржелецким на площади 82 наделов (около 2000 га) и лег в основу опубликованных им планов⁴. Оригинал этого плана утрачен. Н. М. Печенкин, проводивший в 1909—1910 гг. раскопки на Маячном полуострове, снял в 1911 г. совместно с архитектором С. С. Некрасовым план Маячного полуострова и уточнил план земельных участков, снятый Тяпиным. Он четко отделил дороги и ограды наделов от внутренней размежевки участков⁵.

В конце 20-х годов XX в. сотрудниками Севастопольского музея краеведения была составлена археологическая карта Гераклейского полуострова⁶.

В 30-х годах XX в. схематический план полуострова с нанесением древних сооружений составил по снимкам с патуры и по материалам Музея краеведения научный сотрудник Государственного Херсонесского музея Н. Япышев⁷. На нем указаны местоположение и промерованы античные усадьбы, руины которых были видны на поверхности. Еще на одном плане, составленном П. Япышевым⁸, указаны следы древних стен, сохранившихся в северо-западной части полуострова. Очертания наделов на этой карте теряются среди остатков стен внутренней размежевки участков, а направление магистральных улиц, хорошо видимых на карте 1786 г., здесь не прослежено. То же относится к Маячному полуострову, на котором показано гораздо более дробное деление участков, чем на карте 1768 г. Планировка Маячного полуострова здесь очень близка планам, снятым в 1886 и в 1911 гг.⁹ Известно о существовании еще нескольких неопубликованных планов Гераклейского полуострова, снятых в XIX в. и хранившихся в рукописном архиве библиотеки Одесского общества истории древностей¹⁰.

Важность проблем, которые ставили перед антиковедами найденные остатки размежевания сельскохозяйственной территории античного города, известные до середины XX в. только в Крыму, заставляла советских уче-

ных отнестись с особым вниманием к имеющимся планам этой размежевки. Вместе с тем несоответствие деталей на разных археологических планах Гераклейского полуострова, мелкие масштабы снятых планов, отсутствие планов внутренней размежевки клеров требовали новых уточнений имеющихся схем и снятия новых более детальных планов.

После Великой Отечественной войны это стало одним из главных направлений в научных исследованиях Государственного Херсонесского историко-археологического музея. Большую работу по уточнению планов и выявлению внутренней размежевки паделов № 10, 11, 20, 25, 26 в северо-западной части Гераклейского полуострова проделал С. Ф. Стржелецкий¹¹. Им составлен общий план размежевания 35 клеров в районе Круглой и Камышевой бухт, дано их краткое описание, исследованы вопросы организации сельскохозяйственной территории и сельскохозяйственного производства, рассмотрены различные отрасли сельского хозяйства херсонеситов. Однако ему удалось детально исследовать лишь небольшую часть Гераклейского полуострова. Его монография является итогом длительного исследования Гераклейского полуострова. В ней учтены результаты работ предшественников. Ко времени опубликования монографии на территории Гераклейского полуострова было зарегистрировано 149 античных усадеб, не считая усадеб на Маячном полуострове¹². Однако, судя по плану, снятому в 1786 г., число паделов на Гераклейском полуострове превышало 350 и, вероятно, на большинстве из них имелись усадьбы.

За два десятилетия, прошедшие со времени написания С. Ф. Стржелецким книги о клерах Гераклейского полуострова, значительно расширились масштабы археологического изучения сельскохозяйственной округи Херсонеса. Херсонесский историко-археологический музей продолжал работу по обмеру земельных паделов и уточнению схемы размежевания.

В 1960 г. С. Ф. Стржелецкий и А. П. Щеглов начали обмеры паделов в западной части полуострова. Позднее обмеры клеров и выявление их планировки продолжили Г. М. Николаенко и Е. П. Жеребцов. При новейших исследованиях сельскохозяйственной территории Херсонеса применяются новые методы: используются данные аэрофотосъемки, применяется геофизический метод разведки, привлекаются ботаники для определения сельскохозяйственных культур. К. В. Шишкин на основе изучения материалов аэрофотосъемки составил новую схему размежевания Гераклейского полуострова. Ему удалось выявить и нанести на план 207 паделов без учета размежевки Маячного полуострова. Но южной и восточной границ размежеванной территории ему выявить не удалось. Значительно большее количество паделов с указанием местонахождения усадеб имеется на небольшой схеме, опубликованной А. Н. Щегловым¹³. Однако неясно, что послужило ему основой для восстановления восточной и южной границ размежеванной территории.

В архиве Херсонесского музея имеется схема расположения клеров Гераклейского полуострова, составленная С. Ф. Стржелецким, на которой намечены очертания 361 клера, но из них пронумерованы только 244¹⁴. Границы остальных проведены пунктиром, по-видимому, по мнению С. Ф. Стржелецкого они требовали дополнительной проверки на местности. Эта схема стала основой для дальнейшей работы над составлением карты размежевания земельных паделов херсонеситов. Номера клеров, поставленные на этой схеме, уже частично вошли в литературу.

Основным недостатком этой схемы с предварительной еще не опубликованной нумерацией паделов, предложенной К. В. Шишкиным и С. Ф. Стржелецким, является отсутствие системы в цифровом обозначении паделов, нет обозначения дорог, что затрудняет их описание, а главное отсутствуют номера почти у половины общего количества известных клеров. Пронумерованы клеры Маячного полуострова, а также клеры южной и западной частей Гераклейского полуострова. Поскольку за последние годы были выявлены и частично изучены новые паделы, номера которых отсутствуют на указанной схеме, и открыты новые дороги, действительно потребовалось составление нового плана размежеванной территории хо-

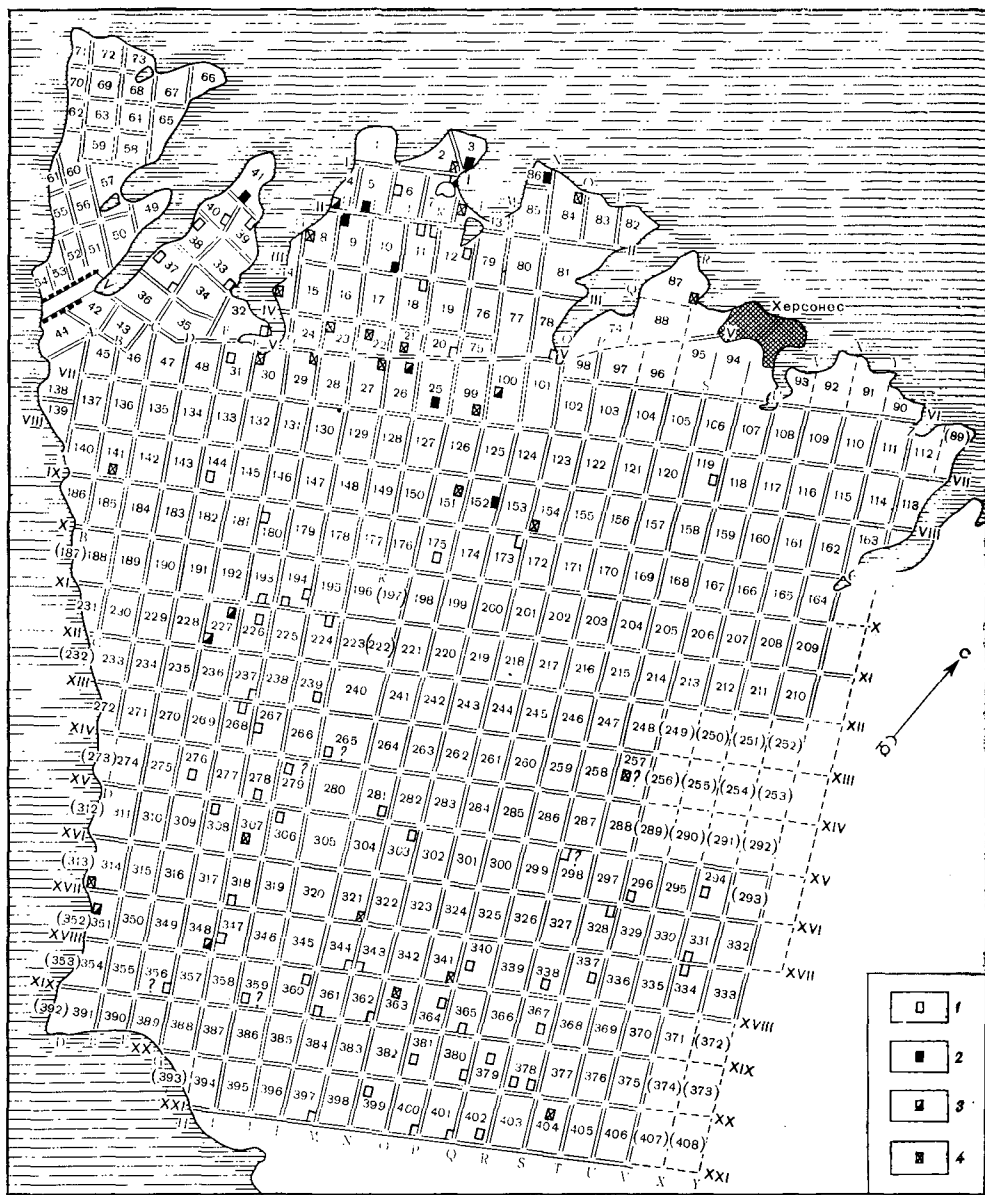

Рис. 1. Схема расположения клеров на Гераклейском полуострове

1 — остатки усадеб; 2 — исследование усадеб; 3 — частично исследованная; 4 — средневековые усадеб

ры Херсонеса. Многолетние разведки, проводившиеся на Гераклейском полуострове за последние десятилетия Г. М. Николаенко, Е. Н. Жеребцовым, А. Н. Щегловым и другими, а также использование всех имевшихся ранее планов размежевания участков позволили составить новую схему размежевания паделов, включившую 408 паделов, некоторые из которых в южной и юго-восточной части полуострова нанесены условно (рис. 1). Все паделы получили сквозную нумерацию. С целью упорядочения общей системы нумерации для облегчения пользования ею пришлось большинство паделов дать новые порядковые номера, пронумеровав паделы по горизонтальным рядам, не прерывая порядка цифр, т. е. один ряд — справа налево, другой — слева направо. Только паделы № 1—39 сохранили свои обозначения, поскольку большая часть их уже широко вошла в научную литературу. Поперечные дороги, которые тянутся с юго-запада на северо-

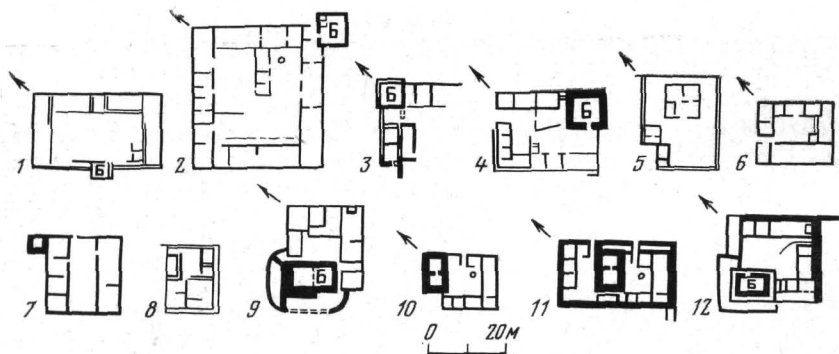

Рис. 2. Планы усадеб

1, 2 — клер 25; 3, 4 — клер 26; 5—7 — Маячный п-ов; 8 — клер 227, «северный»; 9 — клер 9; 10, 11 — клер 10; 12 — клер 86

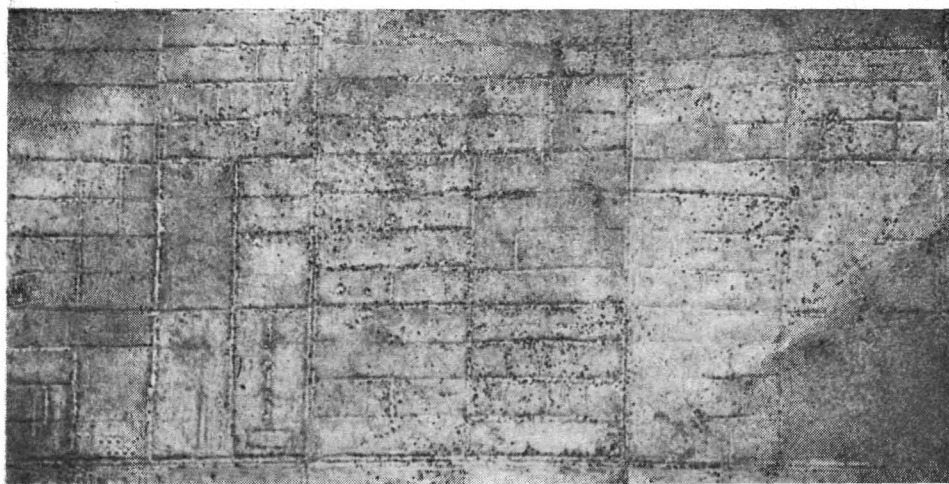

Рис. 3. Аэрофотосъемка клеров 9, 10 и 11

восток, предлагается обозначить римскими цифрами, а продольные дороги, перерезающие полуостров с северо-запада на юго-восток, — буквами латинского алфавита. Данная схема обозначения наделов, составленная Е. Н. Жеребцовым и являющаяся результатом длительной работы сотрудников Херсонесского музея по уточнению карты, составленной А. Строковым в 1786 г., согласована и уточнена с Г. М. Николаенко, которая внесла в нее ряд исправлений, в том числе добавила вновь открытый ею надел № 41¹⁵, восточный и южный ряды клеров. С этой схемой согласились начальники экспедиций, работающих на территории Гераклеяского полуострова, в свою очередь внесшие в нее некоторые коррективы. Ниже, упоминая клеры и усадьбы Гераклеяского полуострова, мы даем новую нумерацию согласно приведенной схеме (рис. 1).

Изучение усадеб, на руины которых обратили внимание еще русские и иностранные путешественники в XVIII и XIX вв., началось сравнительно поздно. Наиболее серьезные работы были проведены Н. М. Печенкиным на Маячном полуострове. Незначительные раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича в районе Круглой бухты, а также Р. Х. Лепера почти не отражены в литературе. Значительно шире были поставлены работы по исследованию сельских усадеб Гераклеяского полуострова после Великой Октябрьской революции. Начиная с 20-х годов XX в. ведется работа по учету и составлению планов и описанию усадеб. Раскопки их проводили И. Н. Бороздин, К. Э. Гриневиц, В. П. Лисин и А. К. Тахтай¹⁶. Наиболее полное освещение в печати получили результаты раскопок усадеб клеров № 25 и 26 (рис. 2, 1—4), проводившиеся С. Ф. Стржелецким после окон-

чания Великой Отечественной войны. Это были первые полностью исследованные усадьбы. Однако закончить раскопки усадьбы первого строительного периода на клере № 26 С. Ф. Стржелецкий не успел.

Только в 1974 г. после некоторого перерыва, связанного с болезнью и смертью С. Ф. Стржелецкого, возобновились систематические исследования усадеб и клеров Гераклейского полуострова. Начала работу объединенная экспедиция ГХМ, ИА АН СССР, МГУ и МОПИ им. М. К. Крупской¹⁷. Позднее она разделилась на несколько самостоятельных экспедиций. Задачей объединенной экспедиции было комплексное изучение земельных наделов одновременно с раскопками находившихся на них усадеб. В течение 1974—1979 гг. были полностью раскопаны усадьбы наделов № 9, 10 и 86 (рис. 2, 9—12), изучалась внутренняя планировка надела № 9 (рис. 3), начаты раскопки двух изолированных усадеб — эллинистической и римской на наделе № 227¹⁸. В 1977 и 1979 гг. раскопки усадеб надела № 227 продолжила экспедиция МГУ под руководством В. И. Кузнецина. Было установлено, что «южная» из усадеб, так называемая римская, существовала с позднееллинистического времени до ранневизантийского и сохранила следы многочисленных перестроек, тогда как «северная» усадьба ко времени возникновения «южной» уже, по-видимому, прекратила свое существование.

Две усадьбы, находящиеся внутри одного земельного владения, — явление очень редкое. Как правило, усадьбы, жизнь на которых продолжалась и в первые века н. э., перестраивались, но не переносили на новые участки. Две постройки, относящиеся к античному времени, пока известны только на наделах № 11, 194, 227 и 378. Однако исследовались они и точно датированы только на наделе № 227.

Херсонесский музей проводил изучение земельных участков в районах новостроек г. Севастополя. В 1975 г. Г. М. Николаенко и А. А. Зедгенидзе раскопали частично разрушенную строительным котлованом большую усадьбу на наделе № 33 на западном берегу Камышевой бухты. Обнаружены виаподельня II—IV вв. с двумя цистернами, мощная башня, двор и 19 помещений. Сохранились культурные напластования от эпохи эллинизма до средневекового времени. В 1976—1977 гг. Г. М. Николаенко проводила раскопки усадьбы на наделе № 100 (старый № 91). Усадьба квадратная в плане (26×26 м) частично разрушена котлованами, датируется концом IV — началом II в. до н. э. Она имела два внутренних двора и необычную для Гераклейского полуострова круглую башню диаметром 4,5 м в западном углу. Усадьба имеет не менее двух строительных периодов. К первому из них относится постройка с прямоугольной башней (4,5×2,5 м) в восточном углу. При расширении усадьбы эта башня оказалась внутри одного из дворов.

В 1976 г. исследовалась усадьба надела 298 (старый № 203), где обнаружены остатки построек II—IV вв. н. э., перекрывшие эллинистическую усадьбу. Уцелела кладовая с углублениями для пифосов и с зерновой ямой, погибшая в пожаре в конце III или в начале II в. до н. э.¹⁹

В 1976 и 1977 гг. Г. М. Николаенко исследует усадьбу эллинистического времени на наделе № 227. К наиболее раннему периоду здесь относится прямоугольная башня (9×7,5 м), сложенная из крупных отесанных с наружной стороны блоков. Возможно, что вскоре были построены другие помещения и уже в конце IV — начале III в. до н. э. усадьба занимала площадь 18×14 м. В середине III — начале II в. до н. э. размеры усадьбы возросли до 18×24 м, а башня в этот период уже не существует и перекрыта одной из стен усадьбы (рис. 2, 8).

В 1976 г. А. А. Зедгенидзе продолжила исследование усадьбы первого строительного периода (конец IV — начала III в. до н. э.) на наделе № 26. Эта ранняя квадратная в плане усадьба (33×33 м) с внутренним двором и расположенными по его сторонам помещениями находилась под усадьбой второго строительного периода (II—I вв. до н. э.), раскапывавшейся С. Ф. Стржелецким в 1954—1956 гг. и в 1960 г. (рис. 2, 4)²⁰.

В 1978—1979 гг. Г. М. Николаенко раскопала усадьбу на наделе № 41

между Казачьей и Камышевой бухтами, ранее объединявшемся с наделом № 39. Усадьба эллиптического времени довольно большая (27,5 × 27,5 м) с двойным рядом помещений по периметру и небольшим двором в центре. В юго-восточной части усадьбы, обращенной к степной части Гераклеяского полуострова, открыты 2 башни: ранняя — квадратная (7 × 7 м) из больших тесаных блоков в центральной части и более поздняя — круглая с винтовой лестницей в восточном углу. Там же в южном углу открыта винодельня с двумя большими давящими площадками. Огромная каменная гиря для рычажного пресса находилась в специальной яме, выложенной камнями, аналогичной открытым на усадьбах наделов № 9, 26 и 86.

В 1979 г. начались раскопки усадьбы на клере № 32 на западном берегу Камышевой бухты. Там над античной усадьбой сохранилась усадьба средневекового времени.

Кроме раскопок усадеб, экспедиция Херсонесского музея под руководством Г. М. Николаенко продолжала исследование системы размежевания клеров. Были произведены новые обмеры земельных наделов № 131—134, 144—146, 180, 193 и 227, расположенных в Пижне-Юхарипой балке. Их старые номера соответственно были: 49—52, 61—63, 72, 132 и 150. Установлено, что все они примерно одинаковых размеров (630 × 420 м). Почти на всех наделах сохранились следы внутренней планировки. На наделах № 144, 180, 193 и 227 хорошо видны усадьбы²¹. Исследовались также наделы № 77, 80 и 99. Один из них — падел № 99, соседний с наделом № 25, отличается от обычных рядовых наделов своими большими размерами. В плане он представляет собой неправильный четырехугольник расчлененный на 14 участков шириной около 50 м каждый, расположенных на разных террасах. Соседние наделы № 77 и 80 имеют размеры, близкие к стандартным, около 630 на 420 м. На наделе № 77 найден тарапан винодельни. Падел № 100 в плане представляет неправильный четырехугольник, длиной 800—850 м и стандартной шириной в 420 м²².

Была сделана инструментальная съемка клеров № 32, 39, 77, 80 и 100.

В настоящее время изучение херсонесской хоры на Гераклеяском полуострове производится большим коллективом исследователей, и полученные результаты внесли много нового в наши представления об организации индивидуального земельного хозяйства херсонеситов, о планировке наделов и усадеб, об изменениях, происходивших на хоре Херсонеса в течение античного периода.

Вместо двух усадеб эллиптического периода, имевшихся в распоряжении С. Ф. Стржеleckого, сейчас раскопано или почти полностью раскопано более 8 усадеб, сравнение которых между собой показывает, что их планировка отличается большим разнообразием и полным отсутствием стандартизации. Это свидетельствует о том, что они возводились как частные дома каждым владельцем самостоятельно. Явно бросается в глаза постепенное усложнение планировок усадеб и увеличение их размеров. Усадьбы первого строительного периода отличаются меньшими размерами и более примитивной планировкой. В отличие от усадеб Маячного полуострова, не имеющих четко выраженных башен, усадьбы Гераклеяского полуострова, как правило, имеют особо выделенные помещения в виде небольших квадратных или прямоугольных башен.

Раскопки усадеб на наделах № 9, 10, 86 и 227 (северной усадьбы) бесспорно свидетельствуют, что сооружение башен из довольно хорошо обработанных каменных блоков всегда относится к наиболее раннему строительному периоду. Есть основание предполагать, что башня являлась ядром первоначального жилища и была одновременно и жильем, и укрытием, и хозяйственной ячейкой. Она всегда была окружена двором или находилась в углу или с одной из сторон обширного хозяйственного двора. Многочисленные примеры этому мы видим на территории античных государств Средиземноморья²³. Стены этих башен в первый период их существования не имели пирамидальных панцирей, характерных для башен Гераклеяского полуострова, начиная со II в. до н. э. Особенно четко

изолированность рашней башни проявляется на усадьбе «северной» падела № 227. К пей не примыкает ни одна из стен усадьбы. Башня уже прекратила свое существование в конце III — начале II в. до н. э. К этому времени размеры усадьбы выросли вдвое, башня оказалась внутри усадьбы и была разобрана. По-видимому, в этот период не было необходимости в башне как укрепленном убежище, а ее хозяйственные функции могло выполнять любое другое из помещений усадьбы. Толщина стен первоначальных башен могла быть такой же, как и у стен ограды примыкавшего к пей двора или внутренних помещений усадьбы, как, например, башни на усадьбах III в. до н. э. на паделах № 25 и 26, что подтверждает жилое и хозяйственное назначение башен в этот период. Замечательно, что башни на усадьбах, которые прекратили свое существование в конце III или в начале II в. до н. э. как, например, усадьбы на паделах № 41 — и 227 (северная), хотя они и сложены из более крупных и лучше обработанных камней, чем остальные стены усадьбы, не имеют дополнительных панцирей, утолщающих стены. Напротив, башни на усадьбах паделов № 10,9 и 86 (рис. 2, 9—12), продолжавших существовать во II в. до н. э., обнесены стенами, которые с паружных сторон часто имеют пирамидальные очертания. Этот пирамидальный, расширяющийся книзу панцирь из очень массивных, лишь слегка обработанных камней называют «противотараным»²⁴. Как правило, его возводят лишь с внешней стороны у паружных стен башни, тогда как стены башни, выходящие внутрь двора, или пристроенных к башне помещений укрепляются дополнительным панцирем, не имеющим утолщения в нижней части. Во II в. до н. э. утолщаются стены не только у башен, но дополнительный панцирь возводят по всему периметру усадьбы. Такой панцирь хорошо прослеживается у юго-восточной части усадьбы падела № 10, где стены в виде дополнительного панциря утолщают все паружные фасады здания усадьбы. Дополнительные панцири хорошо видны и вокруг стен усадьбы падела № 86, но в отличие от пирамидального панциря у паружных стен башни расширяющийся к основанию дополнительный панцирь стен усадьбы сложен из гораздо более мелких камней, без следов обтески.

По-видимому, именно во II в. до н. э., когда очень реальной была угроза нападений скифов и возросла опасность восстаний рабов, понадобилось возводить специальные укрепления, превращая усадьбы с башнями в крепости. Если в ранний период, когда возникали первые сельские жилища херсонеситов на Гераклейском полуострове, похожие на башни дома с оградами строились для обеспечения спокойной жизни земледельцам, находившимся под угрозой нападения соседних таврских племен, дикость которых стараются специально подчеркнуть греческие авторы, то укрепление усадеб и башен во II в. до н. э. связано уже с другими причинами — с особенностями внешнеполитических условий и с внутренними социальными противоречиями в Херсонесском государстве. А между этими двумя периодами — концом IV — началом III в. до н. э. и серединой II в. до н. э. жизнь в сельских усадьбах, по-видимому, протекала спокойно и не требовалось специально укреплять усадьбы. Все их помещения, и в том числе башни, использовались главным образом в хозяйственных целях и для жилья.

Новые работы по укреплению сельских усадеб относятся уже к первым векам н. э. Усадьбы, жизнь на которых продолжалась в первые века н. э., сохранили следы еще одного ряда укреплений в виде дополнительных вынесенных вперед стен, иногда для утолщения паружных стен башни, а иногда и стен помещений. Так на усадьбе падела № 9 весь западный угол, где находилась башня, был окружен стеной, а пространство между этой стеной и пирамидальным панцирем башни было забито землей и бутом. Та же картина наблюдается и на усадьбе падела № 86. Здесь дополнительная ограда проведена вдоль северо-западной и юго-западной стен усадьбы, а образовавшееся пространство между кладками было заполнено землей с камнями. В III и IV вв. н. э. тревожные периоды готских и гуннских нашествий усадьбы Гераклейского полуострова вновь пеодно-

кратко перестраивались и укреплялись, что хорошо прослеживается на примере южной усадьбы надела № 227. Усадьбы наделов № 9 и 86 в III в. уже прекращают свое существование.

В первые века н. э. система размежевки наделов Гераклейского полуострова в значительной мере теряет свою строгость планировки. Многие усадьбы в это время уже лежат в руинах, на сохранившихся усадьбах укрепления часто выходят за пределы границ участков и загораживают проезжие дороги, как, например, на усадьбе надела № 9. Еще сильнее меняется облик хоры в III и IV вв. н. э.

- ¹ История исследования памятников Гераклейского полуострова подробно изложена Н. И. Репшиковым (Гераклейский сборник, архив ЛОИИМК, ф. 35, оп. 2, № 452) и С. Ф. Стржелецким (в кн.: Клеры Херсонеса Таврического.— ХС. Симферополь, 1961, VI).
- ² Оригинал плана хранится в архиве Одесского историко-археологического музея. Подпись на нем неразборчива. На копии, хранящейся в архиве Гос. Херсонесского музея, автором плана назван Аваний Струлов (Архив ГХМ, д. 182 п. III и № 1863 п. IV). А. Л. Бертве Деллагард (Раскопки Херсонеса.— МАР. СПб., 1893, № 12, с. 6, прим. 3) называет автором плана Стрелова или Строкова.
- ³ См.: Отечественные записки, 1822, № 22, февраль, с. 158—163. Автор статьи, подписанной «Е», сообщает, что он получил карту и описание следов древнего Херсонеса от К. И. Габлица, который в 1786 г. снял топографическую карту древнего Херсона со следами древних построек и вместе с историческим описанием всего Крыма преподнес ее Екатерине II. По эта книга и карта опубликованы не были. В 1828 г. митрополит Евгений опубликовал вторично текст той же статьи см.: Труды и летописи Общества истории и древностей российских, учрежденного при императорском Московском университете. М., 1828, ч. IV, кн. 1, с. 102—115.
- ⁴ Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического, с. 15, прим. 4; ст. 181, рис. 4, с. 182, рис. 20; архив ГХМ, план 191/1953 и д. 1861.
- ⁵ Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического, с. 170, рис. 2.
- ⁶ Карта, составленная Е. В. Веймарпом, хранится в архиве ГХМ (д. 185, папка 3).
- ⁷ Архив ГХМ, д. 187/1940 п. 604/1955.
- ⁸ Архив ГХМ, д. 188/1940.
- ⁹ Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического, с. 170, рис. 2; архив ГХМ, д. 1862.
- ¹⁰ Маркевич А. И. Известия Таврической ученой архивной комиссии № 20. Симферополь, 1894.
- ¹¹ Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического, с. 169, рис. 1.
- ¹² Там же, с. 55—65, 87, 163—168.
- ¹³ Щеглов А. Н. Полис и хора. Симферополь, 1976, с. 48.
- ¹⁴ Архив ГХМ, папка 4, план № 1863.
- ¹⁵ Ранее он был ею назван наделом 39а.
- ¹⁶ Библиографию и оценку работ см.: Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса..., с. 16—26 и 87.
- ¹⁷ Крушликова И. Т. Херсонесская экспедиция.— АО 1974 г. М., 1975, с. 32 и сл.; Крушликова И. Т., Сапрыкин С. Ю. Гераклейская экспедиция.— АО 1975 г. М., 1976, с. 345; Крушликова И. Т. Гераклейская экспедиция.— АО 1976 г. М., 1977, с. 316.
- ¹⁸ Ранее этот надел назывался клером № 150 (Сапрыкин С. Ю., Николаенко Г. М. Исследование усадеб клера 150 хоры Херсонеса.— АО 1976 года. М., 1977, с. 368 и сл.; Кузицын В. И. Изучение поздантичной сельской виллы в окрестностях Севастополя.— АО 1977 г. М., 1978, с. 344 и сл.; Николаенко Г. М., Оленина Е. Ф., Савеля О. Я., Викторова А. М. Исследования на Гераклейском полуострове и в Бельбекской долине.— АО 1977 г. М., 1978, с. 363 и сл.
- ¹⁹ Николаенко Г. М., Оленина Е. Ф., Жеребцов Е. П., Глазунов В. В. Охранные исследования на городской хоре Херсонеса.— АО 1976 г. М., с. 345 и сл.; Николаенко Г. М., Оленина Е. Ф., Савеля О. Я., Черных А. А., Викторова М. А. Исследования на Гераклейском полуострове..., с. 362 и сл.
- ²⁰ Зедгенидзе А. А. Раскопки усадьбы античного земельного надела 26 на Гераклейском полуострове.— АО 1976 г., с. 298.
- ²¹ Николаенко Г. М., Савеля О. Я. Работы на Гераклейском полуострове.— АО 1974 г., с. 332; старая нумерация этих клеров: 49—51, 61—63, 72, 132, 150.
- ²² Николаенко Г. М., Оленина Е. Ф., Савеля О. Я., Черных А. А., Викторова М. А. Исследования на Гераклейском полуострове..., с. 345.
- ²³ Young J. H. Studies in South Attica, country estates at Sounion.— Hesperia, 1956, XXV, 2, p. 133—134, 144—146; Percirka J. Homestead farms in classical and hellenistic Hellas.— In: Problèmes de la terre en Grèce ancienne. Paris; La Haye, 1973, p. 124 ss; Nowicka M. Les Maisons à tour dans le Monde Grec. Wrocław — Warszawa — Krakov — Gdansk, 1975.
- ²⁴ На появление пирамидального дополнительного пояса у херсонесских башен обратил внимание А. Н. Щеглов (Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978, с. 72), который возражает В. Д. Блаватскому и С. Ф. Стржелецкому, связывавшим строительство таких башен с таврами.

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ КЛЕРОВ ГЕРАКЛЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

В настоящей статье сделана попытка обосновать новое решение некоторых недоуменных вопросов происхождения, назначения и датировки агротехнических сооружений херсонесских сельских наделов III—II вв. до н. э. Есть основания полагать, что не только освоение Гераклейского полуострова, но и полное хозяйственное освоение любого из наделов, строительство всех сложных, необычайно трудоемких и дорогих агротехнических сооружений-плантажей, позволявших выращивать виноград буквально на голой скале, — многолетний процесс, в течение которого методы агротехники вряд ли оставались неизменными.

В отличие от раскопанных усадеб определение времени строительства и возделывания херсонесских виноградных плантажей представляет большие трудности. С одной стороны, нигде в античном мире, кроме хоры Херсонеса, такие плантажи пока не найдены. Возможно, они являются изобретением херсонесских агрономов. С другой стороны, все земли окрестностей Херсонеса, сохранившие до наших дней плантажи с плантажными стенами, по-видимому, в первые века нашей эры уже не возделывались.

Все эллинистические наделы Гераклейского полуострова расчленены внутри каменными заборами и крепидами невысоких террас на десятки участков по определенным, чаще всего ортогональным схемам¹. Назначение этого, более или менее дробного членения наделов пока не имеет общепринятой трактовки².

В. Д. Блаватскому принадлежит заслуга определения математического принципа внутренней распланировки наделов³.

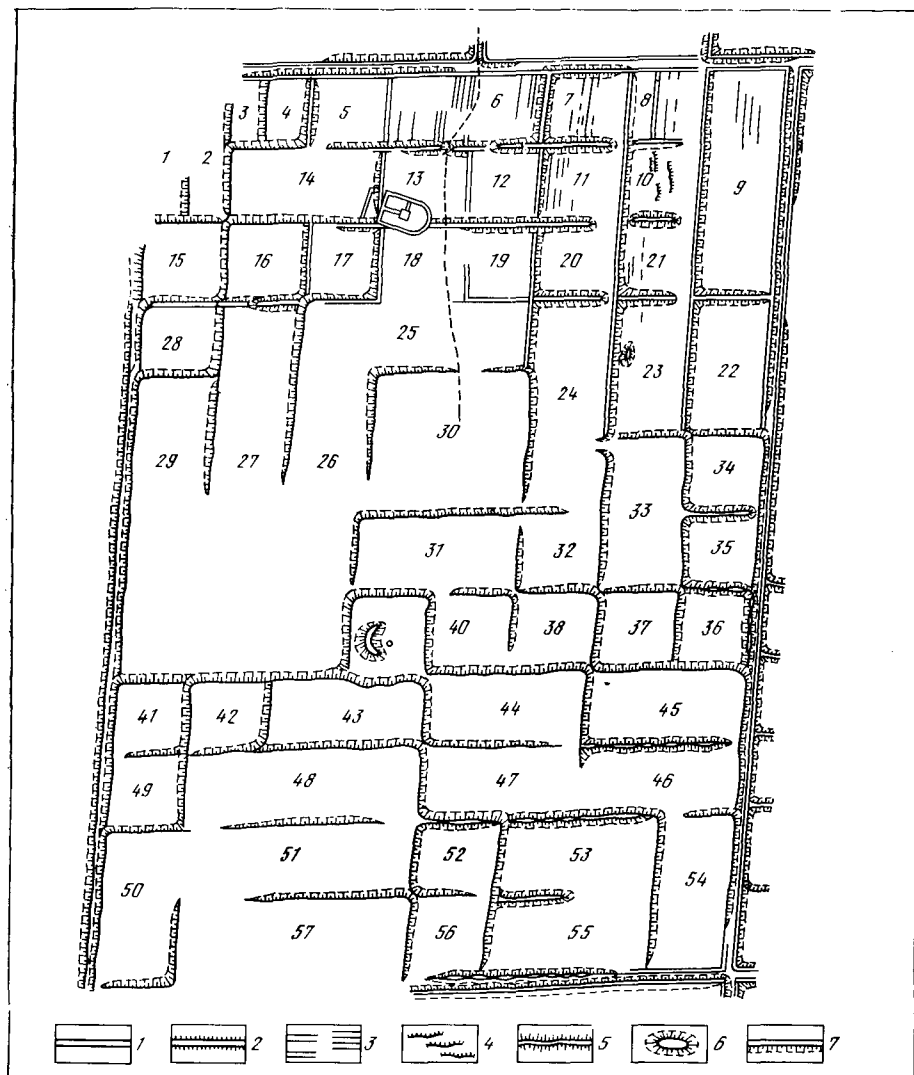
Следующий шаг в метрологическом изучении клеров был сделан С. Ф. Стржелецким, установившим (в метрическом выражении) основную меру их внутреннего членения, близкую 52,5 м. Им же замечена общая для многих наделов тенденция располагать несколько сравнительно небольших участков в пределах квадратов 210×210 м (1/6 площади регулярных наделов)⁴.

Суммируя наблюдения наших предшественников, нетрудно реконструировать первоначальную разбивку всех регулярных наделов на 12 равных частей по длине и 8 по ширине. Эта землемерная сетка из 96 квадратов около 52,5×52,5 м (возможно, что именно такова была длина мерной цепи) использовалась, однако, при последующем хозяйственном освоении клеров по-разному.

Вместе с тем далеко не все черты сходства общей распланировки участков разных наделов могут быть сведены только к этим, видимо, действительно традиционным землемерным приемам. Сравнение планировки наделов, расположенных в разных частях Гераклейского полуострова, позволяет высказать ряд предположений о причинах различий во внутреннем размежевании участков на клерах и о его назначении. Сделанные нами обмеры клеров 11, 135, 175, 380 и 402 дают новые материалы для этих сравнений.

Клер 175 (рис. 1) занимает часть протяженного водораздельного холма между двумя рукавами Туровской балки, причем вершина холма совпадает с продольной осевой линией надела. В плане клер 175 представляет собой параллелограмм 630×420 м, т. е. принадлежит к числу регулярных. Современный ландшафт — сухая лесостепь, почвы горно-лесные, средней мощности.

Принцип внутреннего размежевания клера 175, по-видимому, заключается в разбивке длинных сторон надела на 12, а коротких на 8 равных долей с последующим соединением противоположных точек прямыми, что образовало сетку из 96 квадратов по 52,5×52,5 м. В ходе хозяйственного

Рис. 1. Клер 175 и остатки плантажных стен

1 — каменные стены; 2 — развалы стен; 3 — виноградники с плантажными стенами и проходами; 4 — плантажные траншеи, выбитые в материке; 5 — валы из щебня; 6 — кучи щебня; 7 — край террас

освоения надела эти ячейки либо получили какое-то самостоятельное назначение, либо были соединены в различной длины террасированные участки, ориентированные в зависимости от рельефа местности вдоль или поперек надела.

Плантажи с плантажными стенами эллинистического времени сохранились только на севере надела, где расположены земли, видимо и в древности бывшие наиболее затронутыми эрозией. На остальных участках плантажные стены позднее были разобраны, и участки, при сохранении эллинистических террас, продолжали возделываться в последующие столетия⁵.

Клер 11 (рис. 2) занимает часть вершины и склоны полого водораздельного холма, лежащего между безымянными балками бассейна Круглой бухты. Современный ландшафт — сухая лесостепь, почвы горно-лесные, каштановые, на водоразделе красноцветные, незначительной мощности (кроме насыпей древних террас). Много обширных выходов на поверхность материковых известняков.

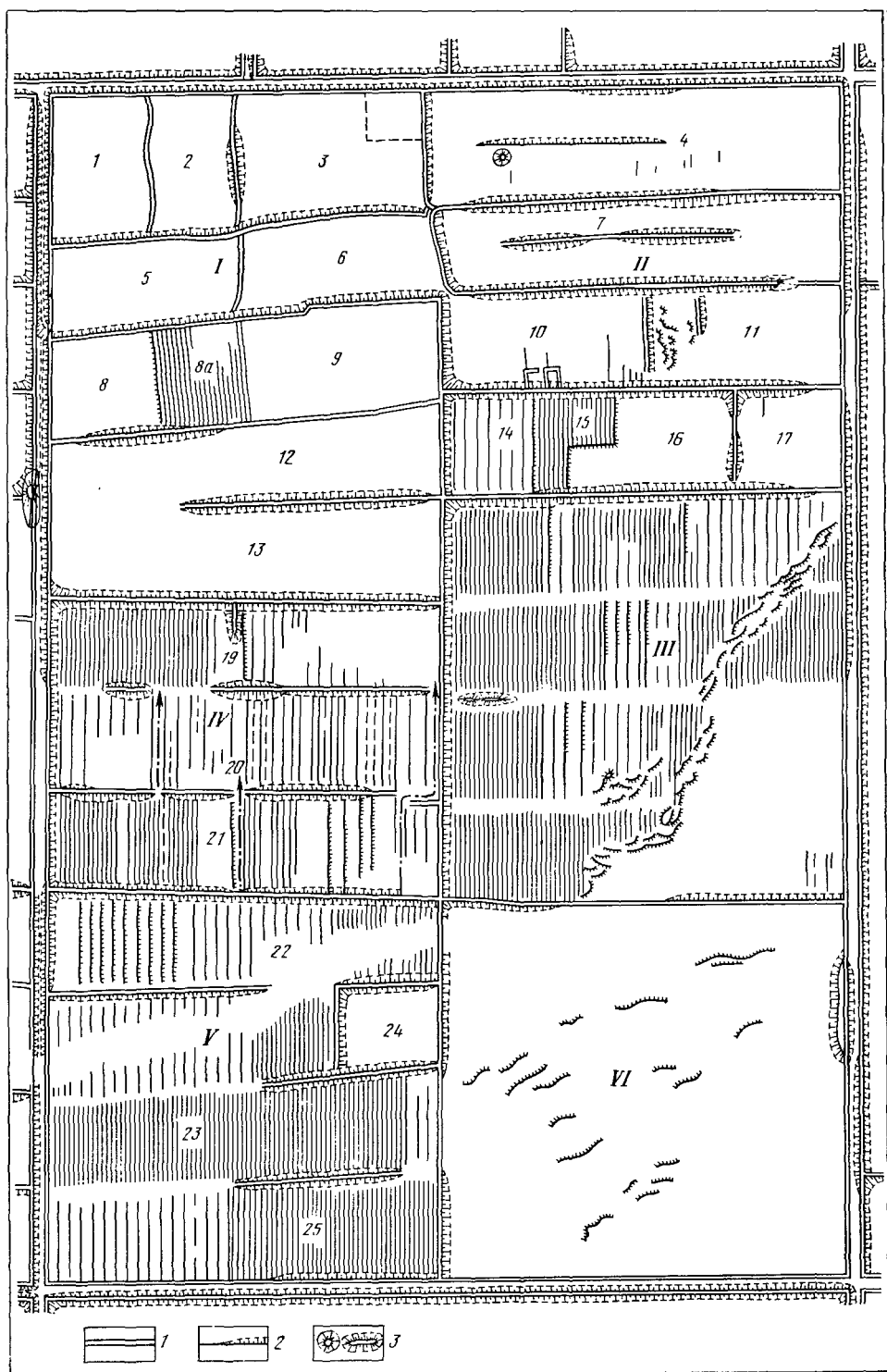
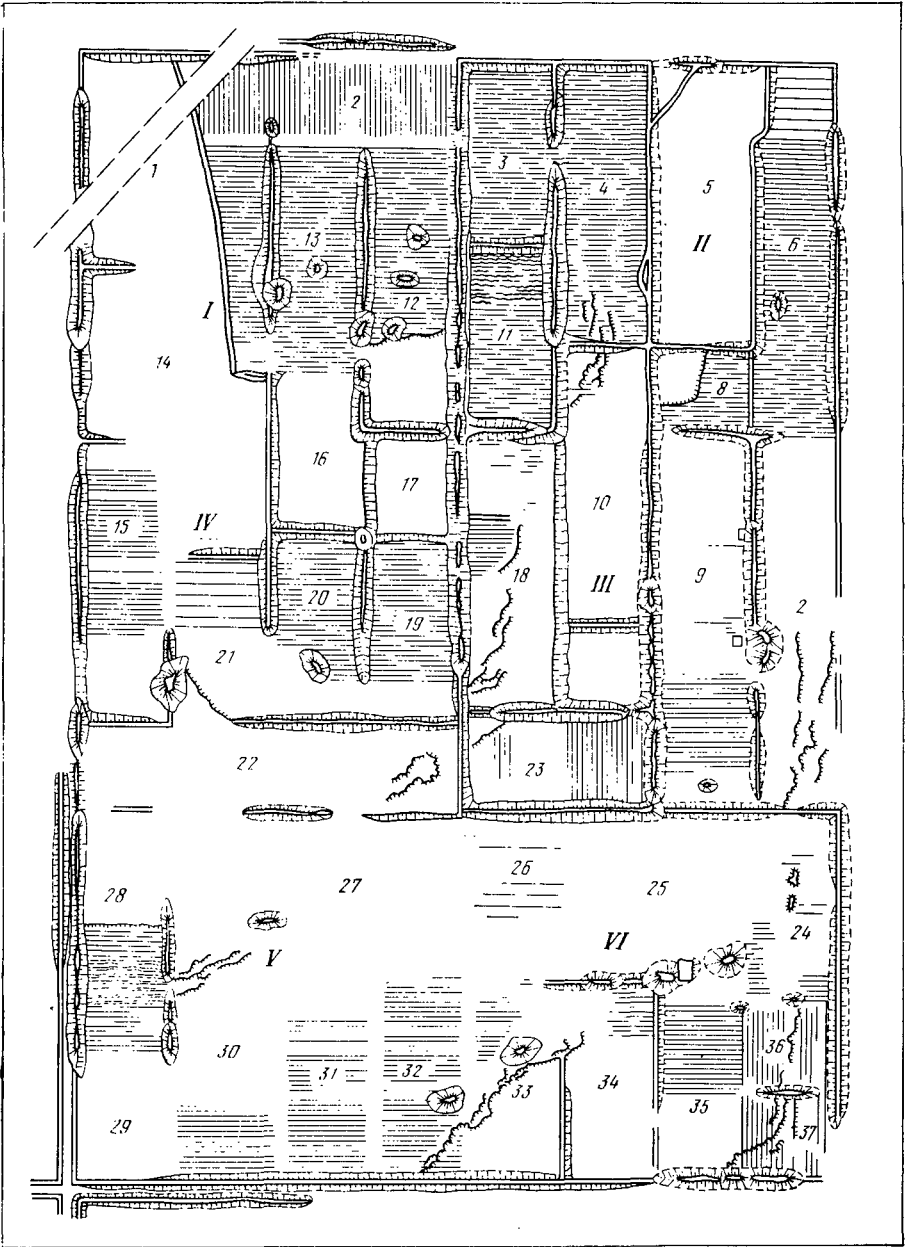

Рис. 2. Клер 11

1 — каменные стены; 2 — развалы стен; 3 — валы и курганы

Рис. 3. Клер 135

1 — стены; 2 — развалы стен; 3 — виноградники; 4 — выходы скалы; 5 — валы из щебня; 6 — кучи щебня; 7 — террасы (см. рис. 1)

Так как образующие клер 11 межевые дороги пересекаются под углом, мало отличным от прямого, в плане он представляет собой практически правильный прямоугольник 630×415 м, т. е. принадлежит к числу регулярных.

Внутри клер 11 разделен на участки по строгой системе, основу которой составляют шесть квадратов по 210×210 м. Каждый из квадратов разделен внутри параллельными линиями на четыре полосы около 52,5 м шириной, ориентированные поперек надела. Участки в пределах того или иного квадрата неизменно имеют общие черты в распланировке и облике агротехнических сооружений, так что все участки, видимо, создавались по единому плану и в относительно близкое время.

Наблюдение это верно и для тех частей клера, облик которых изменен

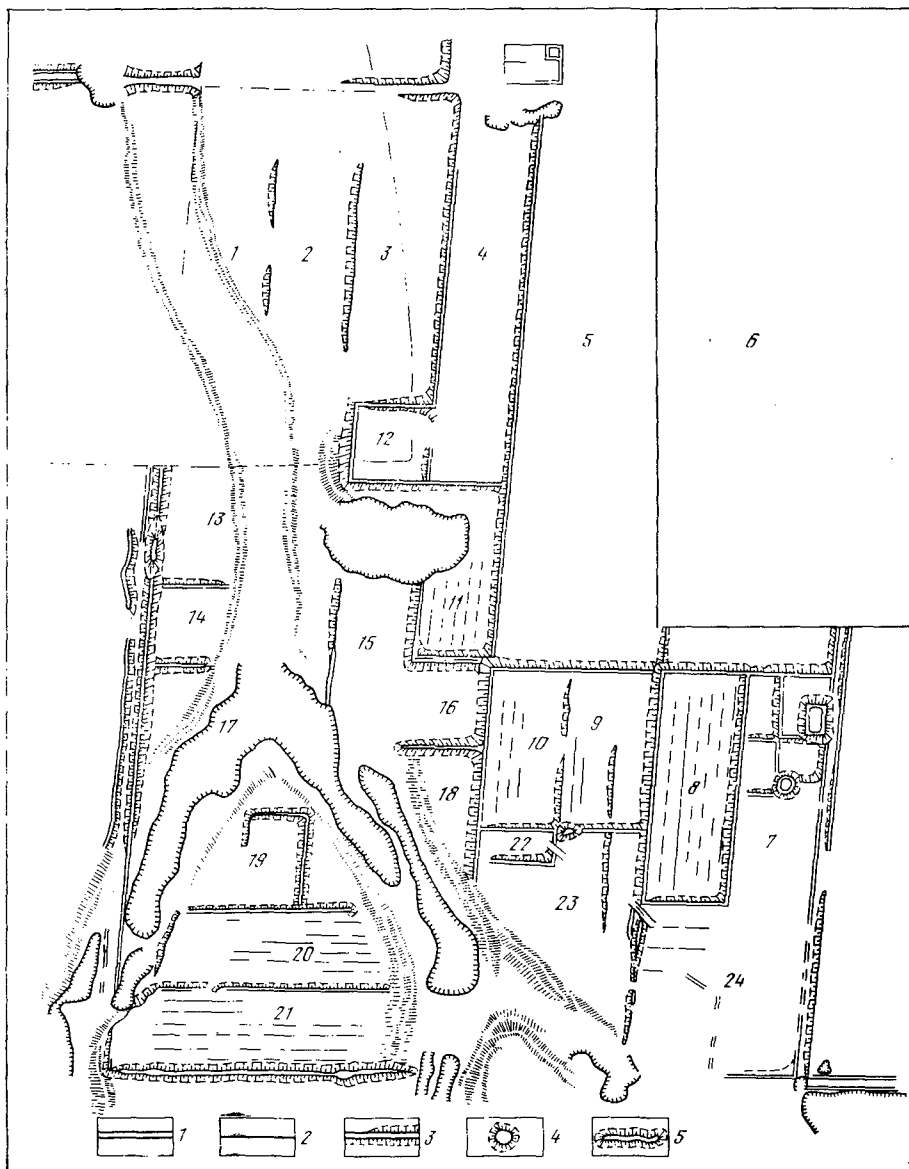

Рис. 4. Клер 380

1 — стены; 2 — плантажные стены; 3 — развалы степ и террас; 4 — кучи щебня; 5 — вали

земледельцами в течение последующих столетий, использовавшими террасы эллинистического времени. Таковы на клере 11 все участки квадратов I и II, представляющие в настоящее время террасы до 1 м высотой, крепиды которых после неоднократных ремонтов приобрели местами криволинейные очертания, совсем не свойственные агротехническим сооружениям эллинистического времени. Кривизна и извилистость стен, закругленность углов и т. д. на всех клерах служит верным признаком использования участков для растениеводства в позднеантичное и раннесредневековое время. Заборы и крепиды террас на квадратах I и II во многих местах скрыты валами из мелкого камня и щебня, образовавшимися при очистке участков от камней. Иногда лишь отдельные, особенно крупные камни от разобранных степ сохранились на месте, остальные либо вывозились, либо складывались на границах участков. Назначение стен, проложенных вдоль участков 4 и 7 по их середине, непонятно. По способу кладки они не отличаются от обычных плантажных стен.

Памятниками планомерной разработки плантажных стен в первые века нашей эры, которая не была почему-то завершена, являются участки 15, 16 и 8. Поверхность тех их частей, где плантажные стены удалены, на 0,2—0,3 м ниже сохранившихся рядом эллинистических виноградников.

На участках 10 и 17 находятся остатки небольших строений с керамической IV—VI вв. н. э.

Все участки квадратов I, II и IV, сохранившие плантажные стены, представляют собой террасы до 1,5 м высотой. Древний плантаж этих участков интересен бессистемным чередованием плантажных полос различной ширины — 2, 5, 8, 11 и более метров. На участках с диагональным уклоном отдельные плантажные стены образуют невысокие терраски (до 0,2—0,3 м).

Общий вид и строение древних виноградников квадрата III существенно отличаются от описанных выше. Вся поверхность квадрата III сохранила естественный уклон к востоку. Плантажные стены и здесь направлены вдоль уклона, прослеживаются они чаще всего только по полосам разреженной травы над ними. Три узкими дорогами (около 3 м) плантаж квадрата III разделен на четыре пятидесятиметровые полосы. Таким образом, все участки квадрата III составляют в сущности один большой виноградник. Это подтверждается и совпадением плантажных полос на всех участках квадрата III, не исключая сдвоенные и строенные, что может быть объяснено только их одновременной разбивкой (кстати, и здесь чередование двух-, пяти- и одиннадцатиметровых плантажных полос не подчинено никаким видимым правилам). Поверхность квадрата III пересечена наискось пластом очень твердого известняка, пробить который плантажными траншеями не удалось.

Близкое к описанному строение имеет и плантаж квадрата V. Однако здесь дороги сохранились лишь на виноградниках юго-западной половины участков, а в северо-восточной части вместо дорог валы из щебня.

Квадрат VI в большей своей части занят сплошными обнажениями известняков и, видимо, не был освоен для растениеводства в III—II вв. до н. э.

Клер 135 (рис. 3) расположен в западной части полуострова, в первом ряду регулярных наделов, к югу от перешейка Маячного полуострова. Клер лежит частью на невысоком прибрежном плато, частью на пологом западном склоне Нижне-Юхариной балки. Ландшафт здесь повсеместно лесостепной, почвы каштановые, малой мощности, много обнажений материкового известняка. В плане клер 135— почти правильный прямоугольник (630×420 м). Основу его внутреннего членения тоже образуют шесть квадратов по 210×210 м. Прослеживаются они, однако, из-за худшей сохранности эллинистических плантажей далеко не столь четко, как на клере 11.

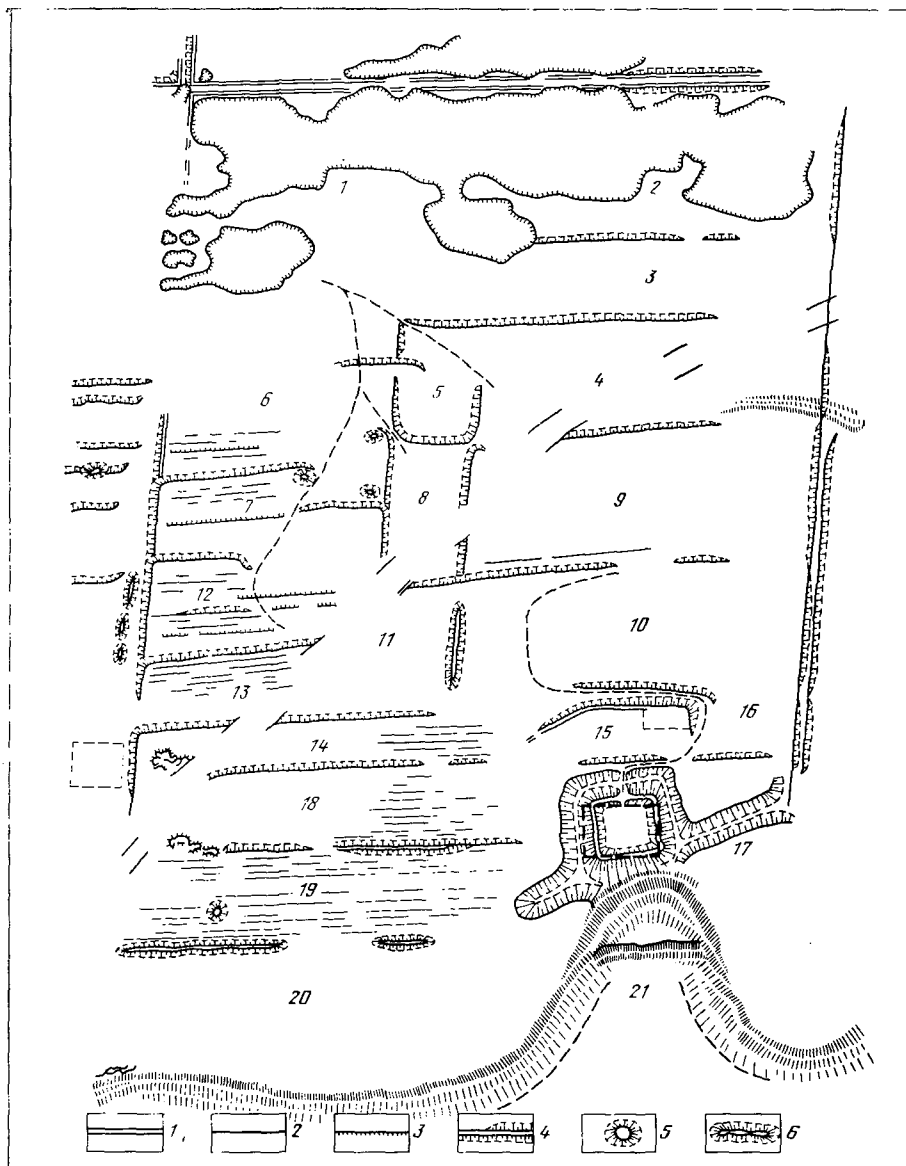
Отличительной чертой общей распланировки клера 135 является преимущественно продольное расположение 50-метровых по ширине виноградных участков.

Как и на клере 11, участки в пределах того или иного квадрата 210×210 м обнаруживают общие черты строения, свидетельствующие, видимо, об их одновременном сооружении.

На виноградниках квадратов II и III преобладают не двухметровые (семифутовые), как обычно, а более узкие (шестифутовые) плантажные полосы (участки 3, 6, 9, 11, 18, 23). Здесь же распространены и виноградники, где плантажные траншеи выдолблены в массиве известняка, а между траншеями оставлены на месте несбитые полосы известняка вместо обычных плантажных стен (участки 11 и 28). Такой агротехнический прием встречается и на виноградниках смежных наделов 135, 136, 139, 140⁶.

На участках 1, 5, 9, 10, 14—17, 25, 29, 34 плантажные стены были разобраны в позднеантичное и раннесредневековое время.

Клер 380 (рис. 4) расположен в южной части полуострова на склонах неглубокого рукава Верхне-Юхариной балки. Почвы здесь горно-лесные, средней мощности, современный ландшафт — сухая лесостепь. По природным условиям эта местность мало отлична от северо-запада полуострова.

Рис. 5. Клер 402

1 — стены; 2 — плантажные стены; 3 — террасы; 4 — развалы стен и террас; 5 — кучи щебня; 6 — валы из щебня

В плане клер 380 — параллелограмм 630×420 м. В основе его внутренней распланировки, как и смежных с ним, нетрудно заметить членение его на две продольные половины. Как и на описанных выше клерах северо-запада полуострова, здесь тоже придерживались правила, предписывавшего разбивать виноградники более или менее протяженными участками 50-метровой ширины, образующими на склонах невысокие (до 1,5 м) террасы. Вместе с тем устройство древних виноградников клера 380 имеет черты строения, не свойственные клерам северо-запада полуострова. Плантажные полосы разбиты здесь не поперек, а вдоль террас, отличаются они и шириной (около 6 м). Продольным расположением террас клер 380 сходен с клером 135.

Клер 402 (рис. 5) расположен в последнем на юге ряду на гребне и пологом северном склоне Саун-горы, в том месте, где короткая, но глубокая безымянная балка отделяет ее от Карацких высот. В плане надел

имеет вид параллелограмма 630×420 м. Внутри в соответствии с уклоном местности падел разделен на поперечные террасированные участки около 50 м шириной. Тем самым общая его распланировка сходна с распланировкой падела 11, однако здесь в отличие от падела 11 не прослеживаются обособленные квадраты 210×210 м.

На клере 402 плантажные полосы шестиметровой ширины разбиты не только вдоль террас, но и вдоль нетеррасированного участка № 19, что особенно важно, так как, видимо, связано с практикой пропашки между-рядий.

Сравним теперь планы описанных наделов. Общая распланировка участков клера 175 — превосходная иллюстрация упомянутой идеи В. Д. Блаватского о принципе размежевания клера 25. Смысл такой распланировки улавливается в строгой зависимости ее от рельефа местности — поверхность большинства участков клера 175 до начала мелиоративных работ была наклонена по диагонали, что и отразилось на устройстве террас. Клер 175, таким образом, в целом сохранил первоначальную землемерную сеть.

В распланировке клера 11, гораздо лучше сохранившего эллинистические виноградники, с первого взгляда вызывает недоумение происхождение зачем-то обособленных квадратов 210×210 м. Между тем в западной части Гераклейского полуострова разведаны уже десятки таких наделов. В частности, исследование клера 135, также первоначально расчлененного на шесть квадратов 210×210 м, но отличающегося от клера 11 продольным расположением террасированных участков, отчетливо подтверждает прямую зависимость внутренней распланировки клеров от рельефа местности.

Не вызывает также сомнения, что квадраты 210×210 м на клерах 11 и 135 по происхождению представляют собой какие-то большие самостоятельные в организационном и технологическом отношении этапы мелиоративного строительства.

Ясная связь распланировки террас с рельефом видна и на паделах 380 и 402. Однако установить членение и этих клеров на обособленные квадраты 210×210 м не удается, по-видимому, их здесь вообще не было.

Многообразие методов плантажного строительства выявляется даже на виноградниках одного и того же падела. Еще отчетливей эти различия видны при сопоставлении планов таких наделов, на которых по преимуществу применялась разная методология агротехнического строительства, например клеров 26⁷ и 11 или 26 и 135. Гораздо более дробное расчленение виноградников заборами на клерах 11 и 135 при этом очевидно. Особенно же отчетливо это различие выступает при сравнении современного внешнего вида этих памятников на поле. Если большая часть клеров 11 и 135 покрыта сетью мощных заборов и террас, и в наши дни все еще возвышающихся на 1,5—2 м, то, пожалуй, не менее сложные агротехнические сооружения огромного (свыше 17 га) виноградника на юге клера 26 (или же на квадрате III клера 11) вообще никак не выражены в современном ландшафте (кроме наружных заборов), и древний плантаж без раскопок здесь виден только по полосам разреженной травы над камнями плантажных стен, лишь изредка выходящими на поверхность. Ясно, что мелиоративные работы на сопоставляемых древних виноградниках выполнялись существенно различными методами.

При одном из них (наделы 26 и 11, квадрат III) виноградники нередко разбивали очень большими сплошными участками. Плантаж на таких участках через каждые 50 м пересекался дорогами 3—5 м шириной, проложенными под прямым углом к плантажным стенам (т. е. к рядам лоз). Террасирование склонов при этом методе не производилось, и поверхность виноградников сохраняет все особенности микрорельефа.

При втором методе (паделы 11, квадраты II и IV) и 135 (квадраты I—IV) ширина виноградных участков вообще всегда одинакова — около 52,5 м. Плантаж террасирован даже при минимальном уклоне местности, причем крепидой террасы служит обычно один из продольных заборов

(при диагональном уклоне местности эти длинные террасы иногда разбиты на пескoлько уровней дополнительными поперечными крепидами).

Изучая планы тех же паделов 26, 11 и 135, легко заметить, что основное различие между обоими методами состоит в своего рода замещении дорог, разделяющих кварталы виноградников, заборами и крепидами террас. С технической стороны происхождение этого различия представляется следующим образом. При строительстве плантажей первым методом весь подпочвенный камень и щебень, не вмесшившийся в плантажные стены, либо уходил на строительство наружных заборов, либо вывозился за пределы надела. При втором методе эти излишки складывались в параллельные заборы, располагавшиеся, как и дороги, через каждые 52,5 м под прямым углом к междурядьям виноградников.

Эти заборы, таким образом, никогда не были собственно оградами участков, а представляют собою на самом деле чисто технические сооружения — камнеборные валы или бурты (при расположении таких виноградников на склонах холмов значительную часть снятого с плантажей камня и щебня поглощали крепиды террас).

Оба метода имеют свои преимущества. Между рядов виноградников, устроенных первым методом, можно было пропахивать, так как параллельные дороги позволяли разворачиваться упряжкам. Вообще транспортные преимущества таких виноградников очевидны, так как существование множества параллельных валов приводило к усложнению сети внутренних дорог на клерах и к существенным дополнительным потерям площади.

Зато плантажи, сооруженные вторым методом, бесспорно, обходились много дешевле. К этому нужно прибавить все достоинства террасированных плантаций винограда.

Мы не знаем, зависел ли выбор того или иного метода только от мощности почв и количества элювиального материала в подпочве, или же в расчет при этом принимали стоимость работ. Несомненно только, что как современный, так и древний облик того или иного падела сформировался в зависимости от того, какому из этих методов было отдано предпочтение.

Плантажи клеров 380 и 402 заметно отличаются от вышеописанных прежде всего продольным расположением плантажных полос на террасах, а также шириной этих полос (около 6 м). Плантажные стены (метровой толщины) в разрезе представляют собой полоски петропутью целины, на которые сверху положен один ряд камня. Является ли это агротехническое своеобразие локальным, или же перед нами относительно поздние памятники? Так или иначе существование на Гераклеийском полуострове различной величины регионов, в пределах которых клерам свойственны некоторые общие черты строения агротехнических сооружений и внутренней распланировки, неизвестные или редкие в других местах полуострова, — установленный факт, для объяснения которого пока недостаточно данных. К одному из таких регионов принадлежат и все клеры севернее межевой дороги X и западнее межевой дороги L, изучавшиеся С. Ф. Стржеleckим.

Строгий рационализм и точный расчет при создании агротехнических сооружений приводят к мысли о том, что руководство работами осуществлялось не самими владельцами клеров (при этом неминуемо наблюдалось бы гораздо больше разнообразия и в распланировке паделов, и в технологии работ), а привлекаемыми со стороны агроподами-профессионалами.

Мелиоративные работы могли выполняться и подрядчиками, располагавшими собственным контингентом обученной рабочей силы, определенным инструментарием, и т. д. При этом существование многолетней устойчивой таксы на подготовку определенной площади плантажа хорошо объясняет и происхождение обособленных квадратов 210×210 м.

По происхождению большинство участков внутреннего членения клеров суть не что иное, как чисто агротехнические подразделения — кварталы виноградников — и одновременно — определенные стадии многолетнего хозяйственного освоения паделов.

Вместе с тем такое строение большого виноградарского хозяйства облегчало задачи размещения разных сортов винограда (созревающих в разное время), восстановление потерявших продуктивность участков, сдачу виноградников в аренду и т. д.

В основной мере внутреннего членения всех описанных наделов, близкой 52,5 м, как будто угадывается большой землемерный локоть (около 525 мм).

Возродившись в первые века нашей эры (на иной агротехнической основе, исключая применение плантажных стен), растениеводческие хозяйства округа Херсонеса действительно наследуют в той или иной мере распланировку клеров III—II вв. до н. э., так как широко используют агротехнические сооружения предшествующего времени. Особенное значение при этом приобрело использование в последующие столетия благоустроенных дорог, продолжавшееся вплоть до гибели Херсонеса.

Есть основания полагать, что эллинистические террасы (после разборки плантажных стен) и в позднеантичное время использовались по-прежнему преимущественно под виноградники.

¹ Большинство херсонесских наделов в плане представляют собою не прямоугольники, а параллелограммы, так как межевые дороги пересекаются под углом 91—96°. Для удобства описания можно пренебречь этим практически незначительным перекосом.

² Попытка объяснить его возделыванием на каждом клере нескольких культур, включая зерновые (*Стржелецкий С. Ф.* Клеры Херсонеса Таврического.— ХС, Симферополь, 1961, VI, с. 58—71), не подтверждается полевыми работами последних лет.

³ *Блаватский В. Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, с. 56, рис. 19—22. Надел 25, принцип размежевания которого исследован в названной работе, был единственным, известным науке в то время. Поскольку этот клер нерегулярный, выводы В. Д. Блаватского,

несмотря на их бесспорную точность, нельзя без соответствующей коррекции распространять на другие наделы Гераклейского полуострова.

⁴ *Стржелецкий С. Ф.* Пять клеров Херсонеса Таврического.— СА, 1957, № 3, с. 41—42; *Он же.* Клеры Херсонеса Таврического.— ХС, VI, с. 55—59.

⁵ Руины эллинистической усадьбы, существовавшей и в позднеантичное время, лежат на возвышении в средней части надела. На севере расположена раннесредневековая усадьба (IV—VI вв. н. э.).

⁶ *Жеребцов Е. П.* Новые данные к аграрной истории Херсонеса.— КСИА, 1976, вып. 145, с. 16.

⁷ *Стржелецкий С. Ф.* Пять клеров Херсонеса Таврического.— СА, 1957, № 3, с. 40; *Он же.* Клеры Херсонеса Таврического.— ХС, Симферополь, 1961, VI, с. 184, рис. 26.

Г. М. НИКОЛАЕНКО, З. В. ЯНУШЕВИЧ

КУЛЬТУРНЫЕ РАСТЕНИЯ ИЗ РАСКОПОК СЕЛЬСКОЙ ОКРУГИ ХЕРСОНЕСА

При раскопках усадеб на земельных наделах 25, 41, 100, 227, 298 Гераклейского полуострова обнаружены обугленные остатки культурных растений (табл. 1). На усадьбе надела 100—III—II вв. до н. э.— обугленные семена винограда и вика эрвилли обнаружены на дне подвала (3×3 м), вырубленного в скале на глубину 1 м. На усадьбе «Северной» надела 227, существовавшей с последней четверти IV до конца II в. до н. э., семена винограда были на дне пифоса, находившегося в углу помещения 1а в специально вырубленном в скале углублении.

На усадьбе «Восточной» надела 298 обугленные виноградные семена и несколько семян злаков и бобовых найдены в одной из ям под обгоревшими обломками эллинистического пифоса. Яма была перекрыта стеной помещения II—IV вв. н. э.

На усадьбе надела 41, датируемой последней четвертью IV — концом II в. до н. э., обнаружено помещение виноделия с двумя давяльными

Таблица 1

Видовой состав остатков культурных растений на усадьбах
Гераклейского полуострова

Номер надела	Виноград <i>Vitis</i> sp.	Пшеница <i>Triticum</i> <i>aestivocompactum</i>	Ячмень <i>Hordeum</i> <i>vulgare</i> L.	Вика аркадия <i>Vicia</i> <i>arvilla</i> , Willd.	Горох <i>Pisum</i> sp.	Циц <i>Cicer</i> <i>arietinum</i> L.	Чина <i>Lathyrus</i> sp.	Вика обыкновенная <i>Vicia</i> sp.	Рожь <i>Secale</i> sp.
25	***	***	***	***	***	***	*	*	*
100	*	—	—	***	*	—	—	—	—
227	***	—	—	—	—	—	—	—	—
298	***	*	*	*	—	—	—	—	—
41	***	*	—	—	—	—	—	—	—

* Небольшое количество. *** Значительные находки.

площадками и камелной гирей, находившейся в специальной яме, обложенной камнями. При расчистке двух помещений (4а и б), примыкающих к виаподельне с северо-восточной стороны, в горелом слое на полу найдены обугленные семена винограда и пшеницы. Они были среди обломков амфор вместе с чешуей рыбы (кефали), костями птиц и мелкого рогатого скота.

На усадьбе надела 25, относимой к периоду с рубежа IV—III вв. до н. э., обугленные семена винограда, зерна злаков, семена бобовых найдены в помещениях 2, 11—15¹.

Виноград. Семена винограда из помещений 2, 11—14 усадьбы надела 25, описанные ранее А. М. Негрулем², имеют мелкие размеры, короткий клювик, округлую форму. Средняя величина их индексов L/B — 1,36 (табл. 2). В целом семена однотипны, варьируют по величине и форме незначительно. К такому же типу относятся семена, обнаруженные на усадьбе надела 100. По всем признакам они очень близки к формам дикорастущего винограда *Vitis sylvestris* Gmel.

Семена из помещения 15 усадьбы надела 25 (рис. 1, 1) и из усадеб наделов 227 (рис. 1, 2), 298 (рис. 1, 3) и 41 в большей степени варьируют по величине и форме, в особенности по общей длине (1) и величине клювика. Среди них имеются экземпляры с признаками, характерными для дикорастущих форм, и экземпляры с явными признаками культурных форм. Длина клювика у последних превышает 1,0 мм, а максимальная величина его 2,0 мм. Характерно также значительное колебание величины индексов. Однако между формами дикорастущими и культурными нет четких границ, а наблюдается множество переходных форм, при этом количество семян с промежуточными признаками во всех находках наибольшее. По длине семени и величине клювика большинство семян также следует отнести к промежуточным формам.

Таким образом, семена винограда, найденные на античных усадьбах Гераклейского полуострова, представляют популяцию, состоящую из различных форм: дикорастущих, культурных и промежуточных.

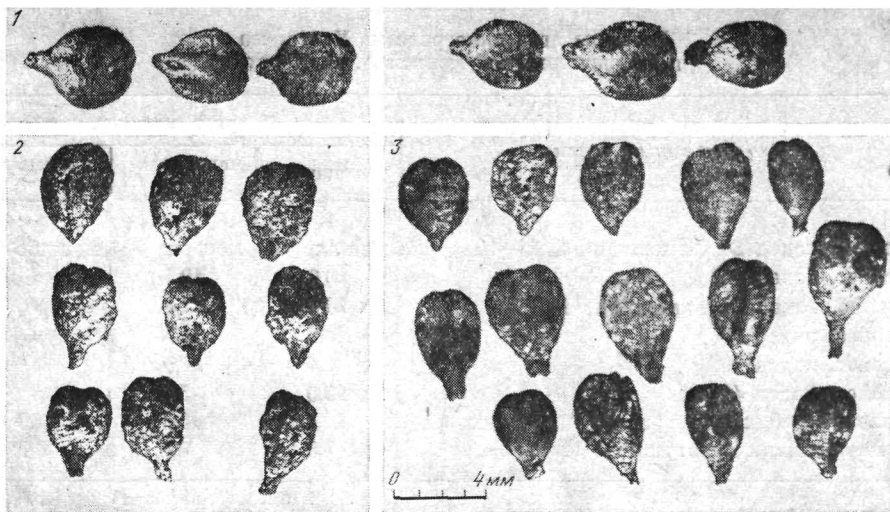
Находки на усадьбах наделов 227, 298, 41 и одна из находок на усадьбе 25 говорят о начальных этапах селекции винограда. На земельных наделах Херсонеса появились экземпляры с явными признаками культурных форм. Однако в общем облике семян как с начальными признаками окультуривания, так и у явно близких к культурным наблюдаются близкие морфологические признаки (рис. 1).

Эта морфологическая общность свидетельствует о том, что исходным материалом для селекции винограда в Херсонесе явились местные формы, очень близкие к дикорастущему *Vitis sylvestris*.

Последний сохранился на территории Крымского полуострова, как и в других районах Северного Причерноморья, с третичной эпохи и, по-види-

Таблица 2

№ надела или название поселения	Датировка	Размеры в миллиметрах									Индекс		Длина Ширина
		длина			ширина			длина клювика					
		средн.	макс.	мин.	средн.	макс.	мин.	средн.	макс.	мин.	средн.	макс.	мин.
25 (помещение 2, 11-14)	III-II вв. до н. э.	4,5	5,0	3,7	3,3	3,7	3,0	0,5	0,7	0,4	1,36	1,43	1,10
25 (помещение 15)	»	5,0	6,0	4,0	3,3	3,8	2,8	0,95	1,5	0,5	1,51	1,70	1,28
100	»	4,5	5,0	3,6	3,2	3,3	3,0	0,7	1,0	0,5	1,41	1,51	1,12
227	»	4,6	5,5	3,4	2,9	3,5	2,4	0,7	1,2	0,3	1,60	1,87	1,14
298	»	4,7	6,3	3,8	3,0	4,0	2,5	0,9	1,8	0,5	1,53	1,85	1,23
41 (помещение 4а)	IV-III вв. до н. э.	4,6	6,0	3,5	3,4	4,0	2,5	0,8	2,0	0,3	1,50	2,00	1,12
41 (помещение 6)	»	4,7	5,0	4,0	3,5	3,8	2,9	0,6	0,9	0,3	1,35	1,38	1,32
Тарпанчи	III в. до н. э.	6,7	7,0	6,0	4,5	5,2	4,0	1,34	2,0	1,0	1,49	1,75	1,40
У бухты Ветреная	»	4,7	5,4	4,0	3,2	3,5	3,0	0,75	1,30	0,5	1,47	1,74	1,33
Дикий с мангуна	соврем.	4,8	5,0	4,0	3,8	4,0	2,8	0,6	0,8	0,3	1,25	1,32	1,12
Чернокрымский	»	6,8	7,5	5,0	3,8	4,2	3,0	2,0	3,0	1,5	1,79	-	-
Чингис-Кара	-	6,5	7,3	5,1	3,5	4,0	3,0	1,9	2,9	1,4	1,86	-	-

Рис. 1. Обугленные семена винограда

1 — из усадьбы надела 25; 2 — из усадьбы надела 227; 3 — из усадьбы надела 298

тому, был известен и использовался местным населением Крыма еще задолго до греческой колонизации. В некоторых местообитаниях он встречается и в наши дни. В табл. 2 для сопоставления приводим данные измерения семян современного дикорастущего винограда из Мангуп-Кале и двух местных крымских культурных сортов — Чернокрымский и Чингис-Кара. Ископаемые семена близки к современным дикорастущим и несходны с современными культурными сортами.

С появлением на Крымском полуострове греческих городов-колоний развитие виноградарства усилилось. Виноград выращивался для производства вин, которые использовались не только на месте, но и шли на экспорт.

Следует упомянуть о находках винограда на поселениях античного времени в Северо-Западном Крыму³.

На усадьбе у бухты «Ветреная» обугленные семена, очень близкие по морфологии семенам из усадеб Гераклеийского п-ова, найдены на дне пифосов в помещении кладовой.

Семена из поселений Тарпанчи представлены их отпечатками на стенках лепного сосуда. Модели, снятые с отпечатков, показали большие размеры семян как по длине, так и по ширине по сравнению с обугленным материалом. Это обусловлено, по-видимому, тем, что в керамическое тесто при изготовлении сосуда попали свежие семена, имевшие на поверхности мягкий рыхлый слой оболочки, увеличивший их размеры. Однако форма семян, а также величина индексов очень близки, однотипны с семенами остальных, описанных выше находок (табл. 2).

Таким образом, и на усадьбах отдаленной земельной округи Херсонеса выращивались популяции винограда, однотипные с популяциями Гераклеийского п-ва.

Эволюция размера семян и величины ягод у винограда шла сопряженно. С увеличением диаметра ягоды увеличивалась длина семени и соответственно изменялась его форма — из округлой становилась грушевидной.

На основании изучения зависимости длины семени и среднего диаметра ягоды у множества сортов культурного *Vitis vinifera* L. А. М. Негруль составил корреляционную кривую. Согласно этой кривой размеры ягод у винограда из Херсонеса должны были представлять величины, показанные в табл. 3.

На усадьбах 25 и 100 выращивался очень мелкоягодный виноград — диаметр ягод его не превышал 10 мм, что как раз характерно для дикора-

Таблица 3
Размеры ягод винограда из Херсонеса
 (по корреляционной кривой А. М. Негруля)

Место нахождения семян	Диаметр ягод (мм)		
	средний	максимальный	минимальный
Херсонес, падел 25, помещения 2, 11-14	меньше 10	меньше 10	меньше 10
Херсонес, падел 100	10,0	10,5	»
Херсонес, падел 25, помещение 15	10,0	12,5	»
Херсонес, падел 227	12,0	14,5	»
Херсонес, падел 298	12,0	16,3	»
Херсонес, падел 41	12,0	15,0	»
Поселение у бухты Ветреная	12,0	14,3	10,0
Современный дикорастущий с Мангупа	7,5	9,0	6,0

стущего винограда. У винограда, выращивавшегося на усадьбах 227, 298, 41 у бухты Ветреная и частично на усадьбе 25 падела (находка в помещении 15), ягоды были крупнее. Предполагаемый средний диаметр их был около 12 мм, а максимальный около 15 мм.

В целом все обнаруженные в Херсонесе семена относятся к популяциям мелкоягодным, лишь немного превышающим величину ягод местного дикорастущего винограда.

Таким образом, семена винограда из земледельческой округи античпто Херсонеса свидетельствуют о том, что Крымский полуостров является одним из мест введения дикорастущего винограда в культуру. Находки семян винограда из других территорий в пределах ареала *Vitis vinifera* значительно отличаются от крымских. Интересно, что культурные ино-районные сорта в археологических материалах античного периода в Крыму пока не обнаружены.

Виноградарство древней Греции и Рима, как свидетельствуют о том классики древнего земледелия, характеризовалось наличием большого разнообразия сортов, строго приуроченных к определенным микрорайонам. Последние отличались по климату, почвам, условиям культуры. К перепосу сортов в другие районы в античный период относились, по-видимому, с большой осторожностью, так как при этом могли утрачиваться качества ягод и приготовленных из них вин. Возможно, местные лозы Крыма были более выносливыми, холодостойкими и продуктивными по сравнению с ипорайонными сортами, что и послужило причиной отданного им предпочтения.

Пшеница. Многочисленные остатки обугленного зерна пшеницы из усадьбы падела 25 относятся к *Triticum aestivo-compactum*, т. е. к мягкой и карликовой пшенице. Единичные зерновки этого же вида обнаружены на дне ямы-хранилища усадьбы падела 298 и в помещении 6 усадьбы падела 41.

Кроме того, целый склад обугленного зерна *Triticum aestivo-compactum* обнаружен на поселении Тарпапчи, и значительные по количеству зерна находки имеются на поселениях Панское и Маслипы (Северо-Западный Крым).

Примесь зерновок других видов, главным образом ржи и ячменя, в этих находках составляет около 5%, что может свидетельствовать о чистых посевах пшеницы в земельной округе Херсонеса.

Исключение представляют некоторые находки на поселениях Панское и Маслипы. В них примесь ржи достигает 60—80%.

По размерам и форме зерновок названная пшеница из различных поселений одотипна (табл. 4). Зерновки ее отличаются небольшой длиной, широкими вершиной и основанием, плавно закругленными боками, глубокой брюшной бороздкой и относительно небольшой толщиной (рис. 2).

Таблица 4

Средние размеры зерновок пшеницы

Надел, поселение	Вид	Размер зерновок, мм			Индексы			
		длина	ширина В	толщина Т	1В/Т	$\frac{100 \cdot В}{l}$, %	$\frac{100 \cdot Т}{l}$, %	$\frac{100 \cdot Т}{l}$, %
Херсонсс, усадьба надела 25	<i>T. aestivo-compactum</i>	4,31	3,31	2,45	1,30	76	57	74
Херсонсс, усадьба надела 298	»	4,56	3,15	2,12	1,44	69	46	67
» » » 41	»	4,52	3,08	2,48	1,49	68	55	81
Поселение Тарпанчи	»	4,12	3,04	2,28	1,35	73	55	75
» Панское	»	4,55	3,17	2,27	1,43	69	49	71
» Маслипы	»	4,42	3,10	2,25	1,42	70	51	72
» Уч-Баш	»	4,33	3,08	2,20	1,40	71	51	71
» Тарпанчи	<i>T. monosocum</i>	5,30	2,00	2,60	2,65	37	49	130
» Панское	»	5,25	2,00	2,70	2,62	38	51	135
» Уб-Баш	»	5,20	1,80	2,70	2,88	34	51	150
» Тарпанчи	<i>T. dicocum</i>	5,70	2,50	2,20	2,28	43	38	88
» Панское	»	5,60	2,40	2,35	2,33	42	41	97
» Уб-Баш	»	6,25	2,40	2,50	2,60	38	40	104

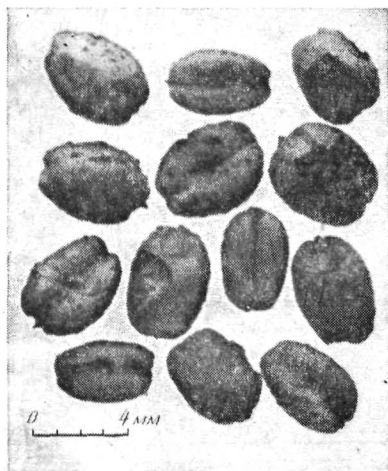

Рис. 2. Зерновки пшеницы из усадьбы надела 25

Кривая величины индекса зерновок (L/V) отражает наличие двух видов — *T. compactum* и *T. aestivum* и промежуточных форм.

Аналогичная по морфологии зерновок и видовому составу находка пшеницы имеется на таврском поселении X—IX вв. до н. э. Уч-Баш, что свидетельствует о возделывании *Triticum aestivo-compactum* на территории Крыма задолго до греческой колонизации. Распространение этого вида пшеницы обусловлено рядом его биологических свойств. По-видимому, популяции *T. aestivo-compactum* отличались скороспелостью, неприхотливостью, устойчивостью к полеганию. Кроме того, зерно этого вида благодаря округлой форме давало наименьший выход отрубей и значительный выход муки. Удельный вес зерна был меньшим, чем у твердой пшеницы.

По всей вероятности, именно этот вид пшеницы являлся объектом широкого экспорта с берегов Северного Причерноморья. Именно к нему относится известное замечание Плиния старшего о том, что «Самая легковесная пшеница, наряду с Галльской, ввозимая из Херсонеса» (Плиний, глава 18). Пленчатая пшеница на земельных наделах Гераклеийского полуострова отсутствует. Но единичные зерновки *T. monocossum*, *T. dicossum* имеются среди зерна *T. aestivo-compactum* и ячменя на античных поселениях Северо-Западного Крыма Тарпанчи и Панское. По-видимому, пленчатая пшеница в Крыму в этот период возделывалась, но лишь у местного населения, жившего в горных районах. В этом убеждает наличие следов двузернянки и однозернянки на поселении Уч-Баш. Здесь среди массы зерна *T. aestivo-compactum* и ячменя присутствуют зерновки *T. dicossum*, *T. monocossum* (рис. 3) и выявлены зерновки, напоминающие по морфологии *T. boeotium* Boiss (табл. 4), т. е. дикую однозернянку. Среди обугленных растительных остатков с этого поселения найдено также основание колоска характерного спельтоидного строения, что говорит о возможном распространении одного вида пленчатой пшеницы-спельты⁴.

Ячмень, по-видимому, занимал в Крыму второе место после пшеницы в хозяйствах Херсонеса. Он представлен исключительно пленчатыми формами. Зерновки его в большинстве крупные, удлинненно-овальные, или ромбовидные. У $2/3$ зерновок основание искривленное, а все тело носит следы асимметрии, что говорит о принадлежности их к многорядному ячменю — *Hordeum vulgare* L. (табл. 5; рис. 4, 1). У части асимметричных зерновок основание удлиненное, длина его иногда достигает 2—3 см. При снятии чешуй или в тех случаях, когда они полностью обгорели у таких зерновок, можно наблюдать остатки плодоножек и следы сочленения их с телом зерновок (рис. 4, 2). Этот признак указывает на наличие в популяциях архаичной формы ячменя, промежуточной между диким и культурным. Следы такого рода зерновок на поселении Уч-Баш говорят о древнем распространении *Hordeum lagunculiforme* на территории Крыма. Родной же этого вида является Передняя Азия.

Рожь. На Гераклейском полуострове она представлена в виде примеси (незначительной) среди зерна пшеницы и ячменя. Зерновки ее мелкие, узкие с заостренным основанием и тупой вершиной. По всем признакам они напоминают сорнополевую рожь — *Secale segetale* Roshev. Такого же рода зерновки, но составляющие значительную примесь среди зерна пшеницы, а иногда и вытеснившие ее, имеются на поселениях Панское и Маслины⁵.

Таблица 5
Размеры зерновок ячменя

Надел, поселение	Hordeum vulgare						
	Размеры, мм			Индексы			
	длина L	ширина B	толщ. T	L/B	$\frac{100 \cdot B}{L}$	$\frac{100 \cdot T}{L}$	$\frac{100 \cdot T}{B}$
Херсонес, надел 25	5,53	3,36	2,82	1,58	63,0	50,0	83,0
Херсонес, надел 298	6,50	3,20	2,30	2,03	49,0	35,0	7,0
Поселение Гарпанчи	6,50	3,50	3,0	1,85	53,0	46,0	85,0
Поселение Папское	6,23	3,33	2,55	1,87	53,4	40,9	77,0
Поселение Маслины	6,64	3,28	2,51	2,02	49,4	37,8	76,5
Поселение Уч-Бап	7,00	3,90	2,50	1,79	55,0	35,0	64,0

Надел, поселение	Hordeum Lagunculiforme Bacht						
	Размеры, мм			Индексы			
	длина L	ширина B	толщ. T	L/B	$\frac{100 \cdot B}{L}$	$\frac{100 \cdot T}{L}$	$\frac{100 \cdot T}{B}$
Херсонес, надел 25	7,00	3,30	2,50	2,12	47,0	35,0	75,0
Херсонес, надел 298	—	—	—	—	—	—	—
Поселение Гарпанчи	8,0	3,40	2,50	2,35	42,0	31,0	73,0
Поселение Папское	—	—	—	—	—	—	—
Поселение Маслины	—	—	—	—	—	—	—
Поселение Уч-Бап	7,80	3,20	2,20	2,43	41,0	28,0	68,0

Таблица 6
Размеры семян бобовых растений из усадьбы надела 25

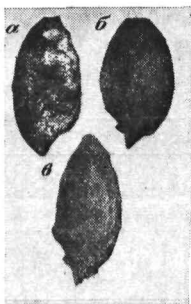
Вид	Средняя величина (мм)		
	длина	ширина	диаметр
Нут (<i>Cicer arctinum</i> L.)	4,2	3,0	—
Вика—эрвилья (<i>Vicia ervilia</i> Willd.)	—	—	2,7
Горох (<i>Pisum</i> sp.)	—	—	4,5
Чина (<i>Lathyrus</i> sp.)	4,5	3,6	—
Вика (<i>Vicia</i> sp.)	—	—	3,3

Бобовые растения. Представлены пятью видами, из которых на Гераклеийском полуострове преобладали только три: нут, вика эрвилья и горох. Кроме них, имеются единичные семена чины и обычной вики. По размеру семян все виды следует отнести к мелкосемянным формам (табл. 6).

Бобовые могли использоваться не только в пищевых и кормовых целях, но, возможно, даже специально запакивались.

Территория Крымского полуострова является своеобразным связующим звеном на пути переселения культурных растений с Ближнего Востока на территорию Восточной Европы. Многие виды культурных растений могли переселяться на территорию Крымского полуострова из стран Передней Азии как через Кавказ, так и через Балканы. Территория Крыма является составной частью ареала некоторых дикорастущих видов, которые могли быть введены в культуру непосредственно на месте. К таким видам следует отнести дикорастущий виноград и, возможно, пшеницу-однозерянку.

Культурная флора западной части Северного Причерноморья (терри-

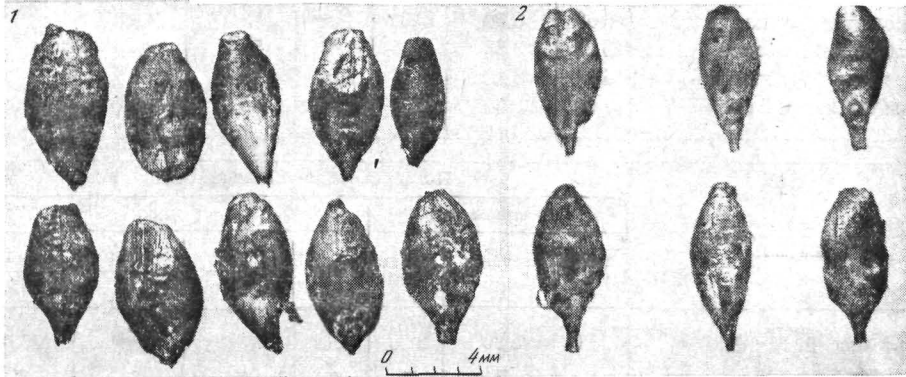

Рис. 3. Зерновки пшеницы однозернянки

a — из Тарпанчи; *b* — из Уч-Баша; *v* — из Панского

Рис. 4. Зерновки ячменя

1 — из Херсонеса; *2* — из Тарпанчи

тория Молдавии и прилегающие районы Украины) также формировалась под влиянием Ближнего Востока. Но основные пути переселения растений на крайний юго-запад СССР пролегали через Балканы. Это подтверждается общностью видового состава растений как на территории Балканского полуострова, так и на крайнем юго-западе СССР, выразившейся в преобладании в посевах пленчатых пшениц и голозерного ячменя на протяжении длительного периода — от неолита до первых веков нашей эры включительно.

Видовой состав культурных растений античного Херсонеса своеобразен и отличается от видового состава растений, возделывавшихся в северо-западном и западном Причерноморье.

Сопоставление находок античного периода в Крыму с материалами значительно более раннего поселения тавров свидетельствует о том, что растениеводство греческих колоний основывалось на местном материале, который, в свою очередь, был пришлым. Так, несомненно, что особые популяции мелко-круглозерной пшеницы *Triticum aestivo-compactum* и засорявшая их сорнополевая рожь, пленчатый многорядный ячмень и сопутствующие ему *Hordeum lagunculiforme* Vacht, мелкосемянные формы бобовых, пришли на территорию Крыма из Передней Азии через Кавказ и северо-восточное Причерноморье задолго до начала греческой колонизации.

Особое положение занимает виноград. В Херсонесе мы наблюдаем начальный этап введения в культуру местных дикорастущих форм винограда.

¹ Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического.— ХС, Симферополь, 1961, вып. VI, с. 91 и сл.

² Негруль А. М. Археологические находки семян винограда.— СА, 1960, № 1, с. 169.

³ Щеглов А. Н. Северо-западный Крым

в античную эпоху. Л., 1978, с. 109 и сл.

⁴ Янушевич З. В. Культурные растения юго-запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев, 1976, с. 121.

⁵ Янушевич З. В. Культурные растения..., с. 135 и сл., табл. 23, 24.

О ПРИНЦИПАХ КЛАССИФИКАЦИИ АНТИЧНЫХ КЛАДОК СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Унификация описаний кладок дает широкие возможности для сравнительного анализа конструкций и, как следствие этого, выявления местных особенностей, влияний, даже отдельных мастеров. Особенно это имеет большое значение при описании и классификации кладок стен жилых домов античных городов Северного Причерноморья — наиболее массовой категории строительных остатков, причем наиболее трудно поддающихся описанию и достаточно надежной графической фиксации в силу использования обычно относительно плохо обработанного материала.

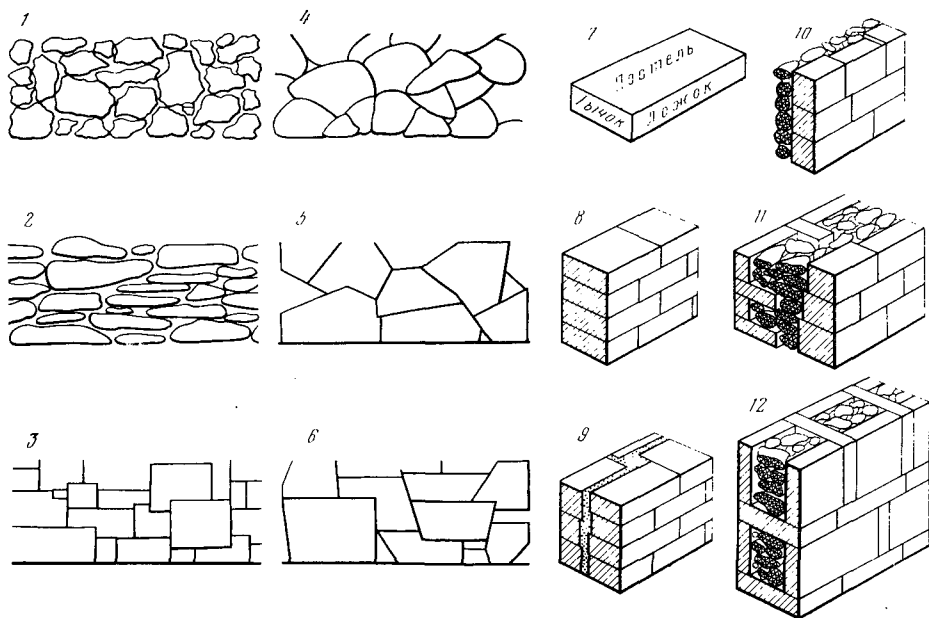
В настоящее время исследователи не применяют единых общепринятых принципов классификации кладок и терминологии¹. Определение типов кладок в одних случаях делается исходя из формы используемого материала (например, «полигональная» или «квадровая» кладки), в других случаях — из конструкции стены (диатопикон, эмплектон, кордон на ребро — плита на образок), в третьих — из рисунка фасада стены (исодомная, псевдоисодомная), иногда — из характера обработки фасадов камней и т. д. Таким образом, при использовании почти любого из этих терминов в отрыве от остальных данных нельзя получить полного представления о кладке. Кроме того, существующая терминология допускает многозначность трактовки тех или иных терминов. Например, такие классические определения кладок, идущие от античной традиции, как исодомная и псевдоисодомная, во времена Витрувия, по-видимому, полностью определяли конструкцию стены. Однако конкретное их значение ныне неизвестно. Сегодня уверенно можно говорить только лишь об одинаковой (исодом), или неодинаковой (псевдоисодом) высоте, общих размерах или толщине камня в паружном слое стены. Можно предполагать, что Витрувий (II, VIII, 6) псевдоисодомной называл кладку с рядами различной высоты. Однако если следовать Плинию (NH, XXXVI, 51) не исключено, что под псевдоисодомной кладкой предполагалась неодинаковая толщина камней. Таким образом, каждый из двух приведенных терминов может обозначать практически одну и ту же конструкцию. Поскольку в современном понимании они отражают лишь внешний признак, каждый из этих терминов может относиться примерно к десятку различных по конструкции кладок.

Витрувий (II, VIII, 7) и Плиний (NH, XXXVI, 51) упоминают также кладку эмплектон из каменных блоков без бута с прокладкой связывающих камней на оба фасада стены, а Плиний приводит еще один тип стеновых конструкций — диатопикон.

Судя по описанию, эмплектон соответствует постелистой ложково-тычковой одно- или двухрядной двухслойной системе (рис. 1, 9), а диатопикон — трехслойной с бутом в среднем слое (рис. 1, 11). Таким образом, эти термины отражают разные категории характеристики конструкции стены.

Описания отдельных особенностей кладок, однако без терминологического определения встречаются в произведениях и других античных авторов. Так, Павсаний (II, 25, 7) упоминает кладку из громадных грубых камней с заполнением щелей мелким камнем так, чтобы они составляли единое целое с большим. По-видимому, это циклопическая кладка. Тычковую кладку упоминает в своем трактате о фортификации Филоп Византийский (3, 2), тычково-ложковая кладка известна из надписи о постройке афинских и шрейских стен, ряд кладки из орфостатов упоминается в надписи Арсенала в Пирее².

Среди дошедших до нас греческих определений конструкций кладок только эмплектон характеризуется относительно полно. Имеющаяся древнегреческая терминология поэтому не дает возможности описать достаточ-

Рис. 1. Схема фасадных слоев нерядовых систем кладок

1 — иррегулярная бутровая; 2 — иррегулярная постелистая; 3 — иррегулярная уступчатая; 4 — полигональная лесбийская; 5 — полигональная простая; 6 — полигональная уступчатая; 7 — наименования сторон плиты. Типы кладок в поперечном сечении: 8 — однослойная двухлицевая; 9 — двухслойная двухлицевая; 10 — двухслойная однолицевая; 11 — трехслойная двухлицевая; 12 — трехслойная двухлицевая с перевязкой фасадных слоев во всех рядах

но исчерпывающе любой из встречающихся в Северном Причерноморье типов кладки. Не лучше обстоит дело и с новыми определениями. Так например, «двухпанцирная» кладка может иметь или не иметь забутовки посредине. Кроме того, само определение «панцирь» не соответствует сути работы конструкции, поскольку при относительно небольшой толщине стен именно панцирные слои являются несущими. Совсем уж архаичен и сложен такой термин, как «кордон на ребро, плита на образок».

Все упомянутые выше термины используются исследователями в разной степени. Наибольшее распространение получили такие определения, как *исодомная*, *псевдоисодомная*, *трапецидальная* и *полигональная* кладки.

Следует, однако, сказать, что к вопросам разработки терминологии и классификации греческих кладок в той или иной степени обращались многие исследователи. Среди советских ученых следует назвать А. Н. Карасева³, который дал, в частности, определения основных разновидностей северочерноморских кладок. Из наиболее полных работ зарубежных ученых, посвященных специально этим вопросам, за исключением энциклопедий, следует назвать В. Вреде и особенно Р. Скрэптопа, А. Орландоса и Р. Мартэна.

В энциклопедических словарях приводятся недостаточно четкие, в большинстве весьма многословные распространено-описательные определения кладок, единая классификационная основа отсутствует. Так, например в словаре Даремберга с использованием при конкретной характеристике в основном французской современной строительной терминологии выделяются следующие типы кладок: *циклопическая*, *пеласгическая*, *кладка уступами*, *регулярная* (трапецидальная и прямоугольная), *полигональная*, *исодомная*, *псевдоисодомная*. Последние два определения даются без конкретного анализа конструкции. Далее приводятся четыре типа кладки на орфостатном цоколе⁴. Единая основа классификации и терминологическая определенность здесь отсутствуют.

В отличие от этого классификация В. Вреде построена только на чисто внешних признаках кладок — по рисунку их фасадов, без учета конструкции стен⁵.

Наиболее серьезным трудом в этой области, послужившим основой для дальнейших разработок, является работа Р. Скрэнтона. Классификация Р. Скрэнтонана дана по основным трем разделам в соответствии с: 1) формой камня и ряда; 2) обработкой фасадов; 3) обработкой стыков⁶. Наиболее полно им разработаны два последних раздела. Во втором разделе выделяются виды обработки: в карьере, молотком, отеска, точечная, бороздчатая, под трыпку, резцом. Сюда можно только добавить, с учетом корректировки терминов, пиленую обработку. В третьем разделе Скрэнтон выделяет швы с прямоугольными и треугольными тягами, а также ровные. В этом разделе не хватает описания характера примыкания плоскостей: всей плоскостью с плотной притеской, всей плоскостью без плотной притески, либо узкими полосами у фасадов с выборкой материала на остальной поверхности примыкающих плоскостей.

Однако первый раздел описания Скрэнтонана построен, исходя только лишь из рисунка фасадов кладок, без учета их конструкций в поперечном сечении и положения камней в кладках. Основное классификационное разделение проведено исходя из четырехугольности и многоугольности фасадов камней. Более низкий уровень классификации вообще не имеет единого принципа и отличается непоследовательностью. Здесь выделяются группы: трапециевидная и из тесаного камня при четырехугольных фасадах; лесбийская и полигональная при многоугольных фасадах. На еще более низком классификационном уровне вводятся понятия регулярной, иррегулярной, рядовой, исодомной, псевдоисодомной, ложково-тычковой укладки камня.

Предложенная Р. Скрэнтонаном система была дополнена и развита в трудах сначала А. Орландоса⁷ и затем Р. Мартэна⁸. В обеих работах даются тщательнейшие и подробные описания встречающихся кладок, их датировка, в определенной степени учитывается и характеристика кладки в поперечном сечении. Особенно скрупулезно исследуются полигональные кладки, дается также разработка групп кладок из прямоугольного камня, а у Р. Мартэна, кроме того, выделяется категория кладок, типичных для жилого строительства.

Следуя за Р. Скрэнтонаном, А. Орландос выделяет две категории кладок по количеству сторон фасадов камней: I — с многосторонними фасадами и II — с четырехсторонними. I категория подразделяется на лесбийскую и полигональную системы (причем в последнюю включаются и некоторые разновидности рядовых кладок). II категория — на системы с трапециевидными и прямоугольными фасадами камней, каждая из которых, в свою очередь, подразделяется на иррегулярный, исодомный и псевдоисодомный типы. В свою очередь, исодомный тип имеет пять подтипов, а псевдоисодомный — четыре подтипа.

Несколько иной вариант, по при той же неизменной основе дает Р. Мартэн, который выделяет три основные категории кладок: I — полигональные с подразделением на кладки с четко выраженными стыками, с изогнутыми швами, с прямыми швами, II — трапециевидные и III — прямоугольные. Две последние категории члениятся на иррегулярные, псевдоисодомные и исодомные. Кроме того, Р. Мартэн выделяет в жилом строительстве пять типов кладок — бутовые, стены с разнородными кладками (слои не связаны между собой), исодомные и псевдоисодомные кладки с блоками на всю толщину стены, клетчатые исодомные и псевдоисодомные кладки, клетчатые с тычками.

Как видно из сказанного, классификация Р. Скрэнтонана — А. Орландоса — Р. Мартэна отличается сложностью, громоздкостью, в ряде случаев неоднозначностью, а главное тем, что важнейший критерий определения типа кладки — ее конструкция, система укладки — играет второстепенную роль либо в большинстве случаев вообще не учитывается. Основа классификации Р. Скрэнтонана — А. Орландоса — Р. Мартэна базируется на рисун-

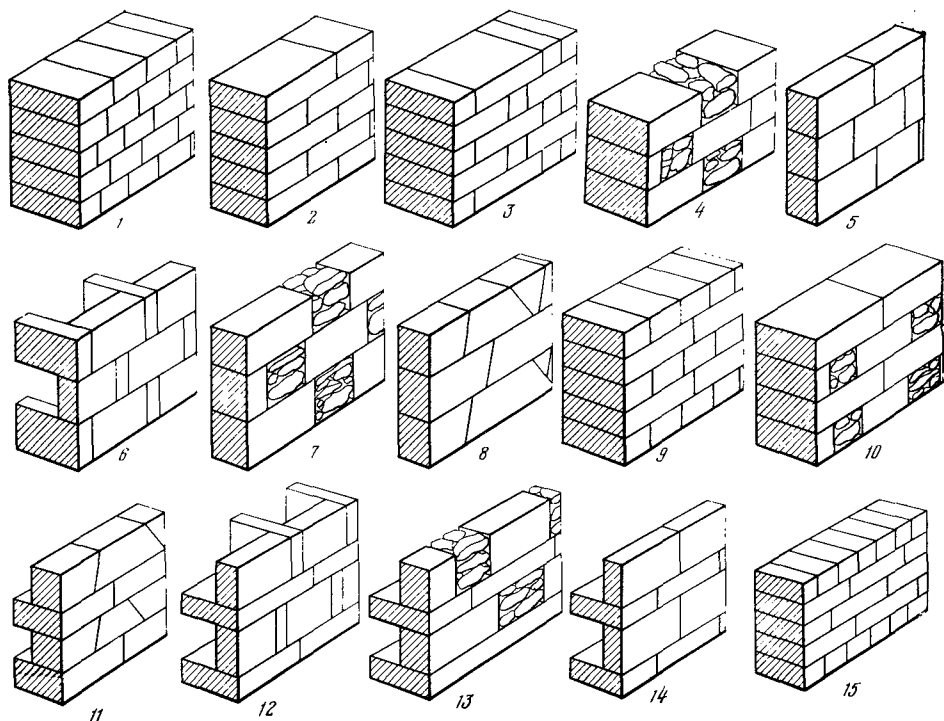
ке фасада кладок, а не на конструкции стены — системе ее кладки. Это достаточно наглядно видно, в частности, в использовании ими в этой системе классификационных подразделов *исодомный* и *псевдоисодомный*, критерием различия которых по Орландосу считается «заметное» (?) различие в высоте рядов⁹. Но даже при таком «заметном» различии конструкция стены — система ее кладки — может быть точно такой же, как и при отсутствии «заметного» различия. Это вполне убедительно показывают и чертежи, приводимые А. Орландосом¹⁰. Классификация этих авторов не дает возможности четкого определения и тем самым различения не только одно- или двухрядных (см. ниже), но и многорядных систем, имеющих принципиальные различия. Так, например, и у А. Орландоса, и у Р. Мартэна в принципиальных классификационных определениях не различаются, в частности, четырех- и двухрядные системы кладок¹¹. Их различие дается только на описательном уровне. Таким образом, термины *исодомный* и *псевдоисодомный* непригодны для определения системы кладки, хотя и могут использоваться для характеристики ее эстетических особенностей — рисунка фасада. Равным образом не отделяет конструкцию стены и термин «трапецеидальный», теряющий смысл при рядовых кладках из плохо обработанного материала. В целом предлагаемая авторами терминология в части использования древнегреческих (тем самым международных) терминов неопределенна, во многом эклектична, в конкретных же описаниях терминология, используемая авторами, сугубо национальна и многословна.

Все это и обусловило необходимость разработки принципов классификации и терминологических определений кладок на русском языке с принципиально иных позиций, а именно исходя из конструктивной системы кладок стен. При этом представлялось целесообразным пойти по пути не увеличения количества терминов для отражения любых вариантов конструкции кладок, что затруднило бы практическое освоение и использование этой системы, особенно при анализе кладок из плохо обработанного материала, а по пути использования своеобразного алфавита, состоящего из ряда простых элементов.

В основу предлагаемой терминологии и организации описания положен принцип классификации современных кирпичных кладок — принцип их конструкции как наиболее отвечающий сути структуры каменных стен.

В соответствии с этим применительно к античным кладкам система кладки определяется как способ размещения камней в кладке стены с тем или иным чередованием ложковых, тычковых и орфостатных рядов (рис. 1, 7)¹². Вводится понятие рядности — чередования в стене по вертикали рядов одинаково уложенного камня¹³. При укладке камня во всех рядах в одном положении, например ложками, выходящими на фасад (рис. 2, 2), система кладки является *однорядной*; при чередовании рядов с одинаковой укладкой камня по вертикали через одну система кладки будет *двухрядной* (рис. 2, 9—14) и т. д. Применительно к стеновым конструкциям как таковым вводится также понятие *слоя*¹⁴, т. е. однородного массива кладки, параллельного плоскости фасада стены. Так, кладка, в которой наружные фасады выложены из обработанных прямоугольных плит, а промежуток между ними забит бутом, является *трехслойной* (рис. 1, 11, 12)¹⁵, при отсутствии такого промежутка, но с самостоятельной выкладкой каждого фасада — *двухслойной* (рис. 1, 9). *Двухслойными* являются стены подвалов, где фасад обычно выложен из плит и блоков, а тыльная часть стены, примыкающая к борту котлована — из бута (рис. 1, 10). При возведении стены толщиной в один камень кладка является *однослойной* (рис. 1, 8). Вводится разграничение понятий *плиты* и *блока*.

В предлагаемой нами системе по возможности сохранены существующие в археологии традиционные термины, но только те, относительно которых известно их точное конкретное значение. Это прежде всего понятие *сторона* камня — *ложок*, *тычок*, *постель* (рис. 1, 7); способа его укладки — *на постель*, отсюда производное — *постельный ряд*, или *на узкую боковую сторону* — *орфостатно*, производное — *орфостатный ряд*. Сохра-

Рис. 2. Схемы фасадных слоев рядовых систем кладок

1 — однорядная постелистая тычковая; 2 — однорядная постелистая ложковая; 3 — однорядная постелистая ложково-тычковая; 4 — однорядная постелистая шахматная; 5 — однорядная орфостатная простая; 6 — однорядная орфостатная сложная; 7 — однорядная орфостатная шахматная; 8 — однорядная орфостатная полигональная; 9 — двухрядная постелистая ложково-тычковая; 10 — двухрядная постелистая шахматная; 11 — двухрядная орфостатная полигональная; 12 — двухрядная орфостатная сложная; 13 — двухрядная орфостатная шахматная; 14 — двухрядная орфостатная простая; 15 — четырехрядная постелистая ложково-тычковая

няются термины «полигональный» применительно к форме камня и системе кладки, и «шахматный» применительно только к системе, а также некоторые другие.

Исходя из упомянутых принципов классификации кирпичных кладок, основанных на характеристике их трехмерных объектов и специфике античных греческих конструкций, для исчерпывающей всесторонней характеристики кладок необходимы описания вертикального поперечного сечения кладки, системы укладки камней относительно фасада стены, материала, особенностей техники и общей конструкции.

Все это дает основания для выделения следующих основных разделов характеристики кладок: 1) в поперечном вертикальном сечении (рис. 1, 8—12), 2) системы кладки, 3) материала, 4) техники кладки. 1. При характеристике типов кладки в поперечном вертикальном сечении указывается количество слоев однородно уложенного материала, параллельных плоскости фасада, — однослойная, двухслойная или трехслойная. Отмечается количество фасадов: однолицевая кладка (обычно стены подвалов (рис. 1, 10) или двухлицевая (рис. 1, 8, 9, 11, 12).

2. При характеристике системы кладки определяется положение камней в кладке: орфостатная уставка (рис. 2, 5—8, 11—14), или укладка камня на постель (рис. 2, 1—4, 9, 10, 15) — соответственно орфостатная, или постелистая системы; ориентировка камней на фасад стены ложком (рис. 1, 2) или тычком (рис. 1, 1) — ложковая, или тычковая система.

Вторым важным элементом характеристики системы является наличие или отсутствие горизонтальных рядов. В рядовых кладках выделяются две группы кладок — иррегулярные (рис. 1, 1—3) и полигональные (рис. 1, 4—6).

Иррегулярная кладка (рис. 1, 1—3) может быть бутовой, постелистой или орфостатной, ложковой или тычковой, уступчатой.

Полигональная кладка и ее разновидность — лесбийская, или с криволинейной конфигурацией швов по фасаду стены (рис. 1, 4) отличается от иррегулярной подборкой и укладкой полигональных камней с более или менее плотным примыканием друг к другу всех смежных граней. Полигональная кладка может быть простая (рис. 1, 5), или уступчатая (рис. 1, 6), орфостатная (рис. 2, 8, 11), или постелистая. Вариантом полигональной системы является циклопическая кладка из крупных полигональных блоков, требующих для своей укладки усилий более одного человека.

В рядовых кладках выделяются три группы: однорядные кладки (рис. 1, 1—8), двухрядные (рис. 2, 9—14) (в принципе возможно использование трех- и четырехрядных (рис. 2—15) систем) и смешанные по материалу. Каждая группа имеет варианты.

Однорядные кладки могут быть постелистые, ложковые или тычковые (рис. 2, 1, 2), или орфостатные — простые (рис. 2, 5) и сложные (рис. 2, 6) (при введении чередования на фасаде стены тычков и постелей).

Двухрядные кладки — при повторяемости одинаково уложенных рядов через один — могут быть постелистые (рис. 2, 9, 10), орфостатные (когда в одном ряду камни уложены на постель, а в другом — орфостатно) — простые (рис. 2, 14) или сложные (чередование на фасаде в орфостатном ряду тычков и постелей (рис. 2, 12)). К двухрядным кладкам относится также кладка в елку.

3. При характеристике используемого материала следует указывать породу, цвет, форму камня, его обработку.

Форма камней в целом: прямоугольные или квадратные, полигональные (при отсутствии прямоугольности и любом числе сторон) плиты и блоки¹⁶

Форма фасадной стороны камней: прямоугольные, трапециевидные, полигональные.

Обработка камней: необработанный камень, грубо рваный, рваный по слою, пиленный, тесаный, грубо околотый (глубина околки до 3 см), мелко околотый (глубина околки до 0,5 см), обработанный под скарапель (глубина околки до десятых долей см), обработанный под трояпку (рифленая фактура), шлифованный. Нужно также указывать отсутствие или наличие рустов, ограниченных гладкими полосами с одной, двух, трех или четырех сторон, характер выквадровки фасадов.

4. При характеристике техники кладки следует указать, одинаковая или неодинаковая высота рядов (при одинаковой высоте рядов возможно использование термина *исодомный*, при неодинаковой — *псевдоисодомный*, при переменной высоте одного и того же ряда — *уступчатый*). Указывается наличие или отсутствие перевязки слоев и рядов, а также способы притески и расшивки швов.

Притеска швов может быть *целотная* или *плотная* (швы толщиной до 1—2 мм). Притеска боковых вертикальных граней смежных камней может быть сделана для всей плоскости, или только на узкой полосе у фасада (*анафиrosis*). Отмечается наличие притески постелей. Следует указать на наличие или отсутствие подсечек вдоль швов, форму поперечного сечения подсечек и месторасположение их относительно фасада камня.

Здесь же указываются части, из которых состоит стена (фундамент, цоколь, собственно стена), наличие или отсутствие ерезов, выступов, пазов, ниш и т. д., выделяются части стены, относящиеся к различным строительным периодам. Указывается также отсутствие или наличие и характер раствора — земляной, глиняный, известковый, гипсовый, цементный раствор, а также применение скреп.

Предлагаемые принцип классификации, терминология и система описания позволяют достаточно полно охарактеризовать в унифицированной системе практически любую античную кладку с учетом всех ее особенностей¹⁷.

- ¹ Определение римских систем кладок в силу их специфичности особых затруднений не представляет. Для них существует достаточно четкая и общепринятая терминология.
- ² Архитектура античного мира. М., 1940. № 1236 и № 1237.
- ³ *Karacev A. H.* Архитектура.— АГСП. М.; Л., 1955, с. 189 и сл.
- ⁴ *Daremberg C., Saglio E., Pottier E.* Dictionnaire des Antiquités Grecques et Romaines. Paris, 1904, t. III, «Mur».
- ⁵ *Wrede W.* Attische Mauern. Athen, 1933.
- ⁶ *Scranton R. L.* Greek Walss. Cambridge, 1941, p. 23.
- ⁷ *Orlandos A. K.* Les matériels de construction et la technique architecturale des anciens Grecs. Paris, 1968, part II, p. 127—160.
- ⁸ *Martin R.* Manuel d'architecture grecque. Paris, 1965, part I. Matériaux et Techniques, p. 273—390.
- ⁹ *Orlandos A. K.* Les matériels de..., p. 146.
- ¹⁰ *Orlandos A. K.* Les matériels de..., fig. 165, 2.
- ¹¹ *Orlandos A. K.* Les matériels de..., fig. 160; *Martin R.* Manuel d'architecture..., fig. 174, 182.
- ¹² «Способ размещения кирпичей в кладке стены с тем или иным чередованием ложковых или тычковых рядов (для достижения перевязки швов) называется системой кирпичной кладки» (*Осипов Л. Г., Сербинович П. П., Стерлигов В. Д., Шубин Л. Ф.* Архитектура гражданских и промышленных зданий. М., 1962, с. 113).
- ¹³ «В двухрядной системе кладки тычковые ряды чередуются с ложковыми» (*Осипов Л. Г., Сербинович П. П., Стерлигов В. Д., Шубин Л. Ф.* Архитектура..., с. 113).
- ¹⁴ См., например, «двухслойные стены» в книге: *Кириштейн Г.* Строительное искусство: Руководство к возведению фабричных, гражданских и сельских строений. Рига, 1909, с. 85.
- ¹⁵ Среди современных конструкций наиболее ярким аналогом являются стены системы Н. С. Попова (*Осипов Л. Г., Сербинович П. П., Стерлигов В. Д., Шубин Л. Ф.* Архитектура..., с. 117).
- ¹⁶ Плита — камень, два размера которого превышают третий более чем в два раза каждый (длина, ширина, высота); блок — камень, два размера которого не превышают третий более чем в два раза каждый.
- ¹⁷ Основные принципы предлагаемой системы были опубликованы в 1965 г. (*Крижицкий С. Д.* Про методикку опису кладок мист Північного Причорномор'я VII ст. до п. е.—IV ст. н. е.—Археологія, 1965, т. 18, с. 39—47).

И. Ю. ШАУБ

ПАНТИКАПЕЙСКИЙ ЭРОТ-ГЕРАКЛ

Одним из популярнейших образов в коропластике Боспора эллинистической эпохи был Эрот, изображавшийся обычно в виде ребенка, изредка в виде юноши¹ с различными атрибутами². В период позднего эллинизма (II—I вв. до н. э.), когда главным центром производства терракот на Боспоре являлся Пантикапей³, в кругу тем пантикапейских коропластов появился необычный сюжет — Эрот с атрибутами Геракла⁴. Эти терракоты делятся на два типа: сидящий крылатый Эрот, левой рукой опирающийся на лиру, а в правой держащий палицу Геракла⁵, и Эрот-юноша с небольшими крыльями, который стоит, заложив правую руку за спину и прислоняясь к скале, на которую накинута львиная шкура, левой рукой он придерживает палицу⁶.

М. М. Кобылина считает, что этот сюжет «представляет собою яркий памятник позднеэллинистического искусства с его погоней за внешними эффектами и забавными сюжетами. Образ Эрота контрастирует с атрибутами Геракла, являющимися символом силы и мужества»⁷. Однако чуть ниже та же исследовательница замечает, что «смешение атрибутов очень характерно для позднеэллинистических изображений божеств, что связано с синкретизмом религиозных представлений в это время»⁸. Это утверждение совершенно справедливо, и, на наш взгляд, появление образа Эрота-Геракла в коропластике Пантикапея вполне можно объяснить именно религиозным синкретизмом, предпосылкой которого является связь этих божеств в религиозных представлениях как жителей Боспора, так и греков метрополии.

Известно, что Эрот и Геракл (наряду с Гермесом) совместно почитались в гимназиях, игравших важнейшую роль в общественной жизни греков⁹. Но для образования синкретического образа Эрота-Геракла особен-

по важной была связь обоих божеств с загробным миром. У Геракла эта связь прослеживается как в мифологии, так и в многочисленных произведениях искусства¹⁰. Эрот (или Эроты), как погребальный гений, часто фигурирует в памятниках искусства, начиная с эллинистического времени, сливаясь с богом смерти Тапатосом¹¹. Именно загробный аспект в образах Эрота и Геракла породил такое частое в римской скульптуре явление, как изображение снящего на львиной шкуре Эрота — ребенка с лежащей под лею палицей, а также надгробия, изображающие Эрота, опирающегося на палицу. Погребальная семантика этих скульптурных изображений, а также их использование в качестве надгробных памятников были доказаны еще А. Фуртвенглером¹². Кроме того, на Боспоре, где засвидетельствована теснейшая связь Геракла с Афродитой¹³, частым спутником которой на многочисленных терракотовых статуэтках, обнаруженных в некрополях боспорских городов, выступает Эрот¹⁴, эта связь должна была послужить дополнительным фактором, обусловившим сложение и определенную популярность образа Эрота-Геракла в пантикапейской коронпастике. (Быть может, в Пантикапее, где мужские божества играли несравненно более видную роль, чем на Тамани — царстве Великой богини, выступавшей в одной из своих ипостасей как Афродита, Эрот заменял Афродиту в какой-то из ее функций?)

В заключение этой заметки отметим, что, хотя связь Геракла с Афродитой в греческой мифологии не прослеживается больше нигде, кроме изложенного Страбоном таманского мифа, это объясняется скорее сравнительной немногочисленностью дошедших до нас письменных источников, нежели действительным положением дел в античности, поскольку связь Афродиты и Эрота с Гераклом прослеживается как в вазовой живописи¹⁵, так и в пумизматике (на малоазийских и фракийских монетах императорской эпохи)¹⁶.

¹ *Кобылина М. М.* Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961, с. 91.

² Большинство атрибутов, с которыми изображался Эрот, были обусловлены представлениями об этом божестве (дельфин, цетух, лира, факел и пр.), другие более или менее случайны (например, щит).

³ *Кобылина М. М.* Терракотовые статуэтки Северного Причерноморья. — САИ, 1974, Г1—11, с. 16.

⁴ О позднеэллинистических терракотах, изображающих Геракла, см.: *Пругло В. И.* Геракл в коронпастике Боспора. — В кн.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. М., 1968, с. 238—247.

⁵ *Азарова В. П.* Один из участков Пантикапейского некрополя. — В кн.: Археология и история Боспора. Симферополь, 1962, II, с. 323, рис. 4. (Терракотовые статуэтки, ч. III, Пантикапей. — САИ, 1974, Г1—11, табл. 17, 3); ОАК за 1882—1883 гг. табл. VIII, 7.

⁶ ОАК за 1878 г., табл. II, 6. Терракотовые статуэтки, ч. III, Пантикапей, табл. 30, I. Л. Ф. Силапьева считает, что эта статуэтка изготовлена в Малой Азии (Терракотовые статуэтки, ч. III, Пантикапей, с. 28). Однако глина этой терракоты явню керченская. См.: *Кобылина М. М.* Мастерские пантикапейских коронпастов. Терракотовые статуэтки, ч. III, Пантикапей. — САИ, 1974, Г1—11, с. 48; Терракотовые статуэтки, ч. III, 30, 5; ГЭ инв.

№ П 772 (без крыльев). ГЭ инв. № П 1877, 59; Терракоты Одесского археологического музея. Одесса, 1898, т. II, табл. 5, 2.

⁷ *Кобылина М. М.* Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961, с. 98.

⁸ Там же, с. 98.

⁹ *Paus.* VI, 23, 3, 5; *Athen.* 13, p. 361 d; *Furtwängler A.* Eros, Roschers Ausführliches Lexicon der griechische und römische Mythologie. Leipzig, 1884, Bd. 1, S. 1343.

¹⁰ *Bayei J.* Idéologie et plastique. Rome, 1974, p. 199, 374.

¹¹ *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913, с. 148.

¹² *Furtwängler A.* Intorno a due tipi d'Amore. *Bullettino dell' Istituto di corrispondenza archeologica per l'anno 1877.* Roma, 1877, p. 121 и сл.

¹³ *Strab.* XI, 2, 10.

¹⁴ Эрот вместе с Афродитой изображался также и на боспорских культовых памятниках (*Марченко И. Д.* О культуре Афродиты на Тамани. — В кн.: История и культура античного мира. М., 1977, с. 124, 125).

¹⁵ Афродита, Эрот и Геракл на керченской пелике (ОАК за 1859 г. табл. II)

¹⁶ *Riggauer H.* Eros auf Münzen. *Zeitschrift für Numismatic*, VIII, 1881, S. 83; *Waser O.* «Eros». — *Pauly-Wissowa Realencyclopädia der classischen Altertumswissenschaft*, Bd. VI, Sp. 526, 529.

КРАСНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА ИЗ ТАНАИСА КОНЦА IV — НАЧАЛА V В. Н. Э.

После разгрома Танаиса в середине III в. н. э. племенами готского союза город больше ста лет не восстанавливался и лежал в развалинах. Жизнь в городе возобновилась только в последней трети IV в. н. э. и продолжалась до начала V в. н. э. Дата возобновления жизни города предстает по пумизматическим материалам, точная дата и причины окончательной гибели города не установлены¹. История Танаиса последнего периода жизни города известна хуже, чем его история до разгрома в III в. От этого периода до нас не дошли письменные источники, а на городище почти не встречено надписей². Неизвестны и другие поселения на Нижнем Дону, одновременные последнему периоду существования Танаиса. Поэтому особенно большую ценность приобретают все археологические материалы IV—V вв. н. э. с Педвыговского городища, но их сохранность по сравнению с остатками предыдущих веков довольно плохая. Культурные слои последнего периода значительно порушены в новейшее время, закрытых комплексов найдено сравнительно немного. Слои и постройки IV—V вв. н. э. сохранились главным образом на территории основного четырехугольника городища, но их прорезают многочисленные ямы и траншеи камнеискателей. Открытые в раскопках вещественные находки IV—V вв. н. э. позволяют в какой-то мере охарактеризовать облик города, уточнить датировку слоев последнего периода его жизни и восстановить картину торговых связей. Среди вещественных находок краснолаковая керамика позднейшего Танаиса занимает одно из ведущих мест.

Основные и наиболее распространенные типы краснолаковой керамики позднеантичного периода выявлены в Тиритаке³, несколько обломков керамики этого времени открыто в Илурате⁴, известны отдельные находки IV—V вв. н. э. в некоторых других боспорских городах⁵. Особенно много керамики IV—V вв. н. э. найдено в Херсонесе и Пантикапее⁶.

Краснолаковая керамика из Танаиса конца IV — начала V в. н. э. характерная для сравнительно небольшого хронологического отрезка последнего этапа существования города, дает возможность уточнить хронологическую классификацию краснолаковой керамики, найденной в других центрах с более длительным хронологическим диапазоном.

Поздняя краснолаковая керамика из Танаиса характеризуется значительно меньшим разнообразием форм, чем более ранняя, что отмечается повсеместно в Северном Причерноморье в последний период античности⁷. Большая часть краснолаковой керамики IV—V вв. н. э. из Северного Причерноморья является привозной. С. А. Беляев выделяет в материалах Пантикапея и Херсонеса группы керамики, происходящие из мастерских Северной Африки⁸. Однако не исключается, что часть керамики, возможно, имеет все же местное северопричерноморское происхождение⁹. В Танаис в IV—V вв. н. э., как и в более раннее время, краснолаковая керамика поступала главным образом из городов Боспора.

В танаисской коллекции нами учтено 176 обломков краснолаковой керамики (часть из которых почти целые сосуды), относящейся к последнему периоду существования города. Вероятно, к этому времени относится значительно большее число обломков, но из-за перекопанности верхних слоев нами учитывается только краснолаковая керамика, по своей форме несомненно относящаяся к позднему периоду, а также керамика, происходящая из сравнительно немногочисленных закрытых комплексов конца IV—начала V в. н. э.

Наиболее распространенной формой краснолаковой керамики в IV—V вв. н. э. в Танаисе являются миски с расходящимися кверху стенками. Большое плоское дно покоится на низком кольцевом поддоне, расположенном по краю дна. Этот тип представлен 60 обломками стенок с венчи-

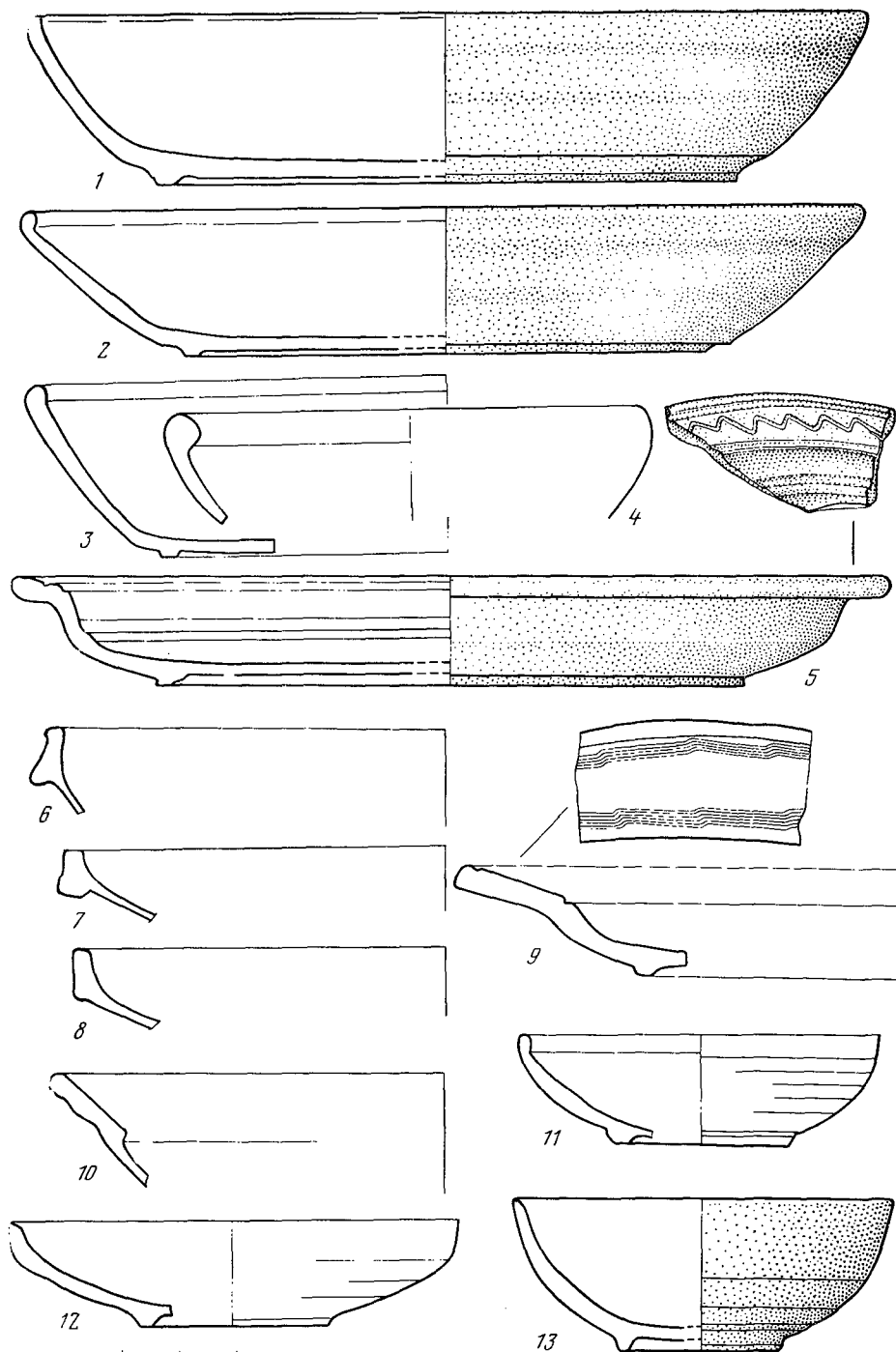

Рис. 1. Краснолаковая керамика из Танаиса конца IV — начала V в. н. э. (1-13)

ком, у 19 из них сохранилось и дно, так что они дают полный профиль сосуда. Стенки мисок встречаются и совсем прямые и слегка скругленные. У отдельных экземпляров венчик темного загнут внутрь. Край чаще заострен, реже скруглен. Снаружи четко подчеркнут переход от кольцевого поддона к стенкам. Иногда имеется небольшая вогнутость с ребром при переходе от дна к стенкам. Дно или ровное, или имеет утоньшение к центру. Высота мисок варьирует от 4,7 до 6,7 см, диаметр по краю от 27 до 30 см, диаметр кольцевого поддона от 18 до 20 см (рис. 1, 1-3). Этот тип

сосудов выделен Т. Н. Книпович в тиритацких находках (тип 23), датируется он ею III—IV вв. н. э.¹⁰ Среди илуратских находок тип представлен только одним экземпляром (тип 45)¹¹. В танаисских комплексах, разрушенных в середине III в. н. э., мисок этой формы не встречено. Видимо, если эта форма сосудов и появилась на Боспоре в III в. н. э., то только во второй половине или в самом конце его и существовала главным образом в IV в. н. э. на всем его протяжении, заходя, возможно, в начало V в. н. э.

Несколько меньшим количеством экземпляров представлены тарелки на плоском широком дне и низком кольцевом поддоне, оформленном так же, как у мисок предыдущего типа. Стенки тарелок округлые, широкий венчик отогнут наружу. Этот тип керамики представлен 38 обломками венчиков со стенками, у 8 из них сохранился целый профиль с дном. Две трети тарелок имеют венчик, украшенный волнообразными линиями, прорезанными гребенчатым штампом. Орнамент расположен одной или двумя полосами. Часто венчик с одной или двух сторон дополнительно украшен углубленной бороздкой. Детали профиля тарелок варьируются довольно значительно: различна форма венчика (иногда слегка округлая, иногда совсем плоская) ширина его колеблется от 3 до 4,2 см; различен наклон венчиков и форма стенок: у отдельных экземпляров стенки совсем округлые с плавным переходом к венчику, у других стенки прямые угловатых очертаний. Различна и высота тарелок (от 3,5 до 4 см) и диаметр их по краю венчика (от 30 до 40 см) (рис. 1, 5, 9).

От более ранних тарелок с отогнутым венчиком тарелки рассматриваемого типа отличают многие детали профиля: больший диаметр по краю, большое плоское дно (у ранних наблюдается углубленное дно и сравнительно небольшой кольцевой поддон), гребенчатый орнамент по венчику. Лак тарелок розового и бурого цветов, тусклый и очень часто с металлическим оттенком. Аналогичные тарелки выделяются в Херсонесе¹². С. А. Беляев датирует их появление концом III — началом IV в. н. э., доживают они до начала V в. н. э.

Остальные сосуды позднего времени представлены значительно меньшим числом экземпляров. Среди них прежде всего следует отметить миски с расходящимися кверху стенками, с плоским дном на невысоком кольцевом поддоне и небольшим нависающим над стенками венчиком, выделенным только снаружи, внутри стенки гладкие, округлые. Целые формы сосудов этого типа встречаются достаточно часто, но в Танаисе этот тип представлен только четырьмя фрагментами верхних частей. Профиль венчика у них несколько различен, у двух венчик снаружи украшен насечками, нанесенными зубчатым штампом. Диаметр этих мисок по краю 25—27 см (рис. 1, 6—8).

Сосуды этой формы в позднеантичный период получили очень широкое распространение. Ареал их охватывает всю территорию Римской империи. Исследуя находки такой краснолаковой керамики с афинской агоры и из Аитнохин, Ф. Вааге датирует этот тип керамики концом IV—VII вв.¹³ Выделяется этот тип сосудов и в Северном и Восточном Причерноморье. Т. Н. Книпович отмечает его в керамике Тиритаки (тип 24) и датирует IV в.¹⁴ Она считает, что часть сосудов этого типа может быть отнесена к изделиям боспорских мастерских. В. Ф. Гайдукевич подобные сосуды относит к последней четверти IV—V вв. н. э.¹⁵ С. А. Беляев, исследуя позднюю краснолаковую керамику из Херсонеса, считает, что подобные сосуды появились не ранее V в. н. э. Сосуды этой формы, открытые в Херсонесе, он относит к привозным, а найденные на территории херсонесской хоры — к местным¹⁶. Сосуды, рассматриваемой формы, открытые в Восточном Причерноморье, О. Д. Лордкипанидзе датирует концом IV в. н. э., а наибольшее их распространение относит к V в. н. э. Предполагается возможность их производства в окрестностях Пицунды¹⁷.

Значительное место занимают эти сосуды среди находок Ильичевского поселения. Исследуя их, Э. Я. Николаева считает более верным датировать их V—VI вв. н. э., не исключая, однако, возможности их появления и в конце IV в. Она полагает, что привозными были главным образом рап-

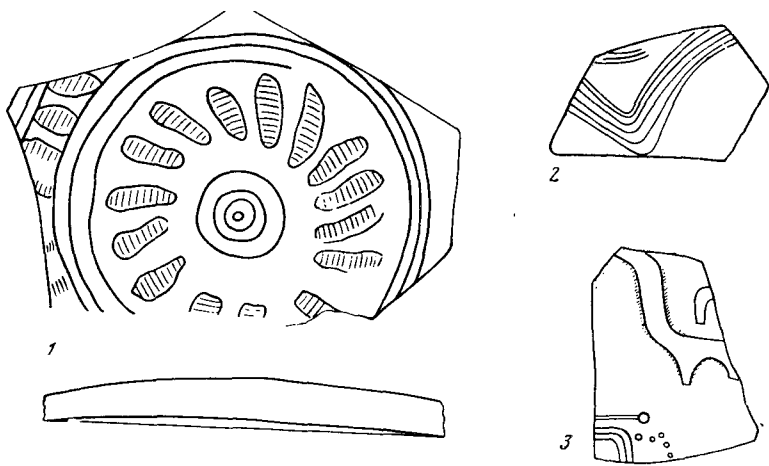

Рис. 2. Обломки дниц краснолаковых сосудов конца IV — начала V в н. э. с орнаментом (1—3)

шие образцы, а затем производство подобных сосудов было налажено и на территории Боснора. По ее наблюдениям получается, что сосуды с насечками по венчику не имели (или почти не имели) клейм и были распространены раньше сосудов без насечек¹⁸. Отсутствие в Танаисе мисок с клеймами действительно свидетельствует о более позднем появлении клеймной керамики. Но в Танаисе найдены сосуды как с насечками по венчику, так и без них, что говорит об их одновременном существовании.

Нами учтено 53 обломка дниц с низким кольцевым поддоном, которые могут относиться к рассмотренным типам керамики. Украшений и клейм, как правило, на них нет. Только на трех обломках сохранился орнамент, но определить, какой именно формы сосудам они принадлежали, нельзя.

На одном обломке имеется орнамент в виде волнистой линии, прочерченной гребенчатым штампом (рис. 2, 2). Подобный орнамент часто встречается на днищах сосудов IV в. н. э.¹⁹ На втором обломке сохранились точечные углубления и выпуклые неправильной формы линии (рис. 2, 3); к сожалению, судить о характере изображения из-за небольшого размера обломка трудно. На третьем обломке довольно толстого дна, утолщающегося к центру, сохранился орнамент из комбинации выпуклых концентрических кругов и расположенных между ними овалов удлиненной неправильной формы, напоминающих рапные клейма в виде ступни. Внутри овалы имеют поверхность, заштрихованную гребенчатым штампом (рис. 2, 1).

В Танаисе, как уже отмечалось, пет клейм в виде крестов, изображений различных животных и птиц. Эти клейма появились на керамике позднее, в V в. н. э., когда Танаис уже не существовал.

Последняя значительная группа сосудов Танаиса IV—V вв. н. э. — миски с округлыми стенками, сильно суживающимися к кольцевому поддону, с загнутым внутрь краем. Эта одна из наиболее распространенных форм сосудов и первых веков н. э. Определенных критериев для выделения мисок IV—V вв. н. э. среди более ранних у нас нет, поэтому в целом трудно судить о распространении мисок этого типа в поздний период. Можно только отметить, что обломки таких сосудов постоянно встречаются в верхних слоях городища. Среди них выделяются обломки венчиков, у которых вдоль края внутри имеется значительное утолщение, как бы небольшой валик, обрамляющий край. Миски с подчеркнуто утолщенным краем (рис. 1, 4), видимо, существовали только в поздний период, в многочисленных датированных комплексах более ранних веков мисок подобной формы не встречено. Эта форма представлена 16 экз. венчиков. Диаметр этих мисок по краю около 16 см.

Особо следует отметить три небольшие мисочки, происходящие из помещений последнего периода жизни города. Стежки у них округло расходятся кверху, дно покоится на кольцевом поддоне. У одной мисочки стенки украшены резными линиями. Диаметр их по краю 12, 13 и 15 см, высота соответственно 3,8; 5,2 и 3,5 см (рис. 1, 11—13).

Одним экземпляром представлен сосуд с прямыми расходящимися кверху стенками. Внутри при переходе к венчику у него имеется уступ, после которого наблюдается значительное утолщение венчика. Дно сосуда не сохранилось (рис. 1, 10).

Таковы формы краснолаковой керамики, представленной в Танаисе в последний период существования города. Несмотря на значительное сокращение торговых связей, они не прекратились совсем и в последние века жизни города. В Танаис поступает та же посуда, которая имеет распространение в это время по всему античному миру, в том числе и по всему Северному Причерноморью. Сейчас трудно решить, какие города в конце IV — начале V в. н. э. были главными поставщиками товаров в Танаис. Только для первого периода жизни города (III—I вв. до н. э.) можно с достаточной уверенностью предполагать, что основные торговые связи осуществлялись через Фалагорию²⁰; для первых веков н. э. трудно установить перевес того или иного центра, скорее можно говорить о боспорских городах в целом. Только дальнейшее накопление материала, всесторонняя его обработка и уточнение датировки помогут выяснить этот вопрос, а также дать более твердые данные о времени окончательной гибели Танаиса.

¹ Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дюп в первые века нашей эры. М., 1972, с. 327 и сл.

² Только один небольшой обломок надписи IV в. н. э. был найден во время раскопок 1967 г.

³ Книпович Т. Н. Краснолаковая керамика первых веков н. э.— МИА, 1952, № 25, с. 318 и сл.

⁴ Силантјева Л. Ф. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата.— МИА, 1958, № 85, с. 301 и сл.

⁵ Гайдукевич В. Ф. Некрополи некоторых боспорских городов.— МИА, 1959, № 69, с. 235, 236, рис. 105, 106.

⁶ Беляев С. А. Краснолаковая керамика Херсонеса IV—VI вв.— АИКСР, с. 31; *Он же*. К вопросу о североафриканской краснолаковой керамике IV в. н. э. из Херсонеса и Керчи.— КСИА, 1972, вып. 130, с. 122 и сл.

⁷ Беляев С. А. Краснолаковая керамика..., с. 31.

⁸ Беляев С. А. К вопросу о североафриканской краснолаковой керамике..., с. 122 и сл.

⁹ Там же.

¹⁰ Книпович Т. Н. Краснолаковая керамика..., с. 318, 319, рис. 12, 1.

¹¹ Силантјева Л. Ф. Краснолаковая керамика..., с. 301, рис. 15, 3.

¹² Беляев С. А. Краснолаковая керамика..., с. 32 и сл.

¹³ Waage F. The Roman and Byzantine Pottery.— *Hesperia*, II, 1933, p. 298—301, pl. IX—X, 214—242; *Idem*. Hellenistic and Roman Tableware. In: *Antioch-on-the-Orontes*, IV, 1. Princeton, 1948, p. 53, pl. XI, 940—947.

¹⁴ Книпович Т. Н. Краснолаковая керамика..., с. 319—321, рис. 13.

¹⁵ Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг.— МИА, 1952, № 25, с. 126.

¹⁶ Беляев С. А. Краснолаковая керамика..., с. 37.

¹⁷ Лордкипанидзе О. Д. Краснолаковая керамика из раскопок Пицунды (основные типы и их датировка).— Вестник Отделения общественных наук АН СССР, 1962, № 1, с. 254.

¹⁸ Николаева Э. Я. Краснолаковая керамика со штампами с Ильичевского городища.— КСИА, 1978, вып. 156, с. 110—113.

¹⁹ Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг., с. 123, рис. 154; *Он же*. Некрополи некоторых боспорских городов, с. 235, рис. 105.

²⁰ Шелов Д. Б. Экономическая жизнь Танаиса.— АГ, с. 117.

ПУБЛИКАЦИИ

Э. А. СЫМОНОВИЧ

НАХОДКИ АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ
ИЗ с. БЕЛЕНЬКОГО
БЕЛГОРОД-ДНЕСТРОВСКОГО РАЙОНА

В 1972 г. в Белгород-Днестровский музей поступили сосуды из с. Беленького, паходящегося педалеко от города, в районе Будацкого лимана. Все они были найдены в одном месте при случайных обстоятельствах: пшакше части двух горшков из грубой глины с примесью шамота; половина сероглиняной лощеной миски из тонкой глины с отдельными песчинками, сероглиняный гончарный сосуд в виде кружки с одной почти полностью утраченной ручкой, богато украшенный лощеным орнаментом (рис. 1).

Два днища лепных горшков маловыразительны (рис. 1, 1—2), но оба гончарные сосуда заслуживают внимания. Миска диаметром 19,5 см в верхней части была покрыта лощением (рис. 1, 4). Очевидно, по форме сосуд воспроизводил, с некоторыми отклонениями, античную краснолаковую тарелку римского времени. Кружка-кувшин диаметром 14 см сделана из тонкой глины, покрыта лощением (рис. 1, 3). Форма подобных сосудов хорошо известна по материалам позднеантичного времени в культуре полей погребений. Так и в самом Черняхове при первых исследованиях могильника были обнаружены аналогичные по типу сосуда¹. Однако рассмотрение узоров на сосуде из с. Беленького уводит в совершенно иной круг аналогий, поскольку они в общем чужды памятникам черняховской культуры. Растительный сюжет в виде четырехлепесткового цветка является ушкальным. Петлинична и орнаментация в виде «шахматной доски». Хотя косая сетка для черняховской керамики очень характерна и даже, как исключение, известна не ромбическая, а прямоугольная сетка, но чередование в сетчатом орнаменте лощеных и оставленных матовыми плоскостей неизвестно². Зигзаг — более повсеместный мотив орнаментации и, следовательно, меее самобытен. Обращаясь к поискам соответствующих специфических аналогий узоров из с. Беленького, мы должны будем сказать, что растительные завитки и сюжет пролощепных лепестков печужд позднеантичной керамике Ольвии, где встречаются и сосуда типа кружки-кувшина³. Небезынтересны в этом отношении находки на черняховском поселении на Вольции в с. Ленесовке: там, по обоснованному предположению М. А. Тихановой, вероятно, работали гончары из Причерноморья, отчего этот памятник дает уникальные и разнообразные типы лощеных узоров. В том числе там встречен мотив четырехлепесткового цветка, пролощепного по матовому полю⁴.

Сочетание позднеантичных элементов в керамике из с. Беленького с признаками, характерными для черняховской посуды, не могло не вызвать интереса и потребовало более подробного исследования памятника, принадлежащего к периферии древней Тирь. Поэтому в 1973 г. для выяснения обстоятельств находки и хронологии памятника место находки было осмотрено автором. На окраине с. Беленького возле фермы, на току,

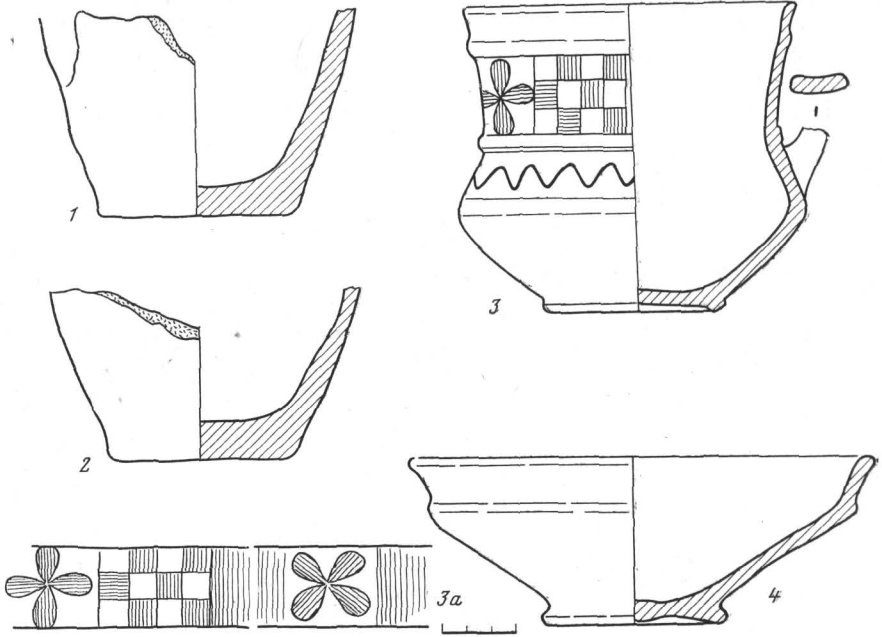

Рис. 1. Комплекс лепных (1—2) и гончарных (3—4) сосудов из с. Беленькое с про-
рисовкой орнамента на серо-лощеном сосуде

Рис. 2. Латинская надпись из с. Бе-
ленькое

Рис. 3. Греческая надпись из с. Белень-
кое

представляющем собой большую незастроенную площадь, ежегодно выкапывают большие канавы для хранения силоса. По словам заведующего током П. С. Седенко, сосуды были обнаружены при углублении канавы бульдозером, примерно на глубине 2,00 м от поверхности. Сведений о наличии захоронений он дать не мог, но осмотр этой и других силосных траншей показал, что замеченные в их бортах ямы принадлежали могильным сооружениям. Одни из них доходили до большой глубины, около 2 м, а другие, более черные по заполнению, прослеживались ближе к современному уровню почвы. Последние оказались относящимися к христианскому кладбищу недавнего прошлого. Более глубокие ямы, насколько позволили судить пробные зачистки, скорее всего принадлежали остаткам сводчатых земляных склепов. В одном из выбранных нами таких углублений с плоским дном и полукруглым сводом обнаружены разбросанные человеческие кости. В другом месте нам был показан след большого обработанного камня, вынутаго землякопами при проведении траншеи. Судя по темному цвету грунта, в котором найден на глубине 1,5 м камень, можно предполагать, что и здесь была могильная яма. При обследовании камень оказался алтарем, несущим на себе посвященную латинскую надпись (рис. 2).

Находка древней надписи не первый случай для с. Беленького. Местные жители сообщили нам о каменной «иконке», обнаруженной ранее на той же площади возле фермы. Мраморная плита с изображением сохранилась в бывшей школе, расположенной сравнительно неподалеку от обследовавшегося места. При переезде школы в новое здание камень был выброшен. Сохранившиеся его части нам удалось отыскать. То были остатки мраморной белой надгробной плиты с греческой надписью и погрудным женским изображением (рис. 3).

Характер надписей и находки керамики позволяют считать обнаруженный памятник относящимся к позднеантичному времени и требующим стационарных археологических исследований. Он представляет определенный интерес для выяснения особенностей культуры периферии Тир в первые века нашей эры.

¹ Петров В. П. Черляховский могильник (по материалам раскопок В. В. Хвойки в 1900—1901 гг.) — МИА, 1964, 116, с. 87, рис. 3, 5, 6 и др.

² Сымонович Э. А. Орнаментация черляховской керамики. — МИА, 1964, 116, с. 306, рис. 15, 8.

³ См.: Собрание позднеантичной посуды из Ольвии Б. В. Фармаковского. — ГЭ. ншв. № Ол. 13316, Ол. 2893, Ол. 9987. К сожалению, позднеантичные мате-

риалы древней Тир только начинают изучаться, и не исключено обнаружение там более близких аналогий (Кравченко П. М., Корпусова В. М. Деякі риси матеріальної культури цизьоримської Тіри. — Археологія, Київ, 1975, 18. с. 20—42).

⁴ Тиханова М. А. Раскопки на поселении III—IV вв. н. э. у с. Лепесовки в 1957—1959 гг. — СА, 1963, № 2, с. 185—190, рис. 4, 1.

Т. В. БЛАВАТСКАЯ

НАДГРОБИЕ И АЛТАРЬ ИЗ с. БЕЛЕНЬКОГО

Надгробие с греческой надписью

Обнаруженные Э. А. Сымоновичем¹ два фрагмента мраморного рельефа с надписью (рис. 3 в статье Э. А. Сымоновича) имеют наибольшие сохранившиеся размеры 0,62×0,36×0,07 м. Исходя из приблизительного числа букв в строках и размеров изображения, можно полагать, что ширина всей плиты не превышала 0,44 м, высота ее неизвестна, но, судя по небольшой толщине, плита не должна была быть выше 0,80—1,40 м.

Плита из тонкозернистого белого мрамора тщательно обработана, лицевая поверхность ее отполирована. По краям идет сложнопрофилирован-

ная ступенчатая рамка. В верхней части камня — погрудное изображение женщины в фас, под которым вырезана эпитафия.

Исполнение рамки много выше грубой работы ваятеля, создавшего рельеф. Это позволяет предположить, что памятник был изготовлен в два приема разными работниками². Возможно, что обрамление плиты было сделано еще в той мастерской, где из мраморных глыб выпиливали заготовки плит для надгробий³. Сохранилась лишь часть изображения женщины. Платок, покрывавший ее волосы и окутывавший плечи, виден лишь с одной стороны, под ним сверху сохранилась часть пряди волос. Почти целиком видны шея и грудь. Исполнение этих частей рельефа столь схематичное, что трудно обнаружить в них традиции античного скульптурного искусства. Бросается в глаза то, что очертания плеч утратили всякую соразмерность и натуральность. Также складки покрывала и одежды очень далеки от реальности. Исполнявший рельеф мастер использовал достаточно распространенную в балканских землях схему погрудного изображения женщины с сильно распахнутым покрывалом⁴. По обычаю на рельефах покрывало окутывает плечи и грудь и сливается со складками одежды. На публикуемом памятнике платок и платье резко отделены глубокой чертой.

Грубая передача и монотонное повторение складок ткани находят аналогию на некоторых памятниках римских балканских провинций⁵. Далеким прототипом публикуемого изображения женской одежды являются кофточки дакийских женщин, представленных на одной из метоп памятника в Адамклинси⁶. Возможно, что на изучаемом рельефе также должно было быть представлено аналогичное одеяние, собранное в крупные сборки у шеи. Но мастер не справился с этой задачей либо из-за неумения работать по мрамору, либо по другим обстоятельствам. В балканских провинциях во II—III вв. во многих местах возникли мастерские, изготовлявшие надгробия для небогатых и непритязательных заказчиков в своей округе. Иногда произведения местных мастеров представляли весьма примитивные памятники⁷. Посредственный мастер, изготовлявший публикуемый рельеф, исходил из подобных образцов и не утруждал себя более тщательной работой. Под рельефом аккуратно вырезана эпитафия, от которой сохранились неполные три верхние строки. Высота букв 3,5 см. Слова разделены свободными промежутками.

Шрифт четкий, исполнен рукой опытного мастера. Глубоко врезанные довольно широкие буквы расположены по линейкам. Украшений мало: альфа и лямбда имеют выступающие верхние концы, верхние концы нисилона украшены короткими горизонтальными черточками, такие же итрихи завершают вертикальные линии некоторых других букв.

Квадратная сигма и ромбовидные тэта и омикрон позволяют отнести надпись к разряду памятников, исполненных так называемым угловатым шрифтом. Этот вид лапидарного письма получил широкое распространение во многих приионтийских городах западного и северного побережий⁸. Применялся угловатый шрифт во II—III вв. Однако в более поздних надписях буквы становятся или несколько вычурными или более вытянутыми. Последнее придавало им сухие очертания⁹.

Строгий, даже монументальный, стиль письма и полное отсутствие лигатур побуждают полагать, что публикуемая эпитафия была вырезана во II или в самом начале III в.

Текст читается следующим образом:

Λαιῶθεῖνης Μ[όκ] —
κα Ουμ [— — — — —]
λ[— — — — — — — — —]

Перевод: Лаисфеп, сын Мокки, УМ [— — — памяти ради поставил].

Эпитафия была составлена по весьма распространенному во II—III вв. образцу: сначала имя поставившего плиту, затем имя усопшего и указание на мотивы установки памятника¹⁰.

Лаисфеп, сын Мокки, принадлежал к числу выдающихся граждан Тиря, как свидетельствует декрет тиритов от 181 г. (IOSPE, 1², № 2), где

Лаисфен выступает в качестве одного из четырех архонтов города, избравшихся, как уже отметил В. В. Латышев, ежегодно¹¹. Столь высокую магистратуру занимали представители именитых городских кругов.

Имена и отчества Лаисфена и некоторых его коллег уже давно дали основания для вывода о том, что в изучаемое время среди населения города была значительная примесь местных элементов¹². Действительно, отец Лаисфена носил фракийское имя Μοκκῆ, являющееся сокращенной формой личного наименования Μοκκαπὸρ или Μοκκαπὸρ частого во фракийских землях¹³. Имя Μοκκῆ встречается на многих надписях Фракии¹⁴. Сохранившееся начало имени женщины, похороненной под плитой, также имеет явно не греческий характер. Любое возможное чтение —

Ουμ[αϚ— — — —], Ουμ[λε— — — —], Ουμ[δε— — — —]

или, если допустить растяжение начального омикрона в дифтонг¹⁵,

Ουμ[αϚ— — — —], Ουμ[λε— — — —], Ουμ[δε— — — —]

составляет начало варварского имени.

Правда, возможен еще один вариант: покойница могла носить имя Ουλλία Μ[— — — —], которое на камне начертано сокращенно Ου(λπία) Μ[— — — —]. Ведь нельзя забывать о выделении римских имен в ономастику Тире в то время.

Бесполезно гадать о том, была ли посетительница этого имени матерью или женой Лаисфена, хотя более вероятно, что именно старшие члены семьи, относившиеся к поколению Μοκκῆ, сохраняли традиционные местные имена.

Появление эллинского имени у сына Μοκκῆ показывает, что эллинизация его семейства шла весьма активно. Уже одно переселение указанного фракийского рода в греческий город свидетельствует об его отрыве от основного массива фракийского этноса¹⁶. По-видимому, отец Лаисфена, Μοκκα, занимал в Тире не последнее место, может быть он довольно скоро получил там права гражданства¹⁷.

Достоин внимания то обстоятельство, что Лаисфену был открыт путь к самым высшим должностям в городе, поскольку в 181 г. мы видим его исполняющим обязанности архонта. Следовательно, материальные возможности этой семьи были столь значительны, что Лаисфен получил достаточно полное эллинское образование и мог занимать магистратуры, требовавшие определенных знаний.

Как известно, функции администрации в греческих городах были весьма сложными и многообразными. Граждане Тире в изучаемое время старались вести свои дела с возможно большей тщательностью¹⁸. Задачи городских властей были тем более сложны, что тириты находились тогда под властью Рима¹⁹, и в городе стоял римский гарнизон. Каково бы ни было официальное положение Тире²⁰, присутствие в ней военного отряда доставляло особенно много хлопот магистратам города. Избрание Лаисфена одним из архонтов в такое сложное для Тире время позволяет предположить, что этот отдаленный потомок фракийского рода в полной мере владел основами гражданской практики эллинских городов.

Итак, несмотря на свою фрагментарность, публикуемая стела позволяет сделать некоторые частные выводы о Лаисфене, сыне Μοκκῆ. Совершенно очевидно, что он и в общественной и в частной жизни стремился следовать тем эллинским традициям, которые стойко сохраняли припонтийские города²¹. Возможно, что какая-то часть зажиточного гражданства города упорно держалась греческих обычаев, несмотря на всевозрастающую интенси́вность процесса романизации, о чем свидетельствует широкое употребление римских имен в Тире. Отмеченное А. Н. Зографом усиление внимания римской администрации к Тире в эпоху Северов²² могло пагубно повлиять на некоторый ущерб материальным интересам отдельных групп граждан этого города. Эти элементы, недовольные римлянами, должны были с особым вниманием относиться к остаткам былой автономии своего города.

Изучаемый памятник важен и тем, что он дает дату применения угловатого шрифта в Тире. Возможно, что надпись была исполнена за 10 лет

до 181 г. или спустя десятилетие, однако, несомненно, что временем изготовления эпитафии следует считать последнюю четверть II в.

Остается сказать несколько слов по поводу того, что рельеф был найден не в некрополе Тиры, а в местности, отстоящей от нее в 15—16 км. Расстояние от города не столь велико, а мраморный рельеф в целом виде был вполне доступен перевозке. Поэтому вполне вероятно, что публикуемое надгробие было поставлено на могиле жительницы Тиры.

Алтарь с латинской надписью

Массивный алтарь высечен из крупнозернистого известняка (рис. 2 в статье Э. А. Симоновича). На поверхности его довольно крупные раковины и выщербины. Высота его 0,73 м, высота средней части корпуса 0,40 — 0,405 м, ширина средней части спереди 0,295 м, по бокам 0,28—0,30 м. Высота пикней части 0,16 м, верхней — 0,17 м. Верхняя часть алтаря, сильно оббитая с трех сторон, была украшена поясом рельефных равнобедренных треугольничков, высотой в 5 см и шириною основания в 4—5 см. Скромное украшение верха алтаря, возможно восходящее к мотивам схематизированных акротериев на римских саркофагах и алтарях^{22а}, не находит близких аналогий²³.

Тыльная сторона памятника обработана менее тщательно и лишь приблизительно повторяет очертания лицевой стороны. Видимо, алтарь должен был стоять у стены.

Общие очертания алтаря позволяют отнести его к разряду массовых памятников этого типа, изготовлявшихся во II—III вв. на Балканском полуострове. Особенно близки ему памятники из Нижней Мезии²⁴.

Спереди под аттиком высечена латинская надпись. Буквы высотой в 3,2—3,8 см имеют достаточно широкие очертания. Неаккуратный стиль письма, усугубленный перовой поверхностью плиты, несколько напоминает более качественный шрифт на алтаре из Тиры (IOSPE, 1², № 6), который, по мнению В. В. Матышева, был поставлен между 198 и 209 г.

К особенностям надписи относится схематичное написание S, исполнитель которого не имел представления о том, что эта буква должна состоять из двух равных завитков. В качестве ближайшей аналогии следует привести начертание S в посвящении Меркурию из Бригедионы, которое датируется временем после 200 г.²⁵

Также и буква R напоминает ту же букву, исполненную между 200—235 гг. на алтаре Юпитеру Долихеу²⁶.

Для датировки существенно, что горизонтальная черта буквы T имеет заметный наклон справа налево. Это явление, как отметил Р. Канья²⁷, зафиксировано во II в. Следует также заметить, что поперечные черточки буквы E имеют наклон справа налево — прием, получивший распространение в лапидарном письме с конца I в.²⁸

Достоинна внимания аккуратность, с которой исполнены острые углы в буквах M, N и V. Резчик исходил только из норм лапидарного шрифта, не поддаваясь влиянию курсивного письма.

Примечательно также полное отсутствие лигатур в публикуемом тексте, хотя в латинских надписях провинций их употребляли очень часто²⁹.

Отмеченные особенности позволяют датировать публикуемый текст второй половиной II — началом III в.

1. PROSALIMP	5. ET LIBERI
.NVICTOC	EIVSTEM
SERVIL B	F C
PONTICUS	

Pro sal(ute) imp(eratoris) [I]nvicto C(aelo?) scr(vus) vil(icus) B(alerius?) Ponticus et liberi eius tem(plum) f(aciendum) c(uraverunt).

«За здравие императора Непобедимому Небу (?). Раб — управитель Валерий (?) Поптик и его дети опекали сооружение храма».

Чтение «Валерий» предлагается условно, здесь могло стоять какое-ни-

будь варварское имя — в те времена римская система просопономики утратила былую четкость. Когномен Ponticus весьма часто встречается в латинских и греческих надписях балканских провинций³⁰. Это наименование ясно указывает на места, откуда происходил носитель указанного имени.

Недорогой памятник вполне соответствует социальной принадлежности поставившего его семейства. Возможно, что раб-визит Pontик был одним из служащих императорской администрации, посланных в Тире для наблюдения за поступлениями в фискальное ведомство. Как известно, Тира во II — начале III в. была значительным экономическим центром, привлекавшим большое внимание римлян³¹. Упомянутые выше документы, приведенные в письме легата Нижней Мезии Овиния Тертулла от 201 г., показывают, что вопрос об уплате таможенных пошлин гражданами Тире имел большое значение в финансовой системе Рима. Еще во II в. в Тире была учреждена таможня³², штат которой составляли чиновники, присланные центральными властями. Среди этих латиноязычных людей могли быть и несвободные, императорские рабы. Однако возможно, что Pontик не имел прямого отношения к фиску.

В публикуемой надписи не указано имя императора, за здравие которого поставлен алтарь. Такая общая формула известна в ряде провинциальных посвящений³³. Вероятно, дедикация было необходимо формально выполнить обязательство, не уточняя, кто именно являлся тогда носителем верховной власти.

Вопрос о том, кого подразумевал дедикант под термином «Непобедимый», не может быть решен окончательно. Эпитет *Invictus* прилагался преимущественно к Мифре³⁴. Но известно распространение этого наименования и на другие божества, например на Фракийского всадника³⁵, а также посвящения одному лишь *Invictus*, который не всегда означал Мифру³⁶. Стоящая за словом *invicto* буква *S* может начинать многие эпитеты почтавшегося вместе с Мифрой³⁷ Юпитера. Таковы наименования *Caelius*, *Culminalis*, *Conservator*, *Cohortalis*³⁸. Однако можно видеть здесь и начало слова *Caesaris*, указывающего на принадлежность Pontика к императорским рабам³⁹.

Скромный характер посвящения заставляет думать, что упоминаемый в тексте «храм» был небольшим святилищем; возможно, в нем почитались не только солярные боги.

¹ Припошу глубокую благодарность Э. А. Сымоповичу за разрешение опубликовать обе его эпиграфические находки.

² Многие памятники первых веков нашей эры отличаются значительными контрастами исполнения рамки и фронтона и рельефа. Таковы мраморное надгробие III в. н. э. из Херсонеса — IOSPE, I², № 566 и хранящаяся в музее Будапешта стела с изображением Орфея и Евридики (*Hekler A. Kunst und Kultur Pannoniens in ihren Hauptströmungen. Buličev Zbornik. Zagreb; Split, 1924, S. 114, Abb. 10*).

³ Иногда такие «полуфабрикаты» представляли собой весьма высококачественные памятники. Например, в Паннонии в Аквипуме (в городском саду современной Буды) была найдена великолепная надгробная стела со сложным рельефным орнаментом и с незаполненным местом для эпитафии (*Szilágyi. J. Aquincum. Budapest, 1956, S. 62, Taf. XXXIII*).

⁴ Таковы женские изображения на стелах из бассейна среднего Стримона (*Mihailov G. IG Bulg., IV, N 2288—2291*).

⁵ Назовем рельеф с изображением Девяти муз, хранящийся в музее Бухареста (*Bordenache G. Sculpture grece e romane. Bucarest, 1969, p. 49, 50, № 81, XXXVI*). Там же опубликован рельеф II в. со столь же отдаленной передачей складок одежды (*Bordenache G. Sculpture... p. 52, N 86, Tav. XXXIX*).

⁶ *Florescu F. B. Monumentul de la Adamklissi². Bucuresti, 1961, fig. 229*).

⁷ Таков бюст Никиты из Сердики (*Mihailov G. IG Bulg., IV, N 1957, Tab. 23*). Однако большинство исполнителей могильных памятников все же обладало минимальными профессиональными навыками. Даже в самых грубых рельефах сохранялось правдоподобие изображаемого объекта, укажем рельеф Эгнация от III в. н. э., найденный в Томах (*Rădulescu A. Inscriptiile grecești și latine din Dobrogea. — NMFESM, Constanța, 1964, p. 185, N 5, fig. 5*).

⁸ В Томах резчики неоднократно применяли угловатый шрифт, иногда не очень аккуратный (*Gostar N. Monu-*

- mente epigrafice inedite... NMESM, p. 71—74, N 82; *Rădulescu A. Inscriptii inedite din Dobrogea.*—NMESM, p. 145—147, № 5, p. 153—154, N 8, p. 155—158, № 10). В Ольвии угловатым шрифтом выполнены надписи: IOSPE, I², № 46, 51, 62, 71, 184, 185; в Херсонесе — IOSPE, I², № 457, 479, 491; в Паптикапее — IOSPE, II, № 29, 46, 48; в Китее — КБН, № 942; в Тапансе — IOSPE, II, № 427, 428, 430, 431, 433.
- ⁹ Например, в Томах около 240 г. исполнено таким письмом посвящение фанаса (*Bordenache G. Sculpture greche e romane*, p. 62—63, tav. I, fig. 113).
- ¹⁰ Указанная формула представляет собой отход от большинства традиционных греческих эпитафий, в которых имя покойника ставили в начале. В той же Тире старинный порядок начертания эпитафии сохранялся и в I в. (IOSPE, I², № 9) и позднее, во времена Автопия Пия (IOSPE, I², № 11). Видимо, Лаласфел предпочел новую формулу, стремясь избежать консервативности.
- ¹¹ IOSPE, I², № 2, p. 7.
- ¹² *Зограф А. П. Монеты Тиры.* М., 1957, с. 14.
- ¹³ *Zgusta I. Die Personennamen griechischer Städte der Nordlichen Schwarzmeerküste.* Praha, 1955, S. 283, § 566.
- ¹⁴ *Mihailov G. IGBulg.*, I—IV, Indices.
- ¹⁵ В ольвийской эпиграфике можно назвать такое явление в надписи (IOSPE, I², № 103).
- ¹⁶ Расселение фракийцев далеко за пределы своей страны во II—III вв. известно достаточно хорошо. Движение их в северо-восточном направлении — в Ольвию, Херсонес, и на Боспор — заведуществовано многими памятниками (*Ростовцев М. И. Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре.*— ИАК, вып. 40, с. 1—42). Выводы М. И. Ростовцева получили дополнительное подтверждение в недавно найденных документах (*Соломонов Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса.* Киев, 1964, с. 121—145, № 59—65).
- ¹⁷ Судя по письму императора Септимия Севера (IOSPE, I², № 4), в Тире были давно установлены правила для получения гражданских прав. Так как император прямо упоминает о тех, кто «приняты ими в число граждан...», то можно полагать, что количество новых граждан в 201 г. в Тире было столь обширным, что дарование им льгот по налогам приобретало определенное значение для римского фиска. Вероятно, приток в гражданство Тиры начался задолго до времени Септимия Севера.
- ¹⁸ О высокой культуре городского делопроизводства в Тире можно судить по заключительной части декрета тиристов от 125 г. городского летоисчисления (184 г. н. э.) в честь их согражданина Коккея (IOSPE, I², № 2).
- ¹⁹ *Зограф А. П. Монеты Тиры.* с. 13, 14.
- ²⁰ Вопрос о том, когда Тира была включена в состав провинции Мезия, до сих пор не решен окончательно. Т. Д. Златковская утверждает, что не позже правления Автопия Пия Тира вошла в состав провинции Нижней Мезии (*Златковская Т. Д. Мезия в I—II вв. н. э. М.*, 1951, с. 122). Однако ее истолкование данных надписи IOSPE, I², № 4 от 201 г. представляется слишком категоричным. Более убедительным является мнение А. П. Зографа: вопрос о включении именно в это время города в состав провинции остается открытым (*Зограф А. П. Монеты Тиры*, с. 16). Со своей стороны мы считаем нужным добавить следующие соображения: в письме Септимия Севера к Гераклиту, прокуратору Иллирика, ясно сказано, что город Тира не мог доказать свое право на беспонтийность никакими документами и что римской администрации пришлось считаться с фактом давности пользования тиритами указанного права (IOSPE, I², № 4, строки 9—31). Неразбериха в столь важном вопросе, затрагивавшем интересы римского фиска, безусловно должна была быть устранена при официальном включении Тиры в состав римской провинции. Сохранение даже в 201 г. тиритами своего давнего, но официально не признанного права на беспонтийность является веским доказательством того, что лишь при Септимии Севере римское финансовое управление занялось изучением данного вопроса. Это могло произойти именно потому, что теперь Тира была включена в состав провинции и чиновники римского фиска начали точный учет доходов, которые должны были поступать от Тиры в податной округ Иллирика. О составе этого округа см.: IOSPE, I², № 4, p. 15, 16.
- ²¹ Даже роскошная надпись угловатым шрифтом была данью моде в эллистических кругах. Любопытно отметить, что граждане Тиры, жившие в Одессе, заказывали там эпитафии именно таким письмом (*Mihailov G. IGBulg.*, 12, N 228 bis, 229).
- ²² *Зограф А. П. Монеты Тиры.* с. 16.
- ^{22a} Таковы исполненные невысоким рельефом акротерии на алтарях во Фракии (*Mihailov G. IGBulg.*, IV, N 2068, 2076).
- ²³ Все же сходство с верхом алтаря IDR II, № 36 можно отметить.
- ²⁴ См., например, алтарь в музее Констанцы (инв. № 209), имеющий даже близкие размеры (0,71×0,44×0,34 м) с посвящением божеству Liber Pater (*Gostar N. Monumente epigrafice inedite inedite din lapidariul Muzeului Regional de Arheologie Dobrogea.* St. Cl., V, 1963, p. 299, fig. 8).
- ²⁵ *Češka J., Hošek R. Inscriptiones Pannoniae Superioris in Slovackia Transdanubiana asservatae.* Brno, 1967, p. 47, N 15—CII. III, N 4298.
- ²⁶ *Češka J., Hošek R. Inscriptiones Pannoniae Superioris...*, p. 53, N 19.
- ²⁷ *Cagnat R. Cours d'épigraphie latine* 4. Paris, 1913, p. 22.
- ²⁸ *Ibid.*, p. 14.
- ²⁹ *Федорова Е. В. Латинская эпиграфика.* М., 1969, с. 63.

- ³⁰ СІЛ, III, N 3682. 6229, 12251; *Mihailov G.*, IGBulg., IV, N 2048, 2175.
- ³¹ Известно, что римская администрация уже в середине I в. ввела налоги на важные промыслы в соседних городах Западного Понта, как показывают документы из Истрии (*Pârvan V. Histria*, IV, N 15, 16).
- ³² СІЛ, III, N 781.
- ³³ СІЛ, III, № 941, 1043 — Дакия; СІЛ, III, № 4407 — Паппония; СІЛ, III, № 5973 — Рация.
- ³⁴ *Cumont F. Textes et monuments figurés relatifs aux mystères de Mithra. Bruxelles*, 1896—1899, I—II, passim.
- ³⁵ *Pippidi D. M. Dédicaces au cavalier thrace découvertes à Histria.*— *Acta Antiqua*, 1962, X, p. 219—223.
- ³⁶ М. Фермасерен, публикуя некоторые посвящения *Invictus* оговаривается, что нет полной уверенности в том, что под *Invictus* подразумевается Мифра (*Vermaseren M. J. Corpus inscriptionum et monumentorum Mithriacae. Hague*, 1956—1960, I—II, N 848, 1848, 1904, 2376).
- ³⁷ Например, в мифреуме в Слевени находились рядом посвящения Мифре, Юпитеру и Диале (*Petolescu C. C. Le Mithracum de Slăveni (Dacia Malvensis).*— *Dacia*, N. S., 1976, XX, p. 259—263.
- ³⁸ Так, в Дробете был поставлен алтарь Юпитеру Когортному (IDR, II, № 21в), в Хараксе — алтарь Юпитеру Охранителю — IOSPE, I², № 675.
- ³⁹ Аналогию доставляет текст СІЛ, III, № 8163, где назван Исиоп, *Caesaris nostri servus vilicus*.

М. И. ЗОЛОТАРЕВ

КУБОК С ПОСВЯЩЕНИЕМ ЗЕВСУ ДИМЕРАНСКОМУ ИЗ ОКРУГИ ХЕРСОНЕСА

Во время подводных археологических работ у западного берега Стрелецкой бухты близ Херсонеса в 1974 г. был найден разнообразный керамический материал, часть которого относится к первым векам н. э.¹ Со дна бухты было поднято множество краснолаковых сосудов, из которых наиболее интересным оказался полностью сохранившийся небольшой краснолаковый кубок с граффито (рис. 1)².

Это тонкостенный сосуд высотой 10,5 см, диаметр горла 7,5 см. У кубка невысокий кольцевой поддон диаметром 4 см и высотой 0,4 см. Тулово слегка сужается к венчику; ручки не сохранились; судя по налепам глины в местах их прикрепления к тулову, они были петлевидной формы и слегка уплощены. Снаружи сосуд покрыт жидким неровным красным лаком плохого качества.

Аналогичный сосуд был найден при раскопках могильника Бельбек III в Юго-Западном Крыму, датирующегося концом II — первой половиной III в. н. э.³ Найденные подобные сосуды и в могильнике у совхоза «Севастопольский»⁴; близкий по форме кубок происходит из некрополя Кеп⁵, есть аналогии нашей находке среди материалов Коринфа⁶.

На форму сосуда оказала влияние позднеантичная стеклянная посуда, по образцам которой он был изготовлен. Состав керамического теста и качество лака позволяют отнести кубок к продукции мастерских Пергама, поставлявших в Херсонес краснолаковую посуду с I по III в. н. э.⁷ Датируется кубок концом II — первой половиной III в. н. э.

В верхней части кубка у венчика очень тощими линиями процарапано «Διμεράνο» — посвящение Зевсу Димеранскому. Высота букв надписи 1 см, ширина от 0,4 до 1,1 см.

Эта весьма редкая эпиклеза божества известна в херсонесской лапидарной эпиграфике только на одном памятнике — небольшом мраморном алтаре, найденном вблизи древней дороги, ведущей в Херсонес⁸. Издавшие этот памятник Б. Н. Граков и Ю. Г. Виноградов, отмечая редкость такого эпитета, приводят две аналогии. Одна — надпись с Микеноса, небольшого островка возле Делоса, и другая — из Нижней Мезии. Позднее на основе надписи на херсонесском алтаре Э. И. Соломошки дополнила надпись на алтаре из окрестностей Маркианополя как посвящение богу Димеранскому⁹. Таким образом, теперь существует четыре лапидарных

памятника с фракийским эпитетом Зевса; к ним примыкает и пятый — публикуемое нами граффити.

С середины II в. н.э. Херсонес становится основным опорным пунктом римских войск в Таврике¹⁰. Римский гарнизон в городе состоял из vexillarii I Итальянского, XI Клавдиева и V Македонского легионов, а также вспомогательных когорт, причем основные силы составляли, очевидно, солдаты XI Клавдиева легиона¹¹. Здесь же базировалась и часть Мезийского Флавиева флота, остававшаяся в Херсонесе до начала IV в. до н.э.¹²

После военной реформы Адриана в дунайскую армию стали набираться солдаты из местного, главным образом фракийского, населения¹³. Солдаты-фракийцы появляются в римском гарнизоне Херсонеса, и вместе с ними активно проникают в город фракийские культурные элементы. В позднеантичном Херсонесе фракийские влияния сказались как в материальной, так и в духовной жизни. Увеличиваются монетные поступления из Подунавья и Балкан¹⁴, с солдатами из Нижней Мезии приходят гладиаторские бои¹⁵, появляются фракийские элементы в искусстве Херсонеса¹⁶, фракийцы оказываются в составе его населения¹⁷. Терпят изменения религиозные представления херсонеситов: здесь появляются новые культы, в том числе и фракийские¹⁸. Свидетельство тому многочисленные находки в Херсонесе посвяtitельных фракийских рельефов II—III вв. н.э.¹⁹

Среди фракийских культов, входивших в пантеон позднеантичного Херсонеса, был и привезенный сюда римскими легионерами, выходцами из Фракии, культ Зевса Димеранского, что подтверждается не только привезенным в Херсонес из Нижней Мезии в готовом виде алтарем с посвящением этому божеству²⁰, но и изготовленным несомненно здесь на месте граффити.

Следует отметить, что все памятники, упоминающие о Зевсе с таким эпитетом найдены не в городах, а в их округе. Не исключение здесь и Херсонес. Вполне вероятно, что культ Зевса Димеранского получает во II—III вв. н.э. распространение не в самом Херсонесе, а лишь среди группы солдат, несущих службу за пределами города. Очевидно, эти легионеры были родом из одной местности во Фракии, где это божество было наиболее популярным.

Рис. 1. Краснолаковый кубок с граффити

¹ Золотарев М. И. Подводные археологические работы у западного берега Стрелецкой бухты близ Херсонеса. — В кн.: 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР: Тезисы докладов. Киев, 1975, с. 140, 141.

² Инвентарный номер 78/36893.

³ Гуцина И. И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму. — В кн.: Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974, с. 33.

⁴ Стржелецкий С. Ф. Отчет о раскопках могильника в совхозе «Севастопольский» в 1962 году. — Архив ГХМ, д. 856, л. 70, 71.

⁵ Кунина Н. З., Сорокина Н. П. Стекланные бальзамарии Боспора. — ТГЭ, 1972, XIII, с. 150.

⁶ Hayes J. W. Late Roman Pottery. London, 1972, p. 17; 195.

⁷ Кадеев В. И. Очерки истории экономики Херсонеса в I—IV вв. н.э. Харьков, 1970, с. 132, 146.

- ⁸ Граков Б. Н., Виноградов Ю. Г. Новые надписи из Херсонеса Таврического.— ВДИ, 1970, № 3, с. 129—134.
- ⁹ Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973, с. 92—94.
- ¹⁰ Ростовцев М. И. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове.— ЖМНП, 1900, март, с. 146.
- ¹¹ Борисова В. В. Черепица с клеймами римских легионеров.— СХМ, 1961, II, с. 39—45.
- ¹² Соломоник Э. И. О римском флоте в Херсонесе.— ВДИ, 1966, № 2, с. 165—171.
- ¹³ Шаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957, с. 233.
- ¹⁴ Гилевич А. М. Аптичные погородные монеты из раскопок Херсонеса.— ПИС, 1968, III, с. 39.
- ¹⁵ Щеглов А. И. К вопросу о гладиаторских боях в Херсонесе Таврическом.— EIRENE, 1966, V, с. 103.
- ¹⁶ Аптичная скульптура Херсонеса: Каталог. Киев, 1976, с. 40—49.
- ¹⁷ Гилевич А. М. Могила с двумя подбоями.— СХМ, 1961, II, с. 54—56.
- ¹⁸ Соломоник Э. И. Из истории религиозной жизни в североантийских городах позднеантичного времени.— ВДИ, 1973, № 1, с. 57, 58.
- ¹⁹ Щеглов А. И. Фракийские посвященные рельефы из Херсонеса Таврического.— В кн.: Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969, с. 135 и сл.
- ²⁰ Граков Б. Н., Виноградов Ю. Г. Новые надписи..., с. 132.

С. Ю. САПРЫГИН

ЧЕРЕПИЦЫ С КЛЕЙМАМИ РИМСКОГО ЛЕГИОНА ИЗ УСАДЬБЫ ХОРЫ ХЕРСОНЕСА

В 1976 г. объединенной экспедицией ИА АН СССР, института МГУ им. М. В. Ломоносова и Государственного Херсонесского музея производились раскопки усадьбы земельного надела № 227¹ на Гераклеяском полуострове. Среди керамики найдены три фрагмента черепицы с клеймами. Черепица изготовлена из местной ярко-красной глины с черными и белыми включениями, сильно обожжена.

1-й фрагмент: штемпель клейма прямоугольный, нечеткий, шрифт также нечеткий: LEMNC. Клеймо сохранилось не полностью (рис. 1, 1; 2, 1).

2-й фрагмент: клеймо прямоугольное, четкое, шрифт отчетливый: LEGM. Клеймо сохранилось не полностью (рис. 1, 2; 2, 2).

3-й фрагмент: клеймо прямоугольное, четкое, шрифт нечеткий: LEMNCV. Клеймо сохранилось почти полностью, но правый край отбит (рис. 1, 3; 2, 3).

Все три черепицы сделаны, по всей вероятности, в одной мастерской. Все три клейма содержат одинаковые надписи, но в двух вариантах, причем 1 и 3 фрагменты составляют один вариант, а фрагмент 2 — второй, так как в его легенде присутствует буква G. На основании сохранившегося почти целиком клейма на обломке 3 все три клейма могут быть восстановлены и расшифрованы следующим образом: leg(io) M(acedo)n(i)s(a) V. Из этого следует, что рассматриваемые керамики являются римскими черепицами, выпущенными вексилляцией V Македонского легиона.

Находки римских легионных клейм не редкость в Херсонесе, являемся с конца I в. н. э. опорной базой римских войск и эскадры мезийского флота в Таврике. Типы клейм не слишком разнообразны. Еще в отчетах К. К. Косцюшко-Валюжинича и К. Э. Григевича упоминаются находки черепиц с клеймом XI Клавдиева легиона². Наиболее обстоятельная публикация легионных клейм из Херсонеса была сделана В. В. Борисовой, которая привела пять типов клейм из находок 1958—1959 гг.³ Это клейма того же XI Клавдиева легиона и штемпеля с легендами OPV, NOV, VEMI и VEX⁴. Как видим, ни одно из опубликованных клейм из Херсонеса не имеет ничего общего с клеймами, обнаруженными в усадьбе № 227, которые оказываются впервые засвидетельствованными в Херсонесе. Они

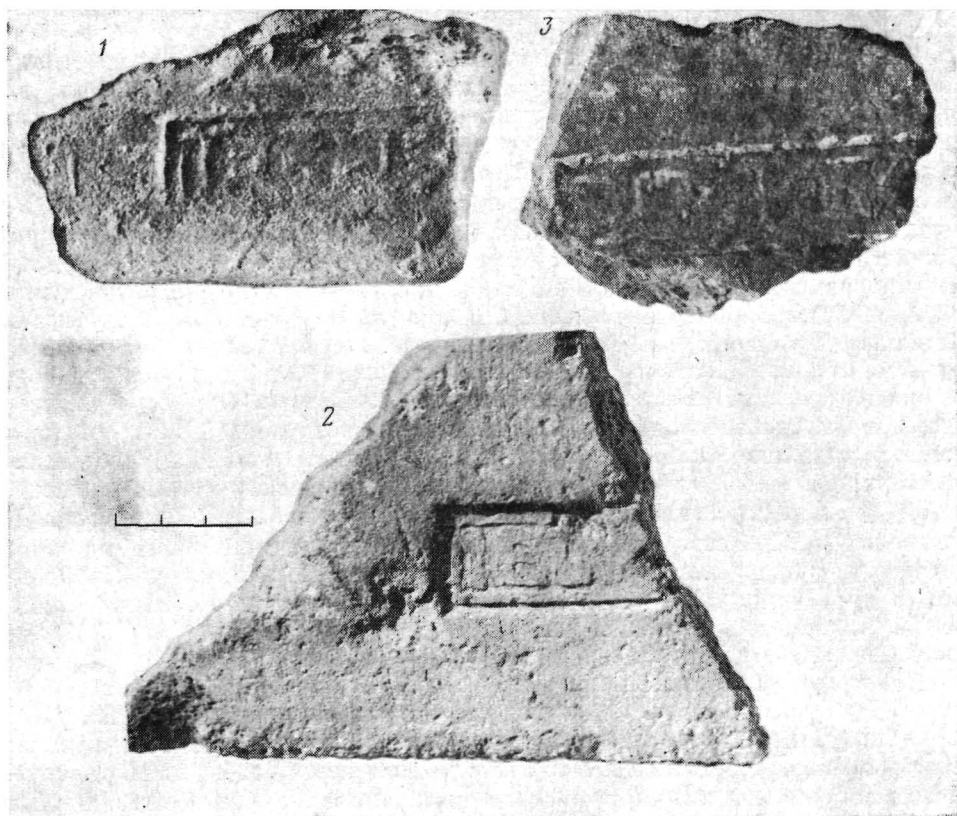

Рис. 1. Клейма V Македонского легиона из раскопок усадьбы № 227 (1—3)

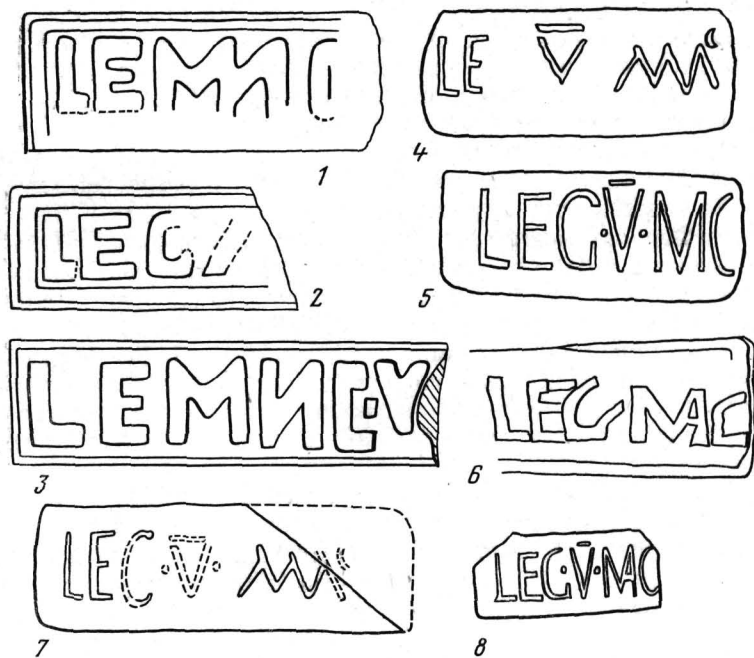

Рис. 2. Клейма V Македонского легиона

1—3 — усадьба № 227 хоры Херсонеса; 4 — Драйна де Сус (SCIV, p. 54, fig. 2,5); 5 — Новиодунум (SCIV, p. 54, fig. 2,6); 6 — Тира (Античная Тира и средневековый Белгород, рис. 13, 1; с. 33); 7 — Арубиум (SCIV, p. 54, fig. 2,4); 8 — Барбожи (SCIV, p. 54, fig. 2,2)

говорят о пребывании на херсонесской территории отрядов V Македонского легиона.

На юге нашей страны черепичные клейма V Македонского легиона обнаружены пока только в Тире⁵ и в римском укреплении близ с. Орловка (предположительно Алиобрикс)⁶, причем этим клеймам там сопутствуют клейма I Итальянского легиона. Опубликованные клейма из этих мест представляют собой прямой аналогией нашим, так как содержат легенду LEGVMAC, т. е. leg(io) V Mac(edonica). Большая часть клейм со штемпелем V Македонского легиона найдена на территории Румынии в районе Нижнего Дуная, где проходил созданный при императоре Домициане нижнедунайский лимес. Клейма и надписи солдат V Македонского легиона обнаружены в Барбожах (рис. 2, 8), Повиодунуме (рис. 2, 5), Аррубиуме, Капидаве, Троезмисе, Дипоетии, Драйне де Сус и Мунтене. По мнению румынских исследователей, территория на левом берегу Дуная с укреплениями Троезмис, Барбожи, Дипоетия, Алиобрикс, Аррубиум, Повиодунум и Капидава находилась во II в. н. э. под контролем V Македонского легиона, стоявшего лагерем в Троезмисе⁷. Система римских укреплений этого района была под надзором легата провинции Нижняя Мезия, которому, как известно, подчинялись и римские гарнизоны в Тире, Ольвиш, Херсонесе и Хараксе⁸. Клейма на черепице со штемпелем V Македонского легиона из укреплений на Нижнем Дунае во многом аналогичны найденным в Тире (рис. 2, 6), что подтверждает предположение о тесной связи римского гарнизона в этом городе с пребыванием отряда легиона в Троезмисе.

Некоторую аналогию нашим клеймам могут дать находки в Аррубиуме и Драйне де Сус, поскольку здесь клейма имеют легенду: LЕVМNС, т. е. le(gio) V M(acedo)n(i)s(a) (рис. 2, 4, 7)⁹. На публикуемых клеймах с хоры Херсонеса номер легиона помещен, правда, в конце легенды, но сокращение названия легиона точно такое же, что убеждает нас в правильности предложенного восстановления.

В Болгарии, в районе Плиски, также найдены клейма V Македонского легиона. Некоторые имеют легенду: LЕGVMСV, т. е. le(gio) V M(acedonica) V и LVMVAR, т. е. l(egio) V M(acedonica) Var(ia), где наряду с наименованием легиона содержится указание на пункт пребывания отряда этого легиона или на место изготовления черепицы¹⁰. Штемпеля клейм V Македонского легиона очень разнообразны. Это объясняется частой переброской отрядов с одного места на другое, временным характером выпуска кирпичей и черепицы. Поэтому не удивительно, что на клеймах с херсонесской усадьбы номер легиона стоит после его названия, а не вначале, как на большинстве других клейм.

К какому периоду можно отнести присутствие солдат V Македонского легиона в Херсонесе? О пребывании там отряда этого легиона свидетельствует надпись о поставке статуи брату некоего Л. Юлия Валента, солдата (miles) V Македонского легиона (IOSPE 1², 549). На основании надписей и находок клейм на черепице и кирпичах М. И. Ростовцев высказал в свое время предположение, что римский гарнизон Херсонеса — vexillaria Chersonesitana — был смешанным, но первоначально состоящим из солдат I Итальянского, а затем XI Клавдиева и V Македонского легионов и вспомогательных когорт¹¹. Мнение это надолго укрепилось в науке, поэтому В. Н. Дьяков, а вслед за ним К. Э. Гриневич, Г. Д. Белов и Э. И. Соломоник указывали, что в первой половине II в. н. э. в Херсонесе, по-видимому, стоял отряд лишь одного I Итальянского легиона, появившегося в Мезии в 69 г. н. э.¹² В. И. Кадеев вообще высказывал сомнение относительно возможности пребывания войск V Македонского легиона в Херсонесе¹³. В настоящее время в связи с находкой клейм мнения эти могут быть пересмотрены.

V Македонский легион до 64 г. н. э. находился в Мезии, откуда затем был отправлен на Восток для участия в походах Корбулона. В период гражданской войны 68/69 гг. н. э. этот легион оставался на Востоке, деятельно участвуя в Иудейской войне. Когда при Флавиях участились набеги

варваров на балкапо-дунайские провинции, легионы V Македонский, I Италийский и IV Флавиев были переведены в Мезию, где уже при Траяне территория с центром в крепости Троезмис находилась под контролем вексиляции V Македонского легиона¹⁴. Из памятников лапидарной эпиграфики известно, что во времена Траяна (98 — 117 гг. н. э.) гарнизон города Тире состоял из солдат V Македонского легиона¹⁵. И находки черепичных клейм этого легиона в Тире говорят о том, что в начале II в. н. э. отрядами римских войск там командовал центурион V Македонского легиона, а сам отряд состоял исключительно из солдат этого легиона¹⁶. В 168 г. н. э. при Марке Аврелии V Македонский легион был переведен в Дакию, и отрядом римских войск в Тире стал командовать центурион I Италийского легиона¹⁷, занявшего место V Македонского легиона также в лагере Троезмис и других прилегающих к нему римских кастелях¹⁸. В Хараксе, втором после Херсонеса центре римской оккупации Таврики, раскопками обнаружены клейма Равеннской эскадры, I Италийского легиона и XI Клавдиева легиона¹⁹. Это позволило сделать вывод, что после экспедиции Плавтия Сильвана в 57 г. н. э. в Крым район Ай-Тодора был занят десантом Равеннской эскадры, остававшейся там, очевидно, до времени императора Домициана, когда десант покинул Харакс. Затем уже во II в. н. э. в Харакс пришли солдаты I Италийского легиона, пребывавшие там до конца столетия, после чего его гарнизон составили солдаты XI Клавдиева легиона, первоначально, в конце II в. н. э., объединенные с вексиляцией I Италийского легиона²⁰. По всей вероятности, в Херсонесе и Хараксе солдаты I Италийского легиона появились незадолго до того, как V Македонский легион покинул место своего пребывания в Троезмисе, Тире и других пунктах, и продолжали там находиться непосредственно после его отбытия. Между тем в Хараксе не найдено клейм V Македонского легиона, следовательно, войска легиона не стояли в этом кастеле. В Херсонесе же, римский гарнизон которого был тесно взаимосвязан с гарнизоном на мысе Ай-Тодор, пребывание солдат V Македонского легиона засвидетельствовано надписями, следовательно, можно заключить, что отряд V Македонского легиона находился в Херсонесе ранее пребывания в Хараксе солдат легионов I Италийского и XI Клавдиева. Вероятно, это было в то время, когда при Домициане, Нерве и Траяне кастель Харакс занимал отряд Равеннской эскадры, как предполагал В. Н. Дьяков, или когда там римских войск не было вовсе, как думал М. И. Ростовцев²¹. Известно, что политика Рима в отношении Тире со времени экспедиции Плавтия Сильвана находилась в тесной связи с его политикой в отношении Ольвии и Херсонеса²². Поэтому есть основания полагать, что пребывание войск V Македонского легиона в Херсонесе совпадало с пребыванием вексиляций этого легиона в Троезмисе и Тире. Очевидно, это было уже в последние годы правления Траяна и в правления Адриана и Антонина Пия, после чего уже при Марке Аврелии гарнизоны в эллипских северопонтийских городах стали смешанными, как это известно из опубликованной М. И. Ростовцевым надписи из Ольвии²³. ...X vexil (latio) | leg (ionum) XI Cl (audiae) I Ital (icae) V Mac (edonicae) | [e] t c (ohortis) VI m (iliariae) A (sturum) ? | [sub... Ita] lico (centurione) leg (ionis) XI Cl (audiae) (IOSPE 1², 322) (около 168 г. н. э.). Об этом же говорит и надпись (CIL, VIII, 619): Ti(berius) Plantius Ti(berii) f(ilius) Papius Felix Ferruntianus... praeposilus vexillationibus Ponticis apud Scythia (m) et Tauricam (около 180 г. н. э.): Тиберий Плавтий, сын Тиберия, из Папириевой трибы... препозит вексиляций понтийских в Скифии и Таврике. Из надписи видно, что во второй половине II в. н. э. произошло объединение прежде разрозненных вексиляций римских войск в Таврике и Скифии и подчинение их одному лицу²⁴. Тогда, надо думать, и объединились под единым командованием отряды V Македонского, I Италийского и XI Клавдиева легионов в Ольвии²⁵, пока отряд V Македонского легиона вообще не покинул северопонтийское побережье. Аналогичная картина могла наблюдаться и в Херсонесе, где отряд V Македонского легиона находился, вероятно, со времени Траяна до Марка Аврелия (168 г. н. э.), когда легион перевели в Дакию.

Таким образом, мы полагаем, что клейма V Македонского легиона с

хоры Херсонеса и надпись о посвящении статуи могут указывать на пребывание в Таврике вексилярдии этого легиона, очевидно, в конце I или в первой половине II в. н. э., уже при Траяне и Адриане. Этому не противоречит и распространение в опомастике Херсонеса на рубеже I—II вв. н. э. римского имени Ульпия (IOSPE 1², № 363, 389, 390, 701), родового имени правящей в Риме династии, выдвинувшей Траяна, дававшегося херсонеситам вместе с правом римского гражданства. Впоследствии отряд V Македонского легиона вошел в состав сменного гарнизона Херсонеса. В херсонесскую усадьбу клейма могли попасть из Херсонеса при ее перестройке, данных о том, что усадьба № 227 в какой-то период была частью римских укреплений в Таврике, пока нет.

- ¹ Эта усадьба известна еще как южная усадьба влара 150 (АО 1976 г. М., 1977, с. 368).
- ² *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках Херсонеса.— ИАК, 1905, 16, с. 54; *Гриневич К. Э.* Раскопки в Херсонесе в 1927 и 1928 гг.— Крым, 1929, № 1 (9), с. 23.
- ³ *Борисова В. В.* Черепица с клеймами римских легионов.— СХМ, 1961, II, с. 39—45.
- ⁴ Там же, с. 40—45.
- ⁵ *Nicorescu P.* Scavi e scoperte a Tyras. Ephemeris Dacoromana, 1924, II, p. 412—414; *Idem.* Fouilles de Tyras. Dacia, III—IV, 1933, p. 569, 570; *Максимов Е. В.* Новый памятник первых веков н. э. в Тире.— КСИА, 1955, вып. 5, с. 84, 82, рис. 2; *Крыжицкий С. Д., Клейман И. Б.* Раскопки Тиры в 1963, 1965—1976 гг.— В кн.: Античная Тира и средневековый Белгород. Киев, 1979, с. 33, 34, рис. 13.
- ⁶ *Головки И. Д., Бондарь Р. Д., Загинайло А. Г.* Археологические исследования у с. Орловка Белградского р-на Одесской обл.— КСОГАМ за 1963 г. Одесса, 1965, с. 79, рис. 3, 9.
- ⁷ Это известно из надписи 162 г. н. э.: territor [ii leg. V Mac. temp]um a sollo fecerunt vet. et. C. R. con]sistenti [bus ad canabas legionis V. Mac.], ...territor[ia Troesmensis, ?temp]um a sollo fecerunt vet. et C. R. con]sistenti [bus Troesmi ad legionem V Mac.]; см. J. Weiss. Bauinschrift aus Troesmis.— JOAI, XVI; 1913, Vbl. col. 209, 210; Это мнение В. Пырвана и Э. Доруджи-Бойла (*Doruşiu-Boilă E.* Teritoriul militar al legiunii V Macedonica la Dunarea de Jos.— SCIV, 1972, X 1, 50—51).
- ⁸ *Ростовцев М. И.* Римские гарнизоны на Таврическом полуострове в Ай-Тодорская крепость.— ЖМНП, 1900, март, с. 7 и сл.; *Златковская Т. Д.* Мёзия в I—II веках. н. э. М., 1951, с. 123.
- ⁹ *Stefan G.* Le camp romain de Drajna de Sus.— Dacia, 1947, XI—XII, p. 123, fig. 5; *Doruşiu-Boilă E.* Teritoriul militar... p. 58, fig. 2, 4—5.
- ¹⁰ *Морфова Э.* Римские тухли и керемиды с печати от Северна България.— Археология, 1963, № 1, с. 29, № 12, рис. 5, с. 31, № 25.
- ¹¹ *Ростовцев М. И.* Римские гарнизоны... с. 144; *Rostovtzeff M. I.* Romische Besatzungen in der Krim und das Kastell Charax. Klio, 1902, II, s. 83. Здесь допускается возможность существовавший гарнизона только из солдат I Италийского легиона. Но в другой статье того же автора (*Ростовцев М. И.* Военная оккупация Ольвии римлянами.— ИАК, 1915, 58, с. 7) говорится, что гарнизон Херсонеса был смешанным.
- ¹² *Дьяков В. И.* Оккупация Таврики Римом в I в. н. э.— ВДИ, 1941, № 1, с. 93; *Гриневич К. Э.* Херсонес и Рим.— ВДИ, 1947, № 2, с. 232; *Белов Г. Д.* Херсонес Таврический. Л., 1948, с. 109; ПЭПХ, I, с. 123; НЭПХ, II, с. 240, 241. № 193.
- ¹³ *Кадеев В. И.* Херсонес Таврический в I в. до н. э.— III в. н. э.: Автореф. докт. дис. М., 1975, с. 20.
- ¹⁴ *Filow B.* Die Legionen der Provinz Moesia von Augustus bis auf Diokletian. Klio, 1906, VI Bfl., S. 6, 35, 64. *Кудряцев О. В.* Исследования по истории балкано-дунайских областей в период Римской империи. М., 1957, с. 181, 183; *Doruşiu-Boilă E.* Teritoriul militar..., p. 50.
- ¹⁵ *Nicorescu P.* O inscriptie imperatului Traian gasita la Cetatea Alba. Academia Romana. Memoriile sectiunii istorice. Ser. 3, 1944, t. 26, p. 501—540.
- ¹⁶ *Крыжицкий С. Д., Клейман И. Б.* Раскопки Тиры... с. 44.
- ¹⁷ *Клейман И. Б.* К вопросу о пребывании в Тире I Киликийской когорты.— КСОГАМ за 1963 г. Одесса, 1965, с. 182; *Он же.* Раскопки помещения вексилярдии I Италийского легиона в Тире.— МАСП, 1971, 7, с. 235.
- ¹⁸ *Doruşiu-Boilă E.* Teritoriul militar..., p. 53, 57, 58.
- ¹⁹ *Ростовцев М. И.* Римские гарнизоны... с. 142—144; *Блаватский В. Д.* Раскопки Харакса в 1931, 1932 и 1935 гг.— ВДИ, 1938, № 2 (3), с. 323; *Он же.* Харакс.— МИА, 1951, № 19, с. 254.
- ²⁰ *Ростовцев М. И.* Римские гарнизоны... с. 144; *Блаватский В. Д.* Раскопки Харакса... с. 323; *Он же.* Харакс, с. 259.
- ²¹ О связях гарнизона Харакса с Херсонесом (*Ростовцев М. И.* Святилище фракийских богов и надпись бенефициариев в Ай-Тодоре.— ИАК, 1914, 40, с. 9, 36; *Он же.* Римские гарнизоны... с. 151; *Дьяков В. И.* Таврика в эпоху римской оккупации.— УЗМГПИ, 1942, XXVIII, 1, с. 64).
- ²² *Златковская Т. Д.* Мёзия в I—II вв. н. э., с. 122.
- ²³ *Ростовцев М. И.* Военная оккупация Ольвии римлянами, с. 10.
- ²⁴ *Беляев С. А.* К доиманию СП, VIII, 619.— ВДИ, 1968, № 4, с. 133.
- ²⁵ *Ростовцев М. И.* Военная оккупация Ольвии римлянами, с. 11, 12.

ИЗОБРАЖЕНИЕ НИКИ НА АНТИЧНЫХ ПЕЧАТЯХ ИЗ ХЕРСОНЕСА

Интересную группу печатей из раскопок Херсонеса и его окрестностей представляют перстни с изображением Ники. В эту группу входят восемь предметов: два бронзовых перстня, три перстня с резными камнями и литиками и три резных камня без оправы. Если взять за основу иконографию Ники, то все паши печати можно разбить на три группы.

К первой, наиболее ранней группе (III — начало II в. до н. э.¹), относятся два одинаковых по форме бронзовых перстня с овальными щитками, на которых изображена одна фигура Ники в $\frac{3}{4}$ влево с полураскрытыми крыльями за спиной, с длинной пальмовой ветвью в одной руке, протянутой вперед, с опущенной второй рукой, в которой, очевидно, был венок.

1. *Один перстень*, найденный К. К. Косцюшко-Валюжиничем², хорошей сохранности. Его размеры: шинка 21×20, щиток 18×24 мм (рис. 1, 1). Металл несколько коррозирован, поэтому изображение не отличается четкостью.

2. *У второго перстня*³ (рис. 1, 2) шинка почти не сохранилась, овальный щиток расколот на две части.

Почти *подобный по форме* и иконографическому типу бронзовый перстень с врезным изображением Ники был найден на Боспоре⁴. Перстень отличной сохранности, изображение отчетливое, прекрасно виден венок в опущенной левой руке богини. На основе формы он безошибочно может быть отнесен ко второй половине III — началу II в. до н. э.⁵

Ко второй группе относятся печати римского времени с изображением Ники в профиль влево с пальмовой ветвью, лежащей на плече, и с венком в протянутой вперед левой руке (рис. 1, 3—6).

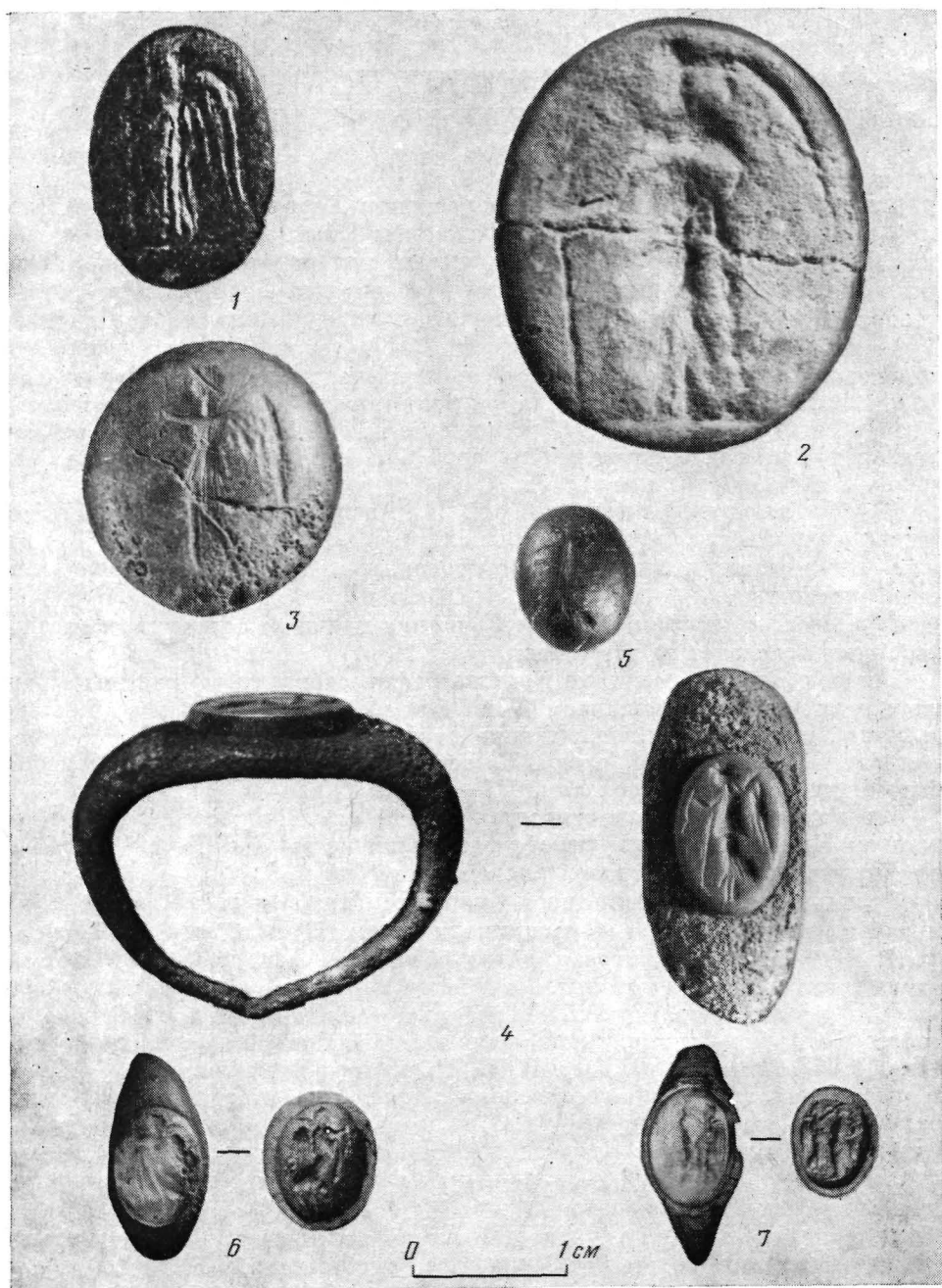
Среди четырех печатей второй группы гематитовая ишталья (рис. 1, 5), ишталья из яшмы (рис. 1, 4) и шпипели (рис. 1, 5) и литик (рис. 1, 6).

1. Необычная гематитовая ишталья круглой чашечковидной формы, на выпуклой стороне которой неглубокое изображение Ники в профиль влево с венком в протянутой вперед руке и венком (или стефаной) на голове, на плече — длинная пальмовая ветвь, за спиной раскрыты крылья (рис. 1, 3). Ишталья найдена К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1897 г. в погребении № 1008 херсонесского некрополя в Караитишной балке⁶, датируемом римским временем. В этом погребении был найден также глиняный сосуд, сейчас утраченный, о котором автор раскопок сказал, что он (сосуд) «наподобие современной пепельницы с двумя широкими ручками и линейным тиснением»⁷.

В нашей коллекции гематитовая гемма является как бы переходной от первой группы ко второй. Ника здесь изображена в $\frac{3}{4}$ влево, как на перстнях предыдущей группы, но пальмовая ветвь лежит на плече, а не в протянутой вперед руке. В руке скорее всего находится венок, но, к сожалению, часть иштальи имеет печатое изображение.

2. Иконографический тип Ники на печатях второй группы гораздо лучше выражен в перстне из низкопробного серебра с красной яшмовой вставкой, найденном в этом же некрополе (рис. 1, 4)⁸. Шинка перстня сильно расширяется к щитку, плечики подчеркнуты. По форме перстень можно отнести ко II в. н. э.⁹ На его овально-плоской вставке изображена Ника в профиль влево с пальмовой ветвью, лежащей на плече, и с венком в протянутой вперед левой руке (рис. 1, 4). Схожая гемма II в. происходит из некрополя римского времени в Каллатисе¹⁰.

3. Очень интересна сильно выпуклая овальная ишталья из шпипели из раскопок Косцюшко-Валюжинича¹¹. Неглубокая, весьма условная и стилизованная резьба изображает, вероятно, Нику в профиль влево, за

Рис. 1. Изображения Ники

1, 2 — на бронзовых перстнях; 3 — на гематитовой вставке; 4 — серебряный перстень с ишмой; 5 — инталья из шпинели; 6, 7 — бронзовые перстни с литиками

спиной слабо намечено полураскрытое крыло, атрибуты не проработаны (рис. 1, 5).

4. Литик из стекла светло-серого цвета в форме выпуклого овала вставлен в бронзовый перстень. На выпуклой стороне литика врезное изображение Ники в профиль¹² (рис. 1, б), подобное изображению на яшме (рис. 1, 4). Перстень найден в могильнике, находящемся на территории совхоза Севастопольский, в подбойной могиле с довольно богатым

инвентарем. Форма перстня, а также краснолаковая керамика из погребения позволяют датировать его I—началом II в. н. э.

К третьей группе относятся печати, где Ника изображена вместе с разными богами. Известны ее изображения с Зевсом-Юпитером, Сераписом, Афиной-Минервой, Аресом-Марсом, Тихе-Фортуной. Особенно часто изображается «Ника венчающая», поза ее в этом случае всегда одинакова: поднятые вверх и вперед руки, держащие венук, полуоткрытые крылья за спиной. Таковы изображения «Ники венчающей» на геммах из Британского музея¹³, из пемецких собраний¹⁴, из Метрополитен музея¹⁵ (особенно интересна в американском собрании японская инталия, где венчающая Фортуна Ника очень напоминает изображение на литике из изучаемой нами коллекции).

1. Овально-плоский прозрачный литик серовато-зеленоватого цвета, вставленный в малепький бронзовый перстень, был найден в подбойной могиле в некрополе на территории совхоза Севастопольский¹⁶. Форма перстня, а также найденные в погребении краснолаковые сосуды и фибула позволяют отнести его к I—началу II в. н. э. На вставке углубленное изображение Ники, которая венчает Тихе-Фортуну. Ника стоит справа, руки ее с венком, подняты к голове Тихе-Фортуны, держащей рог изобилия.

2. В склеве II—III вв. н. э. херсонесского некрополя в Карантишной балке была найдена крупная двояковыпуклая сердоликовая инталия¹⁷. На более плоской стороне ее изображение Зевса, сидящего на дифросе и держащего в одной руке скипетр, в другой патеру. Перед ним слева стоит Ника с венком в поднятой левой руке. Как и на всех геммах, богиня в длинной, подпоясанной одежде, задрапированной вертикальными складками. На нижней части геммы орел с распростертыми крыльями, голова повернута в профиль вправо.

3. Т. В. Кибальнич опубликовал найденную в Херсонесе сердоликовую гемму с изображением Ники, осыпающей статую Фортуны (или Деметры) крупными хлебными зернами¹⁸.

Культ Ники настолько тесно связан с культами Зевса и Афины, что Ника зачастую является атрибутом последних, но существовал и самостоятельный культ Ники. Известен храм Ники Аптерос на Акрополе в Афинах, построенный во второй половине V в. до н. э.¹⁹ В Риме каждый одержавший крупную победу полководец ставил статую богини на Капитолийском холме.

При изучении религии античного Херсонеса культу Ники не было уделено специального внимания. О раннем появлении его в Херсонесе говорят граффити на сосудах, посвященные Нике или упоминающие теофорные имена, связанные с ней. Впервые эти граффити упомянул Ю. А. Бабиров²⁰, в настоящее время опубликован расширенный список граффити на чернотерракотовых сосудах с именем Ники V—II вв. до н. э., причем большая часть их приходится на IV—III вв. до н. э.²¹

Известны небольшие керамические жертвенники, на одной стороне которых изображена Ника, венчающая трофей. Поза ее аналогична изображениям «Ники венчающей» на геммах. Она стоит в профиль вправо, руки с венком подняты вперед и вверх. Такие жертвенники III в. до н. э. были найдены в Херсонесе²². В 1978 г. жертвенник хорошей сохранности найден Г. М. Николаенко на усадьбе 41 Гераклеяского полуострова, известны они и в Ольвии²³.

Изображения Ники встречены в Херсонесе на краснофигурном сосуде VI в. до н. э.²⁴ и на обломке мегарской чаши III в. до н. э. из раскопок Косцюшко-Валюжинича²⁵. В 1899 г. он раскопал подстенный склеп № 1012 IV—начала III в. до н. э., где были найдены уникальные золотые серьги с квадратной, управляемой Никой с раскрытыми крыльями за спиной²⁶.

Культ Ники проникает в Херсонес довольно рано, может быть, он появился здесь вместе с греками-переселенцами. К покровительству Ники охотно прибегали самые разные слои населения античных городов, вероят-

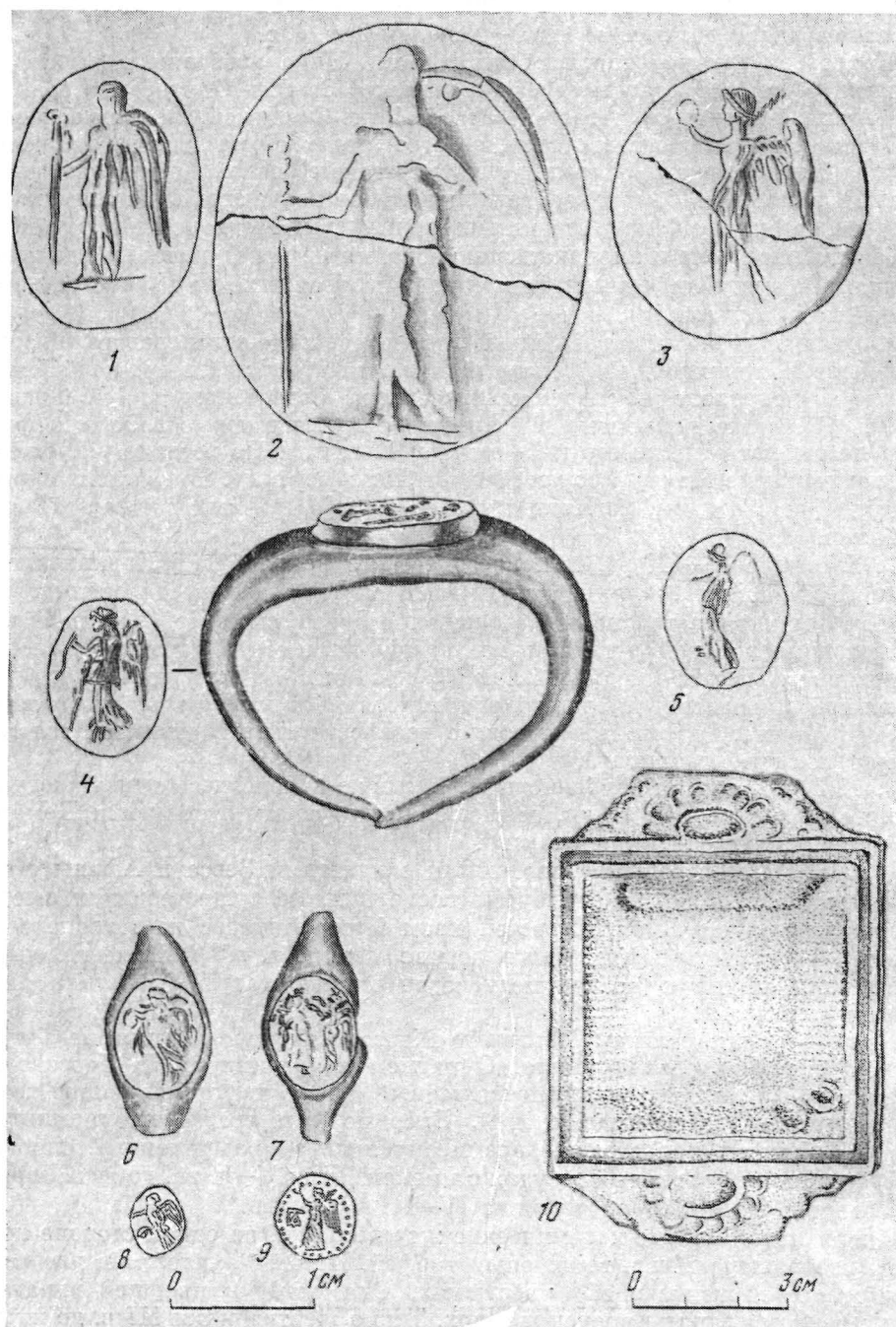

Рис. 2. Прорисы изображений Ники (1—7); изображения Ники на монетах (8, 9).

но, поэтому ее изображения встречаются очень часто на предметах личного пользования, в том числе и на печатях.

С начала II в. до н. э. в Херсонесе культ Ники становится официальным государственным культом, ее изображение чеканится на мелких монетах выпуска 180—170 гг. до н. э. (рис. 2, 8). В. А. Анохин связывает изображение Ники на монетах этого времени с военными успехами херсонеситов в результате договора 179 г. до н. э. с царем Понта Фарнаком I²⁷. Монеты плохой сохранности, но можно разобрать, что Ника

изображена в профиль влево с полураскрытыми крыльями за спиной, в протянутой вперед руке — венок. В прорисовках этой монеты, данных П. Бурачковым, имеется и пальмовая ветвь на плече богини²⁸ (рис. 2, 9).

Чеканка монет с Никой была возобновлена в I в. н. э., это ассарии 51—54 гг., еще раз мы видим Пику на ассариях 180—192 гг.²⁹

Интересно отметить, что иконографический тип Ники на монетах близок Нике лашей первой группы (на эллинистических бронзовых перстнях).

Имя Ники отражено и в просопографии Херсонеса: в надписи на известняковой плите III в. до н. э. сохранилось имя Никагор, а на обломке документа на мраморной стеле 129—130 гг., от которого сохранился только список лиц, «приложивших печати», упомянут Ник, сын Гераклида³⁰.

Култ Ники не потерял значения и в первые века н. э., напротив, римская Виктория играла гораздо большую роль в жизни людей, чем греческая Ника. Она теперь не только богиня победы в войне или цирке, но и богиня всяческого успеха³¹, об этом свидетельствует распространение ее изображений на личных печатях.

- ¹ *Неверов О. Я.* Группа эллинистических бронзовых перстней в собрании Эрмитажа.— ВДИ, 1974, № 1, с. 107, рис. 17, в, 20, б, 5, б, 26, б; *Marshall F. H.* Catalogue of the finger rings, Greek, Etruscan and Roman. London, 1907, pl. III, N 83, pl. XXIII, 112.
- ² Более точный паспорт вещи выяснять не удалось (ГЭ, инв. № 6426).
- ³ Без инв. №.
- ⁴ Хранится в ГЭ, инв. № 624 Е, 1873.
- ⁵ *Неверов О. Я.* Группа эллинистических бронзовых перстней..., с. 107, № 17в.
- ⁶ ГЭ, инв. № 6184.
- ⁷ Архив ГХМ, д. 6, л. 22, 24—25.
- ⁸ ГЭ, инв. № 22895.
- ⁹ *Неверов О. Я.* Изображения на геммах-печатах, металлических перстнях и амулетах: Приложение.— В кн.: Кобылипа М. М. Изображение восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э. М., 1978, с. 173, № 27.
- ¹⁰ *Barladeanu-Zavatin E.* In legatura cu o necropola din epoca romana la Callatis. Pontica, 1977, X, p. 147, fig. 8, 3.
- ¹¹ ГЭ, инв. № 6224.
- ¹² ГЭ, инв. № 96/36572.
- ¹³ *Marshall F. H.* Catalogue of the finger rings..., N 57; *Hoster G.* Statuen auf Gemmen. Bonn, 1970, taf. III, 3, 4.
- ¹⁴ *Zwierlein-Diehl E.* Antiken Gemmen in Deutschen sammlungen. München, 1969, S. 185, Taf. 89, 514, S. 187, taf. 90, 520.
- ¹⁵ *Bichter G.* Catalogue of engraved gems, greek, etruscan and roman Metropolitan museum of art. Roma, 1956, p. 82, 83, pl. LVI, 353, 354, 360.
- ¹⁶ ГЭ, инв. № 573/36572.
- ¹⁷ *Косцюшко-Валужичич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе.— ИАК. СПб., 1909, вып. 33, с. 58, рис. 8; ГЭ, инв. № 1906.23.
- ¹⁸ *Кибальчиц Т. В.* Южнорусские геммы. Берлин, 1910, с. 57, табл. XII, № 374 (этот же перстень дан на табл. XIV, № 414); гемма не сохранилась.
- ¹⁹ Всеобщая история архитектуры. Т. 2. Архитектура античного мира (Греция и Рим). М., 1973, с. 174.
- ²⁰ *Бабинов Ю. А.* Религиозные культы и обряды античного Херсонеса, 1967: Канд. дис.— Архив ГХМ, д. 1248, л. 223, 224.
- ²¹ Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978, с. 97—99, № 1271—1297.
- ²² *Белов Г. Д.* Терракоты из Херсонеса.— САИ. 1970, с. 71, 74, табл. 13, рис. 4, 4а.
- ²³ *Левин Е. И.* Терракоты из Ольвии.— САИ, 1970, Г1—11, с. 36, 46, табл. 21, 1—4.
- ²⁴ *Зедгендзе А. А.* Аттическая красно-фигурная керамика из Херсонеса.— КСИЯ, 1978, вып. 156, с. 74.
- ²⁵ Без инв. №.
- ²⁶ *Гриневич К. Э.* Степы Херсонеса Таврического. Херсонес, 1926, с. 28—35.
- ²⁷ *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977, с. 34, табл. XI, 161—163.
- ²⁸ *Бурачков П.* Общий каталог монет. Одесса, 1884, табл. XVI, 89, 90, 94, 95.
- ²⁹ *Анохин В. А.* Монетное дело..., с. 149, 150, табл. XIV, 219—225; с. 154, табл. XIX, № 283.
- ³⁰ НЭПХ, Киев, 1964, с. 152, № 74; Она же. ПЭПХ, Киев, 1973, с. 19, № 111.
- ³¹ *Hölscher T.* Victoria Romana. Mainz am Rhein, 1967, s. 178.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ ФЕОДОСИИ 1975—1977 ГГ.

Античная Феодосия была основана во второй половине VI в. до н. э.¹, согласно периплу Арриана, переселенцами из малоазийского города Милета², по мнению некоторых исследователей, на территории местного поселения³. По сообщению анонимного перипла, этот город в V в. н. э. стал называться (на аланском наречии) Ардаба — «семибожий»⁴. Установлению местоположения древней Феодосии помогают перипл Псевдо-Арриана (63—78), где указаны боспорские города и расстояния между ними, перипл Псевдо-Скилака (68), перечисляющий эллипские города в скифской земле, а также археологические раскопки⁵. Поселение находилось на холме, расположенном на берегу незамерзающего залива, который с юга и запада был защищен от ветров отрогами крымских гор.

Гавань Феодосии, по свидетельству афинских моряков IV в. до н. э., не уступала паптиканейской⁶, удачное ее местоположение на морских торговых путях, а также близость богатых хлебом земледельческих районов⁷ способствовали быстрому росту и процветанию города. Собственная чеканка феодосийских монет осуществляется уже в конце V в. до н. э.⁸ Феодосия становится серьезным конкурентом Боспора в хлебной торговле с городами Средиземноморья⁹. В Феодосии, по сообщению анонимного перипла¹⁰, а также Исократ (XVII, 5), проживали какие-то изгнанники из Боспора, в которых видят иногда бежавших сторонников Археанактидов¹¹. Некоторые исследователи¹² считают, что это послужило поводом для начала войны между Боспором и Феодосией, причину которой видят в конкурентной торговле хлебом. Другие исследователи¹³ считают, что истоки войны заключаются в политическом конфликте между тирайским Боспором и полисной Феодосией. О войне Боспора против Феодосии, на стороне которой выступает Гераклея Понтийская, сообщается без упоминания города в «Экономике» Псевдо-Аристотеля (II, 2,8), где говорится о посылке 40 гераклейских кораблей против боспорских тиралов.

Боспорский правитель Сатир I (433/32—489/88 гг. до н. э.), согласно некоторым сообщениям, умер под осажденной Феодосией¹⁴. При его сыне Левконе I (389/88—349/48 гг. до н. э.) Феодосия была присоединена к Боспорскому государству, что следует из надписи с именем Левкона и упоминанием города Феодосии, как подчиненного этому правителю¹⁵.

Войдя в состав Боспорского царства, Феодосия в IV—III вв. до н. э. развивается как крупный торговый и ремесленный центр. Демосфен¹⁶ в речи против Лептина упоминает о строительстве нового феодосийского порта. В речи против Лакрита Демосфен¹⁷ сообщает о морской торговле Паптикаея и Феодосии и о привозимых на кораблях грузах.

В середие IV и в середине III в. до н. э. Феодосия вновь в течение короткого времени чеканит собственную монету¹⁸. В конце II в. до н. э. Феодосия вместе с Паптикаеем попадает в руки Савмака, восставшего против последнего Перисада и Митридата VI Евпатора. В херсонесском декрете в честь Диофанта, полководца Митридата, говорится¹⁹: «...Диофант в начале весны ... прибыл (в Херсонес) с сухопутным и морским войском и, присоединив к нему отборных (херсонесских) воинов (разместившихся) на трех судах, двинулся (морем) из нашего города (Херсонеса), овладел Феодосией и Паптикаеем...»

По сообщению Страбона²⁰, Феодосия обладала хорошей гаванью, в которой вмещалось до 100 кораблей. В I в. до н. э. Феодосия вела интенсивную торговлю с государствами Средиземноморья. Возможно, что во II в. н. э. город сильно пострадал во время нападения аланов, в перипле Флавия Арриана говорится об опустевшем городе Феодосии²¹. Вероятно, после кратковременного упадка Феодосия вновь возродилась и продолжала во II—III вв. н. э. играть роль важной торговой гавани. В третьей чет-

верти IV в. н. э. Феодосия, как и другие боспорские города, была сильно разрушена гуннами. Археологические раскопки Феодосии были проведены И. Б. Зест в 1949, 1951, 1952 гг., в результате этих работ были открыты остатки средневековых и античных сооружений и определенная общая стратиграфия памятника²². Остатки античной Феодосии, находящиеся на современном Карагинском холме в г. Феодосия, на западе возвышаются над низко расположенными районами современного морского порта. На востоке поселение ограничено оврагом и степами генуэзской средневековой цитадели. Поверхность городища застроена домами. Культурные напластования или отдельные находки, относящиеся к раннему периоду существования города, обнаружены на уровне подтеки материковой скалы. В этих слоях встречены единичные фрагменты сероглиняных лепных сосудов с лощеной поверхностью и врезным орнаментом²³.

В 1975—1977 гг. археологические раскопки на Карагинском холме в г. Феодосия проводила Феодосийская экспедиция ИА АН СССР.

В результате этих работ²⁴ на раскопе 1 (рис. 1) на глубине 2,40—3,70 м от современной поверхности были вскрыты верхние кладки стен помещения Б, размером 11 на 5 м. Стены помещения двухнастирные, с камешно-глиняной забутовкой, сложены из камней известняка в полигональной технике. Посередине помещение было перегороджено внутренней каменной стеной. Северо-восточная часть помещения построена на глиняной подсыпке, юго-восточная часть помещения — частично на подсыпке, частично врезана в материк и была расположена ниже по склону. В северо-западной части поверх каменного цоколя стен помещения прослежены остатки сырцовых кладок. Пол помещения глинобитный с известковой крошкой, в некоторых местах вымощен известняковыми плитами.

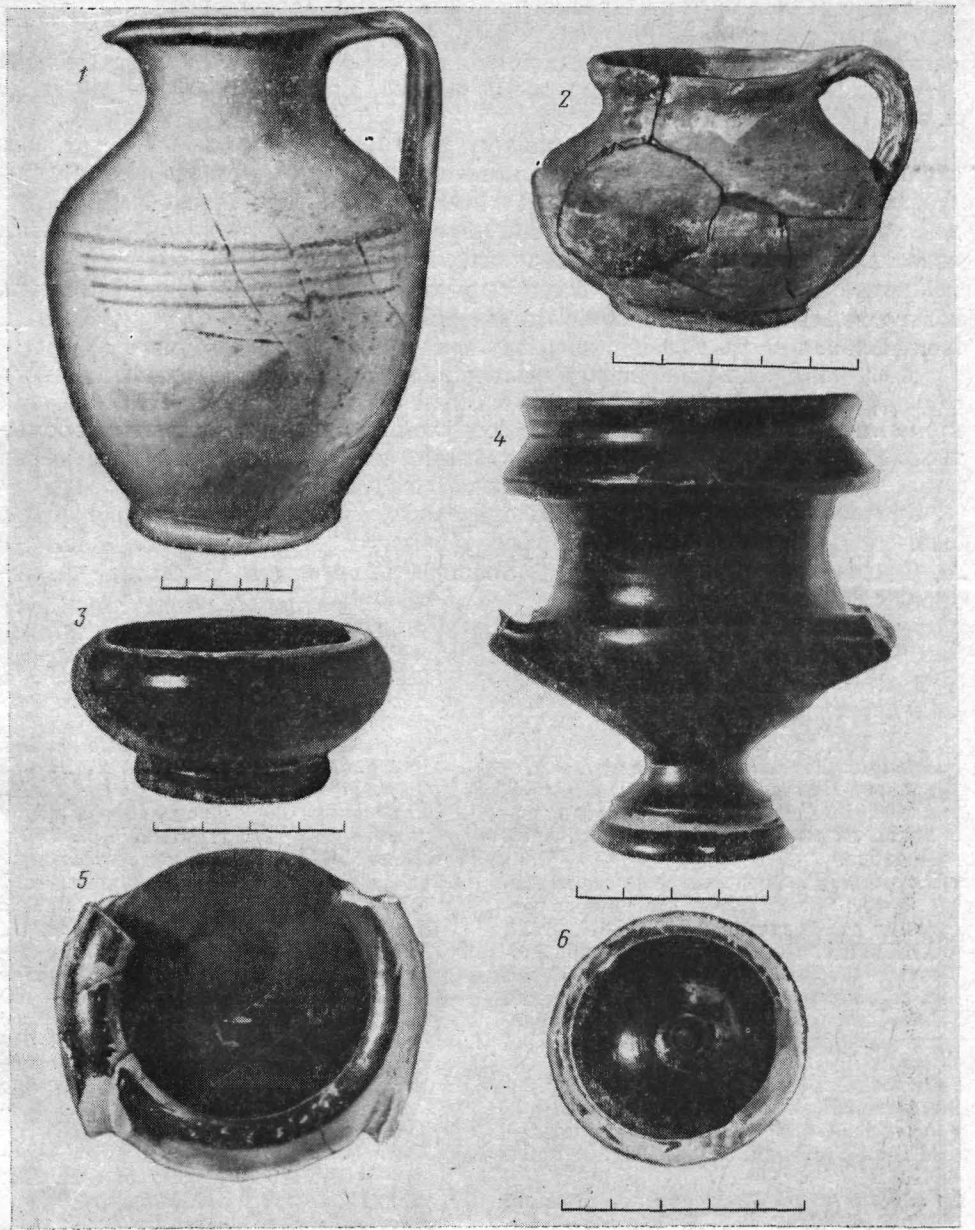
На полу помещения Б в северо-западном углу была обнаружена прослойка желтоватой глины с углями, золой и створками мидий, на которой лежали фрагменты чернолаковой керамики, обломки черепиц, фрагменты стенок красноглиняного сосуда, хиосских амфор VI—IV вв. до н. э.²⁵, лесбосских VI—V вв. до н. э.²⁶, флосских V в. до н. э.²⁷, амфор с рюмкообразными ножками V в. до н. э.²⁸, коринфских конча VI—начала V в. до н. э.²⁹ Эти находки дают возможность датировать помещение Б V—IV вв. до н. э. Завал помещения первого строительного периода перекрывается земляным полом второго строительного периода. В северо-восточном углу помещения Б вскрыт очаг с золой. Очаг был сложен из плит известняка, поставленных на ребро, его размеры 0,30×0,30 м. В северной части помещения было вымощено плоскими плитами известняка.

С наружной стороны северо-западного угла помещения обнаружено большое количество фрагментов пифоса и обломков зернотерки из карадагского зеленого камня. Уровень земляного пола этого двора второго строительного периода лежит на уровне каменных кладок цоколя северо-западного угла помещения.

С паружной стороны юго-восточной части помещения прослежены две идущие одна над другой и примыкающие к стене вымостки из плоских плит известняка, остатки водостока, крупные обломки печицы, большие фрагменты амфор и черепицы. Удалось проследить, что сосуды стояли вдоль наружной стороны цоколя помещения, прислоненные к стене.

В юго-западном углу помещения выявлены остатки большой печи из крупных плит известняка. Внутри печь имеет глиняную обмазку, рядом линии углей, обожженная печина, фрагменты стенок пифоса.

На глиняном полу помещения Б второго строительного периода обнаружены: чернолаковый килик 350 г. до н. э.³⁰, фрагменты гераклейских амфор IV в. до н. э.³¹, фрагменты чернолаковых сосудов с белым орнаментом стиля Гиафия середины IV в. до н. э, красноглиняный лекиф. По керамическому материалу второй строительный период датируется не ранее середины IV в. до н. э. Помещение Б первого и второго строительных периодов имело несколько расположенных один над другим земляных полов и один пол галечный. С паружной стороны сырцовых стен прослежены следы по-

Рис. 2. Керамика из Феодосии

1 — кувшин с белой обмазкой; 2 — красноглиняный кувшинчик; 3 — чернолаковая солонка; 4 — чернолаковый канфар; 5 — фрагмент чернолакового светильника; 6 — дно чернолакового светильника; 6 — дно чернолакового сосуда с граффити

белки, с внутренней стороны стены помещения, возможно, были покрыты красной штукатуркой. Кровля была черепичной.

Среди находок в слое, заполнявшем помещение, обнаружены: кувшинчик с белой обмазкой и пятью красными полосами на плечах (рис. 2, 1), красноглиняный кувшинчик (рис. 2, 2), чернолаковая солонка (рис. 2, 3), дно чернолакового сосуда с граффити (рис. 2, 6).

Рядом было исследовано помещение А, расположенное выше по склону; оно примыкало с запада к помещению Б.

Помещение А площадью около 18 кв. м также имеет два строительных периода, в помещении несколько земляных полов. На земляном полу первого строительного периода в северо-восточном углу помещения А на глу-

бине 2,40 м обнаружены красноглиняный кувшинчик, чернолаковый канфар с граффити 375—350 гг. до н. э.³² (рис. 2, 4), чернолаковый канфар с растительным орнаментом, выполненным белой краской, стиля Гнафия, с туловом, покрытым вертикальными ребрами, датируемый 320—310 гг. до н. э.³³

Поверх стен первого строительного периода построены стены второго строительного периода. На глиняном полу этого помещения обнаружены фрагменты амфор типа Солоха I IV в. до н. э.³⁴, гераклеийских амфор III в. до н. э.³⁵ Стены помещения двухпанцирные, сложены из колотых камней известняка на глине. В юго-западной части помещения над каменным цоколем стены прослежены остатки сырцовых кладок. Сырцовые кирпичи, изготовленные из коричневой глины, имеют размеры 0,57×0,32×0,09 м. Центральная часть помещения разрушена средневековой ямой.

В южной части раскопа над помещением Б вскрыты остатки античного сыродутного горна, сложенного из камней и глины и заполненного углем, крицами и шлаком. Все античные сооружения сверху перекрыты перемычками и снесенными сюда водой остатками античных слоев мощностью не менее 1,0 м, поверх которых располагаются постройки Кафы.

Среди многочисленных археологических материалов при раскопках были найдены 60 клейм на амфорах и черепицах (Гераклея — 12, Синопа — 24, Фасос — 6, Родос — 4, Кос — 1, Боспор — 5, группа Пармениска — 1, неопределенные — 7).

- ¹ Штерн Э. Р. Феодосия и ее керамика. Одесса, 1906, с. 1.
- ² *Arr., Peripl.*, 30-SC, I, с. 224.
- ³ Шелов Д. Б. Возникновение Феодосии.— Труды ГИМ, 1957, вып. XXVI, ч. II, 1957, с. 26.
- ⁴ *Аноут.*, *Peripl.*, 77; Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953, с. 160, 161, считал, что Феодосия возникла на месте туземного поселения Ардабда.
- ⁵ Штерн Э. Р. Феодосия и ее керамика, с. 1 и сл.; Зеест И. Б. Разведочные раскопки в Феодосии.— КСИИМК, 1951, XXXVII, с. 185 и сл.; Зеест И. Б. Раскопки Феодосии.— КСИИМК, 1953, 51, с. 143; Петерс Б. Г. Археологические раскопки в Феодосии.— В кн.: Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979, II, с. 399 и сл.
- ⁶ *Demosth.*, *adv. Lept.* 33-SC, I, с. 365.
- ⁷ *Strabo*, VII, 4, 4.
- ⁸ Зограф А. Н. Античные монеты.— МИА, 1951, № 16, с. 162, 163, 244, табл. XXXIX, 2.
- ⁹ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949, с. 58; Жебелев С. А. Северное Причерноморье, с. 169, 170.
- ¹⁰ *Аноут.*, *Peripl.*, 77-SC, I, с. 283.
- ¹¹ Гайдукевич В. Ф. История античных городов Северного Причерноморья.— АГСП, 1955, с. 102.
- ¹² Жебелев С. А. Северное Причерноморье, с. 168.
- ¹³ Каллистов Д. П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949, с. 210 и сл.
- ¹⁴ *Harpor.*, s. v. *θεοδοσία*; *schol. ad Demosth. adv. Lept.* 471.
- ¹⁵ КБН, 1111.
- ¹⁶ *Demosth.*, *adv. Lept.*, 33-SC, I, с. 365.
- ¹⁷ *Demosth.*, *adv. Lept.*, 31, 32, 34-SC, I, с. 368.
- ¹⁸ Зограф А. Н. Античные монеты, с. 244, табл. XXXIX, 5; Шелов Д. Б. Феодосия, Гераклея и Спартокиды.— ВДИ, 1950, № 3, с. 175 и сл.
- ¹⁹ IOSPE, 1², 352.
- ²⁰ *Strabo*, VII, 4, 4.
- ²¹ *Arr., Peripl.*, 30-SC, I, с. 283.
- ²² Зеест И. Б. Разведочные раскопки, с. 185 и сл.; Зеест И. Б. Раскопки Феодосии, с. 143 и сл.
- ²³ Зеест И. Б. Раскопки Феодосии, с. 144, 146, рис. 58, 1; Петерс Б. Г., Беляев С. А., Загинайло А. Г., Качан Т. М., Николаенко Т. Д. Феодосийская экспедиция.— АО 1977 г. М., 1978, с. 374.
- ²⁴ Петерс Б. Г. и другие. Раскопки Феодосийской экспедиции.— АО 1975 г. М., 1975, с. 377—379; Петерс Б. Г., Айбабин А. И., Айбабина Е. А., Катюшин Е. А., Коршунова Е. В., Панин А. Н., Росторгуева Е. Ю., Шинаков Е. А. О раскопках в Феодосии.— АО 1976 г. М., 1977, с. 353, 354; Петерс Б. Г., Беляев С. А., Загинайло А. Г., Качан Т. М., Николаенко Т. Д. Феодосийская экспедиция, с. 373, 374; Петерс Б. Г. Археологические раскопки в Феодосии, с. 399 и сл.
- ²⁵ Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора.— МИА, 1960, № 83, табл. III, IIa; табл. IV, 11 в, г, е, 12, 13.
- ²⁶ Зеест И. Б. Керамическая тара... табл. II, 8в.
- ²⁷ Зеест И. Б. Керамическая тара... табл. VI, 16в, 18а.
- ²⁸ Зеест И. Б. Керамическая тара, табл. XII, 25а.
- ²⁹ Зеест И. Б. Керамическая тара, табл. I, 5б.
- ³⁰ Блаватский В. Д. История античной расписной керамики. М., 1953, с. 47—48, табл. VII, 77; Sparkes B. A., Talcott L. The Athenian Agora. New Jersey, 1970, vol. XII, p. 283, N 658.
- ³¹ Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора, табл. XXII, 42.
- ³² Sparkes B. A., Talcott L. The Athenian Agora..., p. 283, N 657.
- ³³ Sparkes B. A., Talcott L. The Athenian Agora..., p. 286, N 704.
- ³⁴ Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора, табл. XV, 32б.
- ³⁵ Там же, табл. XXII, 45.

РАСКОПКИ НЕКРОПОЛЯ МИРМЕКИЯ

В 1974—1975 ГГ.¹

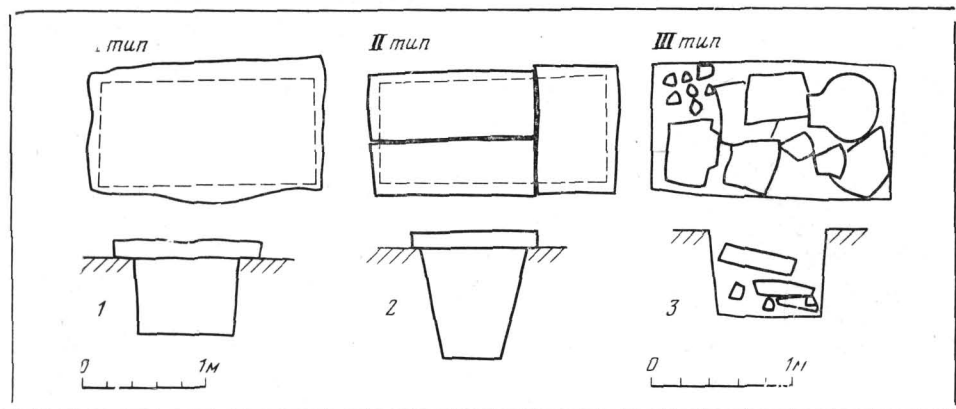
В связи со строительными работами в районе поселка имени Войкова г. Керчи в сентябре 1974 г. значительный участок старой трассы, соединяющей город с поселком (Карантинное шоссе), подвергся вскрытию. При прокладке траншеи рабочие раскопали древнюю могилу. Дальнейшие работы на этом участке производились в присутствии сотрудников Керченского историко-археологического музея² и продолжались до февраля 1975 г.

Траншея (250×6,5×4 м), по направлению совпадавшая с трассой, пересекла некрополь Мирмекия с запада на восток. Обнаруженный участок некрополя почти вплотную подходил к границам древнего города в его северо-восточной части. Территория эта (между Клубом рыбаков и школой № 20) в предшествующие годы археологически не исследовалась.

В результате раскопок было обнаружено 10 грунтовых захоронений³ располагавшихся в западной (могилы 1—8) и восточной (могилы 9—10) частях раскопа. В центральной части исследованной площади на протяжении 120 м, где находился естественный скальный выступ, погребений не было. Могилы располагались на глубине 2,4—2,5 м от современной дневной поверхности. Все они содержали погребения с труположением (кость вытнута на спине, руки — вдоль туловища) и имели каменные перекрытия. Ориентация погребений — восточная. По форме, устройству перекрытий и погребальному инвентарю могилы можно разделить на три типа.

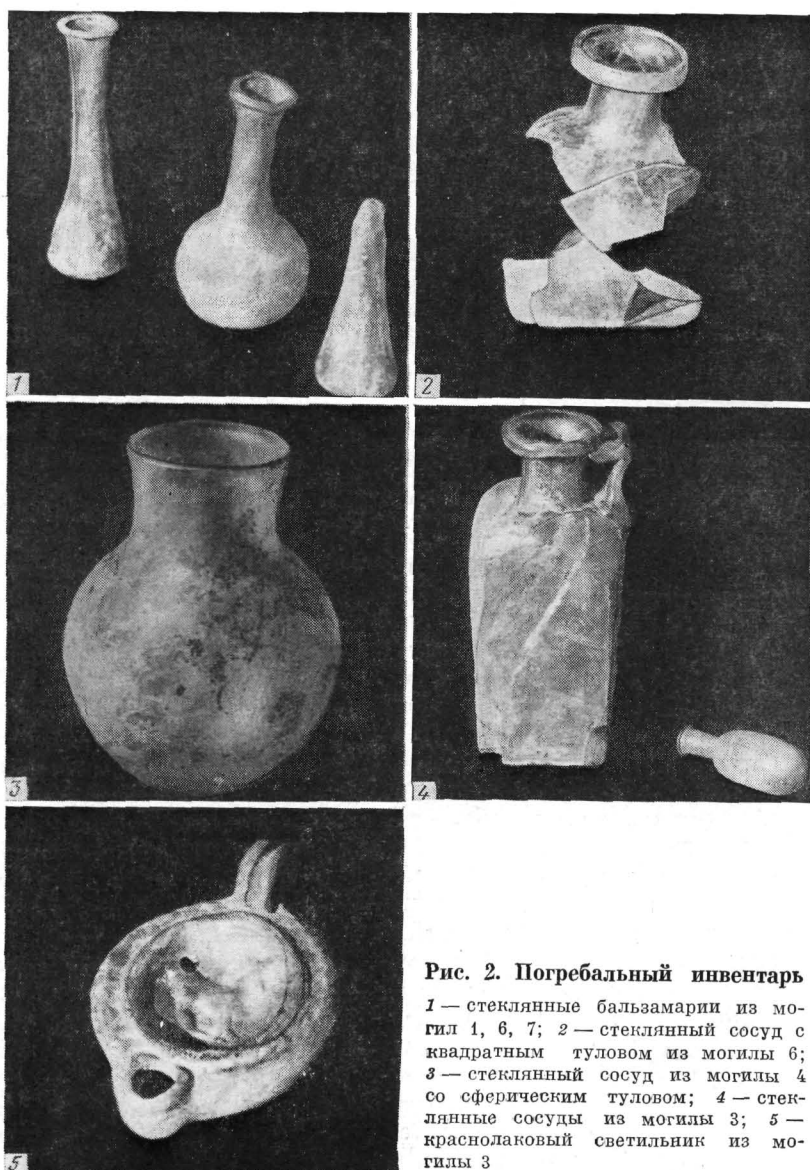
Первый тип представлен пятью прямоугольными грунтовыми могилами (погребения 1, 4, 5, 6, 7) с перекрытием из одной известняковой плиты (1,8×1,0×0,2 м). Ямы сравнительно небольших размеров: длина их колеблется от 1,7 до 1,9 м, ширина — от 0,7 до 1 м, глубина — от 0,5 до 0,8 м (рис. 1, 1). Могилы такого типа характерны для некрополей многих боспорских городов: Пантикапея, Нимфея, Тиритаки в I—II вв. н. э.⁴ Погребальный инвентарь этих пяти захоронений довольно разнообразен, хотя и не отличается богатством. Вероятно, они принадлежали рядовому населению Мирмекия. Неграбленными в этой группе оказались могилы 1 и 6. Среди находок больше всего стеклянных сосудов. Целые и фрагментированные, они найдены в каждой могиле этого типа. Это стеклянные бальзамарии с коническим и полусферическим туловом (рис. 2, 1), стеклянные сосуды с квадратным (рис. 2, 2) и сферическим (рис. 2, 3) туловым. Прозрачное стекло этих сосудов имеет чаще всего зеленоватый оттенок, но встречается также голубоватое и совершенно прозрачное стекло. Все эти сосуды выполнены в технике свободного выдувания с последующей доработкой. Наличие подобной посуды в могилах первых веков нашей эры закономерно для большинства боспорских некрополей: пантикапейского, тиритакского, кыз-аульского, нимфейского⁵. Они получили распространение в боспорских городах с середины I в. н. э. и особенно часто встречаются в погребениях второй половины I в. н. э.⁶ К этому же времени относятся, вероятно, наши захоронения.

Только в одной могиле 5 были найдены фрагменты керамики: красноглиняного боспорского кувшина с рифленной ручкой, небольшого сероглиняного канфара и светлоглиняной южнопонтийской амфоры. В двух могилах (1 и 7), принадлежавших, очевидно, женщинам, обнаружены различные бусы. В могиле 1 их найдено особенно много и они очень разнообразны: янтарные (5 шт.), лигнитовые (26 шт.), сердоликовые (3 шт.), хрустальные (2 шт.), стеклянные (16 шт.), пастовые (5 шт.) и костяные (6 шт.). Все они найдены в районе грудной клетки. Бусы из сердолика и хрусталя округлые, с каналом отверстия, имеющим коническую форму. Янтарные — круглые и овальные, уплощенные, с широким каналом отверстия (равным 1,4 мм), направленным вдоль бусины. Лигнитовые бусы раз-

Рис. 1. Планы и разрезы могил

1 — план и разрез могил типа I; 2 — план и разрез могил типа II; 3 — план и разрез могил типа III

Рис. 2. Погребальный инвентарь

1 — стеклянные бальзамарии из могил 1, 6, 7; 2 — стеклянный сосуд с квадратным туловом из могилы 6; 3 — стеклянный сосуд из могилы 4 со сферическим туловом; 4 — стеклянные сосуды из могилы 3; 5 — краснолаковый светильник из могилы 3

личны по форме: цилиндрические; четырехгранные вздутые, бочковидные, три бусины в виде секир. Канал отверстия в них довольно широкий (равный 1,2 мм) и направлен вдоль бусины, за исключением секир: в них — поперек. Большинство стеклянных бус прозрачно-золотистого цвета, округленной, слегка вытянутой формы, с довольно широким каналом отверстия (равным 1 мм), направленным вдоль бусины и заканчивающимся закраинками. Бусы эти были, очевидно, изготовлены в форме, о чем свидетельствует наличие швов и закраинки на них. Подобные формы для отливки бус из стекла и металла были найдены в Пантикапее и в Фанагории⁷.

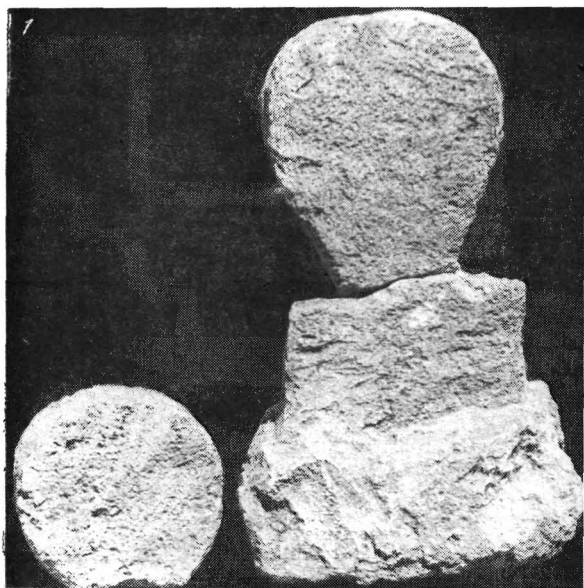
Бусы из могилы 7 немногочисленны (14 шт.), выполнены из лигнита и имеют продолговатую форму. Располагались они у запястья левой руки. В боспорских городах бусы всегда были излюбленным дополнением женского костюма и часто встречаются в погребениях, особенно в первые века н. э.⁸ Аналогичные бусы были обнаружены в некрополе Нимфея и Тиритаки⁹, в погребениях I—II вв. н. э. В Кыз-аульском некрополе были найдены лигнитовые бусы в виде секир¹⁰.

Ко второму типу могил можно отнести три гробницы более сложной конструкции (погребения 2, 3, 8). Прямоугольная в плане яма сужается от поверхности ко дну. Перекрытие ее состоит из трех известняковых плит: одна положена в изголовье поперек, две другие, тесно подогнанные друг к другу — вдоль ямы (рис. 1, 2). Плиты правильной прямоугольной формы, хорошо обработаны. Размеры этих могил больше, чем могил I типа. Длина их колеблется от 2,10 м до 2,20 м, ширина — от 0,95 до 1,1 м, глубина — от 0,95 до 1,5 м. Все они содержали одиночные захоронения. Одно из них (3) сохранилось почти полностью, хотя и было частично повреждено рухнувшими вниз плитами перекрытия. Два других были ограблены еще в древности, однако сохранили часть инвентаря, свидетельствующего о зажиточности погребенных: фрагменты краснолаковой керамики и стеклянных сосудов, листочки из тонкой золотой фольги от головного венка.

В могиле 3 были найдены четыре стеклянных сосуда, среди которых два бальзамария с коническим и полусферическим туловом, кувшин с квадратным туловом и профилированной ручкой (рис. 2, 4), и сосуд, очер-

Рис. 3. Надгробия

1 — антропоморфные надгробия, обнаруженные в перекрытии могил 9 и 10; 2 — фаллическое надгробие; 3 — мужская статуя-полуфигура

тания которого напоминают фигурные стеклянные сосуды, выдутые в форме, с туловищем в виде финика и длинным цилиндрическим горлышком, относящиеся ко второй половине I — началу II в. н. э.¹¹ Но наш сосуд имеет гладкое тулово и выполнен в технике свободного выдувания из прозрачного стекла голубоватого оттенка. Напоминает он и бальзамарии с каплевидным туловом, бытовавшие на Боспоре во второй половине I в. н. э.¹² Кроме стеклянных сосудов, в этом погребении были найдены костяная рукоятка железного ножа с черенком в ней и закрытый краснолаковый светильник с рельефным изображением стоящего быка на круглом щитке (рис. 2, 5). Такой тип светильников получает развитие с середины I в. н. э.¹³ Таким образом, собранный материал позволяет датировать эти погребения второй половиной I в. н. э.

Третий тип могил представлен двумя гробницами (погребения 9, 10) небольших размеров (1,8×0,6×0,6 м), перекрытие которых состояло из нескольких небольших известняковых плит неправильной формы и деревянных досок (рис. 1, 3); истлевшие фрагменты последних вместе с рухнувшими вниз плитами, находились на дне могил. Погребальный инвентарь скуден: бальзамарий с коническим туловом и небрежно обработанным венчиком, несколько бусин прозрачного стекла, фрагменты бронзового изделия. По форме бальзамария погребения датируются концом I — началом II в. н. э.¹⁴ Принадлежали они, вероятно, беднякам.

Среди плит покрытия этих могил были найдены три фрагмента антропоморфных надгробий, выполненных из местного известняка. Два обломка, обнаруженные в перекрытии могилы 9, образовали целое антропоморфное надгробие (рис. 3, 1), схематически представляющее погрудное изображение человеческой фигуры на пьедестале, гладко обработанное с обеих сторон (размеры: 0,48×0,21×0,12 м). В перекрытии могилы 10 также была найдена «голова» ($d=18$ см) подобного надгробия (рис. 3, 1) слева. Использование таких надгробий в перекрытиях могил конца I — начала II в. н. э. предполагает их более раннюю датировку, не позднее второй половины I в. до н. э.

Гробницы, перекрытия которых состоят из досок и камней, встречаются в некрополях Пантикапея и Тиритаки¹⁵. Содержат они, как правило, небогатые погребения.

Рис. 3. (Окончание)

Особый интерес представляют пять антропоморфных надгробий, найденных в насыпи некрополя над могилами 3, 4, 5, 6, 10, а также фаллическое надгробие ($h=0,48$ м) (рис. 3, 2) и фрагмент рельефного анфемиа.

В 1971—1972 гг. на территории школы № 20 были открыты грунтовые захоронения с каменным перекрытием IV—I вв. до н.э.¹⁶ В 1973 г. в непосредственной близости от них, у кинотеатра «Луч», была обнаружена могила в виде каменного ящика, к сожалению полностью ограбленная. В 1974 г. в районе Клуба рыбаков была найдена надгробная статуя, представляющая собой покоенное изображение мужской фигуры, одетой в хитон и гиматий (рис. 3, 3), высотой 0,9 м и относящаяся к эллинистическому времени.

Все сказанное свидетельствует о том, что некрополь Мирмекия располагался в непосредственной близости от города и был значительно вытянут в западном направлении, смыкаясь на западе с некрополем Пантикапея. Поэтому отнесение некрополя, исследованного в 1953 г. С. И. Капошиной¹⁷; к Мирмекию, представляется в настоящее время недостаточно обоснованным.

Результаты исследований некрополя Мирмекия, показывают, что в первые века н. э. основным типом захоронений здесь были грунтовые могилы, имеющие каменные, реже — комбинированные каменно-деревянные перекрытия. Инвентарь погребений свидетельствует об их принадлежности рядовому населению города.

- ¹ Сообщение об охранных раскопках некрополя Мирмекия было сделано автором статьи на Всесоюзной археологической конференции в г. Киеве в апреле 1975 г.
- ² Руководила археологическими работами автор статьи, в раскопках погребений участвовали сотрудники музея Л. И. Еременко и член археологического кружка С. Павлиний.
- ³ Информацию о первом этапе раскопок см.: *Молева П. В.* Исследования античного некрополя Мирмекия в г. Керчи. — АО 1974 г. М., 1975, с. 328, 329.
- ⁴ *Цветасва Г. А.* Грунтовый некрополь Паантикаея. — МИА, 1951, № 19, с. 78, 79; *Силантьева Л. Ф.* Некрополи Нимфея. — МИА, 1959, № 69, с. 93; *Гайдукевич В. Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов. — МИА, 1959, № 69, с. 216, мог. 2 и 3.
- ⁵ *Цветасва Г. А.* Грунтовый некрополь, с. 79; *Гайдукевич В. Ф.* Некрополи..., с. 192, 193, 216—218; *Силантьева Л. Ф.* Некрополь Нимфея, с. 93.
- ⁶ *Кунина Н. З.* Стеклянные бальзамарии Боспора. — ТГЭ, 1972, XIII, с. 153, 156.
- ⁷ *Марченко И. Д.* Две литейные формы из Фанагории. — МИА, 1956, № 57, с. 161—162.
- ⁸ *Алексеева Е. М.* Алтнчные бусы Северного Причерноморья. — САИ, 1975, вып. Г1—12, с. 8—11.
- ⁹ *Грач Н. Л.* Раскопки некрополя Нимфея 1974 г. — АО 1974 г. М., 1975, с. 217; *Гайдукевич В. Ф.* Некрополи, с. 217, 220, 222.
- ¹⁰ *Гайдукевич В. Ф.* Некрополи..., с. 192, мог. 4.
- ¹¹ *Кунина Н. З.* Сирийские, выдутые в форме стеклянные сосуды из некрополя Паантикаея. — В кн.: Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973, с. 128, 129.
- ¹² *Кунина Н. З.* Стеклянные бальзамарии Боспора, с. 153.
- ¹³ *Вронеср О.* Terrakotta Lamps. Corinth, 1930, p. 45.
- ¹⁴ *Кунина Н. З.* Стеклянные бальзамарии Боспора, с. 161.
- ¹⁵ ИАК, 1904, 9, с. 99, мог. 141; 1905, 17, с. 26, мог. 108; 1907, 25, с. 24, мог. 102; 1916, 60, с. 11, мог. 12; *Кастаная Е. Г.* Грунтовые некрополи боспорских городов. — МИА, 1959, № 69, с. 259; *Гайдукевич В. Ф.* Некрополи..., с. 216 (мог. 3), с. 220, 221 (мог. 16 и 17).
- ¹⁶ *Молева Е. А., Молева П. В.* Археологические находки в Керчи. — АО 1972 г. М., 1973, с. 314, 315.
- ¹⁷ *Капошина С. Н.* Некрополь в районе пос. им. Войкова близ Керчи. — МИА, 1959, № 69, с. 145; *Кастаная Е. Г.* Грунтовые некрополи..., с. 288.

А. А. МАСЛЕННИКОВ, О. Д. ЧЕВЕЛЁВ

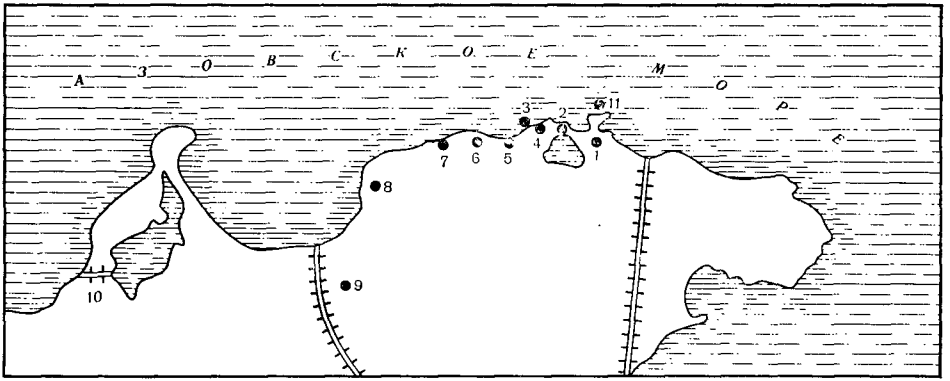
НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ НА СЕВЕРНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

В 1976—1978 гг. Восточнокрымская экспедиция обследовала побережье Азовского моря от мыса Зюк до села Золотое, а также район мыса Казантип. В результате были обнаружены новые археологические памятники античного времени (рис. 1).

1. Юго-восточнее мыса Зюк, у так называемой Черной горы, попадаются обломки амфор IV—III вв. до н. э., куски печины, камни разрушенных построек. Возможно, здесь была небольшая деревня. На западном склоне Черной горы находится несколько разоренных гробниц с кольцевыми обкладками.

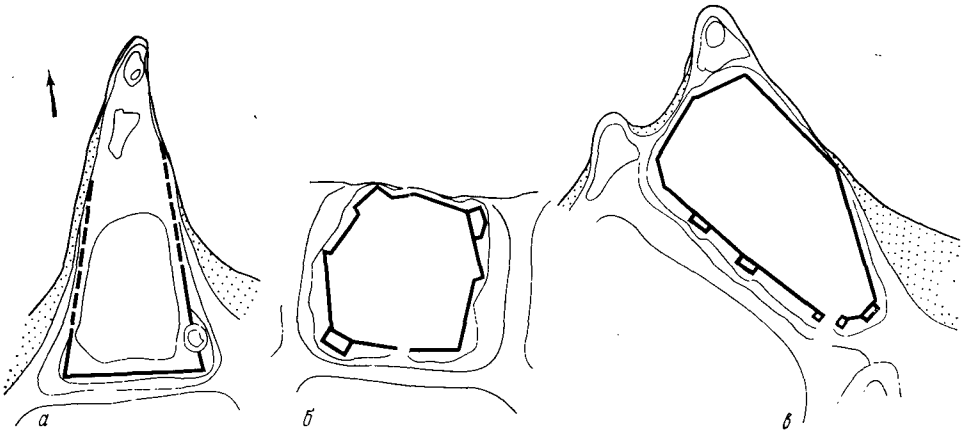
2. К западу от горы Мысир, возвышающейся к северо-западу, вблизи Чокракского озера на высоком мысу обнаружено укрепленное поселение, относящееся к первым векам н. э. и получившее название «Зеленый мыс». Площадь его около 0,45 га, но в долине, к югу от мыса, также имеются следы культурного слоя.

3. Далее к западу на узком скалистом мысу с обрывистыми берегами у «Сиреновой бухты», найдено еще одно городище (рис. 2). С юга, со стороны степи, оно было ограждено стеной, следы которой заметны на протя-

Рис. 1. Поселения на северном побережье Керченского полуострова

1 — Черная гора; 2 — поселение «Зеленый мыс»; 3 — поселение «Сиреневая бухта»; 4 — следы античных усадеб; 5 — поселение «Генеральская бухта»; 6 — усадьба эллинистического времени; 7 — поселение Куль-тепе; 8 — селище и могильник «Золотое»; 9 — поселение «Белинское»; 10 — следы древнего вала; 11 — поселение

Рис. 2. Планы поселений

а — «Сиреневая бухта»; б — Куль-тепе II; е — Генеральское I

жении 105 м. Площадь городища — приблизительно 0,8 га. В юго-восточном углу поселения находится зольник высотой 2 м и диаметром 20 м. Недалеко от него из земли торчат, отоспавшиеся когда-то к винодельне высеченные из больших плит, таракан и гиря для пресса. Большое число обломков амфор¹, лепной² и краснолаковой посуды II—III вв. н. э. свидетельствуют об интенсивной жизни на поселении в это время.

4. На полуцуги между поселениями «Зеленый мыс» и «Сиреневая бухта», в долине прослеживаются остатки строений и культурный слой, по-видимому эллинистического времени. В нескольких местах на побережье встречены зольные холмы небольших размеров.

На обширном ровном плато, простирающемся к западу от г. Мысир, вдоль берега моря местами хорошо заметны длинные, прямые невысокие валобразные насыпи, тянущиеся, большей частью, параллельно берегу, но иногда и в противоположном направлении. Назначение и время сооружения этих «валов» или границ участков пока неясно.

5. К западу от «Сиреневой бухты», также на скалистом мысу, расположено городище «Генеральское», площадью около 1 га (рис. 2). Со всех сторон оно окружено стенами, хотя с востока и севера почти неприступно из-за крутизны берега. Лучше всего сохранилась южная оборонительная стена протяженностью 135 м. В восточной части стены видны остатки во-

рот, шириной около 4,5 м. Фрагменты амфор первых веков нашей эры, обломки краснолаковой и лепной³ посуды указывают, что городище существовало по крайней мере в I—IV вв. На поверхности земли по цвету травы, камням и холмикам можно уловить направление стен жилых помещений, улиц. Городище, видимо, аналогично поселению у д. Семеловка⁴.

6. Западнее западной оконечности «Генеральской» бухты на берегу моря обнаружены развалины усадьбы. Отчетливо прослеживается кладка стен из крупных тесаных камней помещения размером 9×10 м. Толщина стен, сохранившихся местами в высоту до 1 м и более, достигает 1,8 м. Встречены обломки черпалаковых сосудов и амфор IV—III вв. до н. э. с рюмкообразными ножками (амфоры Менды), фасосских, гераклейских и ножками в виде высокого поддона⁵.

7. Западнее на обрывистом берегу, среди скалистых кряжей в 500 м севернее бывшей деревни Куль-тепе обследовано поселение I—IV вв. площадью 0,6—0,65 га, обнесено стеной из больших камней, сохранившейся на 3—4 ряда кладки (рис. 2, б). Ширина стены 2,8—3 м. Ворота городища шириной в 3 м расположены в южной стене. Уцелели развалины башен. Мощность культурного слоя достигает 1,5 м, найдены обломки амфор первых веков нашей эры и монета Фифора.

Пескочнее восточнее городища, раскопанного И. Т. Кругликовой, было обнаружено несколько отдельных усадеб первых веков нашей эры⁶.

8. К югу — юго-востоку от села Золотое на том же плоскогорье, где расположен могильник VI—II вв. до н. э., паходятся остатки неукрепленного селища V—II вв. до н. э.⁷ площадью в несколько га. Камни стен домов, состоявших из пескочных помещений, расположенных на некотором расстоянии друг от друга, видны на поверхности. Стены сохранились лишь па один ряд кладки, мощностъ культурного слоя 0,2—0,5 м.

9. Южнее села Белицкое, в котловине, образовавшейся склонами окрестных холмов и скалистых кряжей, на возвышенном левом берегу небольшой речки находится поселение площадью около 3 га, по-видимому, небольшой городок. Четко прослеживается ров и вал (или насыпь, скрывающая крепостную стену) в западной и юго-западной частях городища. С юга к нему почти вплотную примыкает зольный холм. Его размеры значительно превышают зольники, известные вблизи поселений на мысе Казантип, у с. Золотое Прибрежное, Куль-тепе I, Семеловка⁸. Северная и северо-западная часть городища перекрыта развалинами заброшенной деревни.

Поселение было обнаружено в 1975 г. рабочими совхоза, которые при поставке столбов линии электропередачи попали на глубокую, облицованную камнем зерновую яму грушевидной формы, в которой нашли несколько амфор⁹. Подъемный материал: фрагменты амфор первых веков нашей эры, лепной посуды, краснолаковых чашек и тарелок — определяет время существования городища в пределах I—III вв.

На всем протяжении побережья Азовского моря от Чокракского озера до с. Золотое на скалистых плато педалеко от моря встречаются одиночные или небольшими группами каменные ящики, аналогичные раскопанным в районе села Золотое¹⁰, а также обнаруженным на склопах г. Хрони, педалеко от нынешней переправы на Таманский п-ов, на мысе Казантип и вдоль дороги: с. Семеловка-Рыбное¹¹. Число их достаточно велико, но большинство носит явные следы ограбления.

10. На юго-западной окраине села Семеловка был осмотрен вал, сооруженный между морем и Акташским озером. Ширина вала и основания 10—11 м, высота 1,5—2 м. В настоящий момент от вала сохранилась весьма незначительная часть.

11. На мысе Зюк в 1978 г. пачаты раскопки античного городища, известного еще с конца XIX в.¹² Ю. А. Кулаковский высказывал предположение, что это поселение скрывает развалины Зенопова Херсонеса¹³, В. В. Латышев же считал возможным помещать тут Гераклий¹⁴. Здесь были найдены три подписи¹⁵.

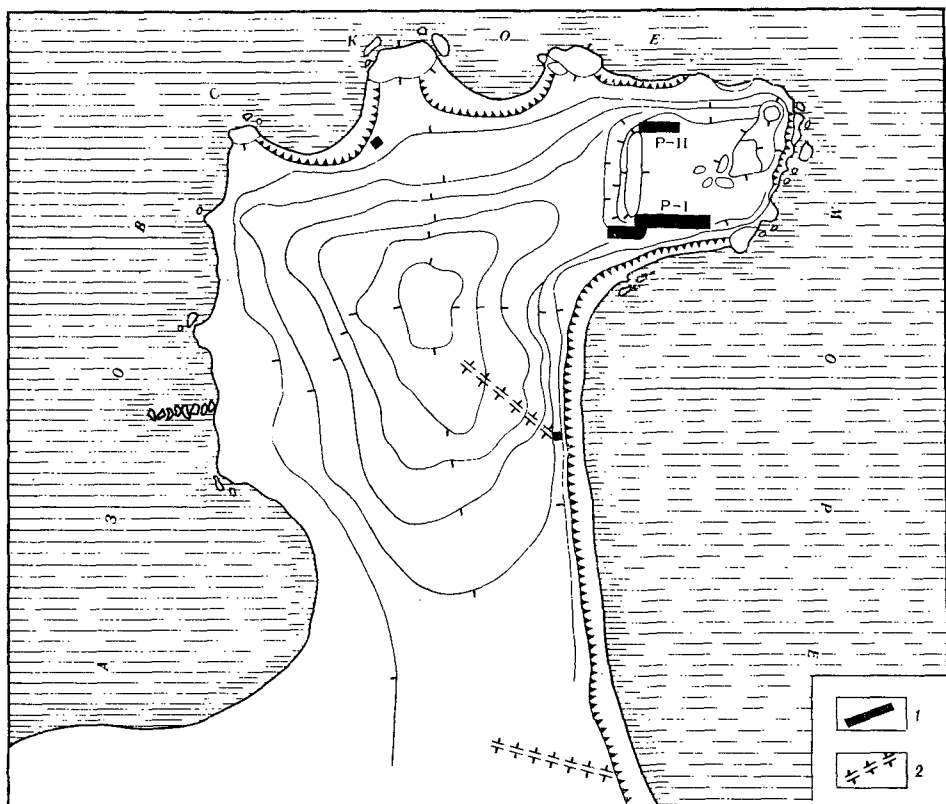

Рис. 3. Мыс Зюк, план

Городище находится на крайней северо-восточной части мыса (рис. 3). Хорошо заметный и пыле ров и вал прикрывали его с запада, обрывистые берега делали городище неприступным с востока и юга. На оконечности мыса возвышается несколько скал, на вершине самой большой из них заметны следы подтепки и кладок. Возможно, тут была сторожевая баня или маяк. В расщелинах скал, на северном и северо-западном берегу мыса находятся песчолво зольников и следы кладок в обрыве берега.

Площадь городища, огороженная валом, около 1 га.

Раскол I был разбит в юго-восточной части городища — 11 квадратов 5×5 м вдоль обрыва берега (рис. 3). Поверхность раскопа, как и всего городища, ровная, с многочисленными ямами от выборки камня, заплывшими воронками и траншеями военного времени. Культурный слой мощностью от 0,25 до 2,2 м. Вскрыты напластования IV—III вв. до н. э. и со II—I вв. до н. э. по IV—VI (возможно, VII) вв. н. э.¹⁶

К III в. до н. э. относятся остатки основания, по-видимому, оборонительной стены городища, сложенной из больших необработанных известняковых глыб. Ширина стены, тянущейся с северо-запада на юго-восток около 3 м. Она сохранилась всего на один ряд кладки. Подошва стены лежит на материковой скале. Южный угол стены обрушился в море.

Находки в слое VI—III вв. до н. э. — кирпичевом рыхлом суглинке, зафиксированном лишь к западу от стены, представлены многочисленными фрагментами гераклейских, а также фасосских и сипонских амфор, в том числе с клеймами IV—III вв. до н. э., обломками простой красноглиняной, изредка чернолаковой посуды.

Напластования второй половины III—II вв. до н. э. на раскопе не выявлены, хотя отдельные находки этого времени (клейма, монеты) в более поздних слоях встречаются.

I в. до н. э. датируется ровная вымостка — трамбовка из щебня и мелких фрагментов керамики с восточной части раскопа. При сооружении

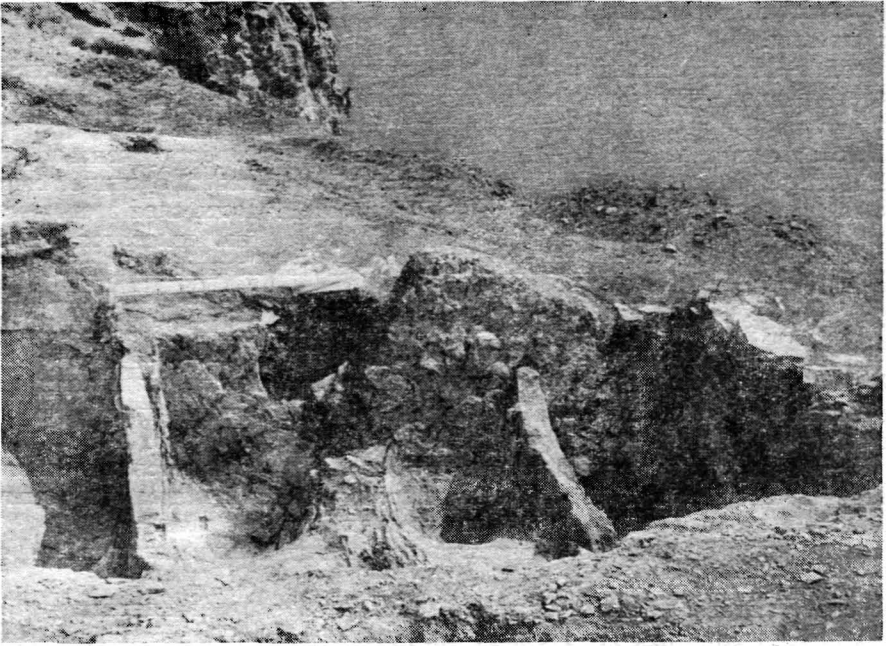

Рис. 4. Раскоп I. Винодельня

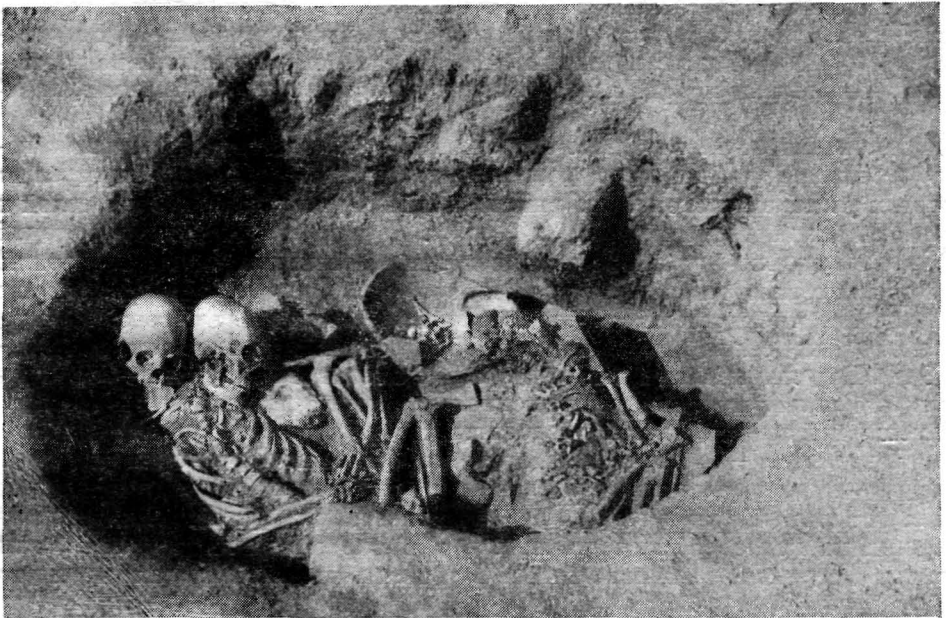

Рис. 5. Раскоп II. Захоронения на зольнике

вымостки были уничтожены более ранние слои и подтесаны выходы материковой скалы. На них местами удалось заметить следы орудий, которыми производилась работа. Ширина их рабочей части 4–4,5 см.

С востока к этой вымостке примыкают остатки сооружения, от которого сохранился выложенный из плоских камней пол со следами огня. Найдено несколько медных монет III–II вв. до н. э. и серебряное украшение в виде лунницы с золотой дужкой.

Непосредственно над описанными сооружениями лежит слой светло-серого суглинка мощностью до 0,3 м, с находками I в. до н. э. — I в. н. э.

Среди них медная монета г. Амиса времени Митридата VI¹⁷ и обломки мегарских чаш.

Слой I—II вв., желтый суглинок толщиной до 0,28 м, прослежен лишь на части раскопа. В нем обломки узкогорлых светлоглиняных и иных амфор, кухонной и краснолаковой посуды и боспорских соленов.

Напластования конца II — первой половины IV вв. обнаружены на большей части раскопа. Это серо-желтый или серо-коричневый суглинок местами с золой и включением раковин мидий и камней. Часть слоя этого времени была в последующий период скрыта. Ко II—IV вв. относятся остатки двух очень сильно разрушенных стен и часть комплекса в виде площадки (рис. 4), давальная площадка которой почти совершенно уничтожена поздней ямой и обвалом берега. Она находилась к западу от цистерн, примыкая вплотную к уже заброшенной оборонительной стене поселения, и имела ширину около 2,8 м. Уцелели четыре цистерны, разделенные перегородками толщиной 6—10 см из плоских плит. Размеры цистерн колеблются в пределах 0,7—0,85 м на 2,17—2,3 м. Глубина их от 1,1 до 1,4 м. Их дно имеет значительный склон к востоку, где имелись отстойники. Цистерны частично построены из хорошо обработанных камней, частично высечены в скале и покрыты розовой цемянкой в 3—4 слоя.

По конструктивным особенностям эта винодельня аналогична винодельням Тиритаки IV в. н. э.¹⁸

В слое найдены фрагменты амфор узкогорлых светлоглиняных и реберчатых красноглиняных II—III и IV вв. н. э., обломков боспорских соленов, кухонной и краснолаковой посуды, лепных сероглиняных чашек и горшков. Найдено также несколько медных монет и фрагментов терракотовых статуэток.

Повсеместно прослежен слой пожара, завалы камней, куски обгорелой глины, зола и угли. Непосредственно в нем найдены три монеты Рескупорида VI (325—327 гг. н. э.). Пожар и вызванные им разрушения на поселении произошли после 327 г. н. э. и могут быть связаны с гупским нашествием.

Однако жизнь на городище продолжалась без заметного перерыва в последующие по крайней мере два столетия. Слой IV—VI вв. н. э. имеется на многих участках раскопа. Это рыхлый серый суглинок, местами с золой и раковинами мидий, мощностью 0,2—0,8 м. По-видимому, после разрушений IV в. н. э. жители городка не стали возводить новых каменных укреплений, а вырыли вблизи старой стены ров и насыпали вал. Их контуры хорошо видны. Ров, тянущийся с юго-востока на северо-запад был высечен в скале, имел глубину около 2,6 м и ширину 4,5 м (современная его глубина 0,5—0,8 м). Вал сохранился в высоту на 0,7—0,8 м и в ширину на 6—7 м. В основе его лежит щебенка, выброшенная при рытье рва, по он досыпан перемешанной землей, взятой с городища.

Находки IV—VI вв. н. э. достаточно обильны: фрагменты амфор и корчаг — красноглиняных реберчатых и рифленых с расширяющимся книзу горлом и прямоугольным в сечении венцом светлоглиняных узкогорлых на поддоне, толстостенных¹⁹, а также кастрюль, краснолаковых чашек и тарелок, лепных горшков. Встречены куски стекла, кости животных и рыб.

Однако построенные укрепления вскоре были заброшены. На валу и вблизи рва были высечены в скале хозяйственные ямы колоколовидной формы с ровным, но не всегда горизонтальным округлым дном. Глубина ям от 1,9 до 2,5 м, диаметр дна 2,3—2,7 м. На дне двух из них найдены обломки красно- и буроглиняных реберчатых амфор V—VII вв. н. э.²⁰ и большого сероглиняного лещного горшка.

Раскоп II (4 кв. 5×5 м) был разбит в западном углу городища. Установлено, что это место со II в. до н. э. по VI в. н. э. использовалось под свалку, хотя в разное время тут существовали недолговременные и небольшие постройки, рылись ямы и даже совершались погребения. Дойти до материка или обнаружить остатки стен не удалось; работы были остановлены на глубине 3,6 м.

Рис. 6. Склеп на Черной горе

Большой интерес представляет захоронение в овальной яме (1,1×1,6 м) на глубине 1,72 м двух женских скорченных костяков с деформированными черепами, лежавших на левом боку головой на северо-запад, и одного детского погребения в обломках амфоры (рис. 5). Возле одного из черепов найдены две бронзовые подвески с пишечками²¹, а на запястье правой руки широкий железный браслет с незамкнутыми округлыми краями. В засыпи ямы было много раковин мидий. Погребения относятся к концу III — началу IV в.

В северо-западной части полуострова, в обрыве берега, над бухтой обнаружен и частично раскопан небольшой зольник эллинистического времени.

В восточной части полуострова, в высоком береговом обрыве были замечены торчащие почти у поверхности земли камни. Раскопки установили, что здесь находится гряда (шириной 1,7—1,9 м и высотой до 1,2 м) из мелких и средних камней, тянущаяся с запада на восток. Среди камней найдено несколько фрагментов стенок рифленых амфор. Эти камни служили основой вала, перегораживавшего в позднеантичное время полуостров и проходившего через высокую его часть. Приблизительно в 100 м к югу в обрыве берега заметны следы второго аналогичного вала, отгораживавшего полуостров от «материка» в самой узкой части перешейка.

Культурный слой, хотя и не очень мощный, имеется и к западу от вала городища на расстоянии примерно до 100 м. Здесь, видимо, находились «пригороды» поселения. В западной части мыса и на его вершине культурный слой либо вовсе отсутствовал, либо был смыт.

На территории с. Курортное (бывшая Мама) мест для исследования не осталось ввиду сплошной застройки. Но местные жители сообщали, что изредка при рытье подвалов и ям им попадались человеческие кости и обломки посуды.

На так называемой Черной горе, к юго-востоку от мыса Зюк, в береговом обрыве был доследован полуразрушенный склеп довольно редкой ульевидной формы (рис. 6). Его стены и пол сложены из большого числа плоских необработанных средних и мелких камней. Склеп сооружен в яме,

вырытой в материковой глине. Глубина залегания верхних камней свода от современной дневной поверхности 0,3 м. Высота внутренней части склена 1,5 м, толщина его стен 0,4—0,45 м. Размеры пола 2,6 м (с востока на запад) и 1,45 м (с юга на север).

Северная и западная стены и, возможно, дромос не сохранились. На полу были расчищены остатки четырех захоронений. Черепа и частично кости трех из них лежали *in situ*. Судя по ним, покойники (двое мужчин и одна женщина) были захоронены вытянуто, на спине головой на восток. Погребальный инвентарь: буролаковые тарелка, чашка, два кувшина, бальзамарий, небольшое бронзовое зеркало (разбитое на двое), обломок железного пояса, бронзовое кольцо, сережка из золотой проволоки с сердоликовой вставкой и медная пантикапейская монета III в. до н. э.²² с дырочкой посередине.

В заключение коснемся исторической географии Крымского побережья Азовского моря. Как известно, Клавдий Птолемей помещал в этом районе три населенных пункта: Парфеный, Зепонов Херсопес и Гераклий²³. Вряд ли можно сомневаться в том, что поселение на мысе Зюк отождествимо с Зеноновым Херсонесом²⁴. Местоположение и название (ἡ Χερσονήσος — полуостров, мыс) этого города достаточно красноречиво говорят в пользу этого предположения.

Сложнее дело обстоит с локализацией Гераклия. Возможно, им следует считать одно из более или менее крупных поселений на побережье от мыса Зюк до Казантипского залива²⁵. Поскольку большое городище, известное как Золотое Восточное, прекращает свое существование на рубеже II—I вв. до н. э.²⁶, можно предположить, что Гераклием является поселение на восточной оконечности «Генеральской бухты».

¹ *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора.— МИА, 1960, № 83, табл. XXXIV, 83.

² *Кастанаян Е. Г.* Лепная керамика Илурата.— МИА, 1958, № 85, с. 270, табл. III, 4.

³ *Кастанаян Е. Г.* Лепная керамика..., табл. III, 4, с. 271, рис. 1.

⁴ *Кругликова И. Т.* Раскопки поселения у д. Семеновка.— В кн.: Поселения и могильники Керченского полуострова начала нашей эры. М., 1970.

⁵ *Зеест И. Б.* Керамическая тара, табл. X, № 23(a), 24(a); табл. IX, 20(3); табл. XXI, 42, 43, 45; табл. XII, 26; *Брашинский И. Б.* Амфоры Мелды.— В кн.: Художественная культура и археология античного мира. М., 1976, табл. I, II, 5.

⁶ *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975, с. 134, 132; *Дирин А. А.* Мыс Зюк и сделанные на нем археологические находки.— ЗООИД, 1896, т. XIX, с. 126.

⁷ По-видимому, это то же самое поселение, часть которого получила название «Золотой Розок». *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора..., с. 77 и сл. Нижнюю хронологическую границу дают стакалообразные ножки амфор конца V—IV вв. до н. э. (*Зеест И. Б.* Керамическая тара, табл. XI, 24) и погребения VI—V вв. до н. э. в раскопке рядом могильнике. Верхнюю — находка синопского клейма II в. до н. э., и могилы этого же времени.

⁸ *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство..., с. 132.

⁹ Автору удалось получить лишь обло-

мок одной из них, относящейся к типу боспорских розовоглиняных амфор II—III вв. (*Зеест И. Б.* Керамическая тара..., табл. XXV, 84).

¹⁰ Раскопки могильника у с. Золотое велелье Восточно-Крымским отрядом с 1975 по 1977 г.

¹¹ *Лесков А. М.* Об остатках таврской культуры на Керченском полуострове.— СА, 1961, № 1, с. 259 и сл.; *Кругликова И. Т.* Каменные ящики у деревни Рыбное.— В кн.: Кавказ и восточная Европа в древности. М., 1973, с. 162 и сл.

¹² ОАК за 1894 г. с. 8, 9; *Дирин А. А.* Мыс Зюк и сделанные на нем археологические находки, с. 121—124.

¹³ ОАК за 1894 г., с. 9.

¹⁴ МАР за 17, с. 37.

¹⁵ КВШ, № 898—900.

¹⁶ Находки конца VI—V вв. до н. э. попадают на городище среди подъемного материала, в том числе горло хосской амфоры. (*Зеест И. Б.* Керамическая тара..., табл. III, 17).

¹⁷ *W. Worth.* Pontis, Paphlagonia.— BMC, London, 1889.

¹⁸ *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1938—1940 гг.— МИА, 1952, № 25, с. 54, 55; *Он же.* Виноделие на Боспоре.— МИА, 1958, № 85, с. 423 и сл.

¹⁹ *Зеест И. Б.* Керамическая тара..., табл. XXXVIII—XLI, 96—105.

²⁰ *Кузманов Г.* Ранневизантийская керамика от кастела на нос Калпакра.— Археология, София, 1978, 2, с. 21, 22, рис. 1, а — 3; 2, а — 3.

²¹ Подвески напоминают подобные украшения второй половины III—IV вв. н. э. из могильника у с. Заморское

- (Корпусова В. И. Сельское население позднеантичного Боспора.— Археология, Київ, 1973, 8, с. 34, рис. 4, 18).
- ²² Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора в VI—II вв. до н. э. М., 1956, табл. VI, 73.
- ²³ Ptol. III, 6, 4.
- ²⁴ Кругликова И. Т. Новые данные об исторической географии Крымского по-

бережья Азовского моря.— СА, 1958, XXVIII, с. 233.

- ²⁵ И. Т. Кругликова помещает Гераклий у восточного основания мыса Казантип.
- ²⁶ Кругликова И. Т. Поселение Золотое Восточное.— КСИИМК, 1957, вып. 70, с. 130 и сл.; Она же. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975, с. 99 и сл.

Н. Д. НЕСТЕРЕЧКО

КЛАДЫ ГОРГИППИИ

Анапский музей располагает довольно значительным количеством памятных античной нумизматики. Из них большую часть составляют клады, в разное время найденные на территории города и района. Многие из них были опубликованы Е. О. Прушевской, Д. Б. Шеловым, К. В. Голенко, Ю. С. Крушковой. Сообщения о находках новых кладов в Анапе и районе регулярно публиковались в научной печати сотрудником Анапского музея С. И. Саловым.

В настоящее время в Анапский музей поступило пять кладов античных медных монет, найденных за последние три года в городе и окрестностях.

Первый из них был найден в июне 1976 г. недалеко от Анапы в ущелье Куматырь. В ущелье сооружался комплекс прудов, при планировке берега одного из прудов ножом бульдозера был срезан слой дерна 20—25 см. В этом слое, видимо, находился горшок с монетами. Он был раздавлен и монеты растащены по берегу на 5—8 м. Через дель местный пастух нашел на этом месте несколько монет. Вдвоем с сыном он собрал около четырех сотен монет. Случайно об этом узнал сотрудник Новороссийского музея А. В. Дмитриев, приехал и забрал для своего музея 304 экз. Затем приехали сотрудники Анапского музея, исследовали место клада и собрали еще более сотни монет. Несколько десятков монет удалось получить у хуторян. К настоящему времени число монет, попавших в Анапский музей, составило 173 экз. Судя по расспросам хуторян, 40—50% клада утеряно для науки. Не удалось собрать и остатки горшка, в котором были монеты. По словам нашедшего среди медных монет клада было несколько серебряных, по описанию это пантикапейские драхмы II в. до н. э. Но увидеть их не удалось.

Монеты, попавшие в оба музея, все медные. Основную массу анапской части клада (76 экз. = 44%), как и новороссийской, составляют мелкие пантикапейские монеты с типами: Л. ст. — голова Аполлона вправо, об. ст. — лук в горите и под ним надпись ПАН. А. Н. Зограф датирует такие монеты 200—110 гг. до н. э. Д. Б. Шелов уточняет датировку первой половиной и серединой II в. до н. э. На втором месте в количественном отношении стоит группа мелкой фанагорийской меди (33 экз. = 20%) с типами: Л. ст. — голова бордатога сатира вправо, об. ст. — лук, стрела, надпись ФА. В Куматырском кладе много перечеканок: 19% от общего количества.

В основном это мелкая пантикапейская медь, спешно перечеканенная в фанагорийские монеты. Этот факт может свидетельствовать о предоставлении Митридатом Евпатором политических прав в частности права чеканки, Фанагории. Среди анапской части Куматырского клада есть несколько монет городов Южного Причерноморья. Это монеты Амиса и Таулар с типами: Л. ст. — голова в кожаном шлеме вправо, об. ст. — меч в познах с перевязью и Амасии с типами: Л. ст. — голова юноши вправо, об. ст. — рог изобилия, звезды, шапки Диоскуров. Само присутствие в боспорском кладе понтийской меди несомненно свидетельствует о ее свободном обращении на боспорском рынке. Наличие в кладе группы мелкой

боспорской меди, начавшей обращение еще ранее начала II в. до н. э. и паптикапейских монет с типами: восьмилучевая звезда — треножник, датируемых первой четвертью I в. до н. э., позволяет определить хронологический диапазон клада не более чем в 120—130 лет. Зарытие кладов на азиатском Боспоре в 80-х годах I в. до н. э. исследователи связывают с обострением политической ситуации в этом регионе.

Второй клад, найденный в августе 1977 г. у х. Фадеево, является самым крупным из античных кладов на азиатской части Боспора. В Анапский музей в настоящее время передано 1668 экз. монет этого клада. Фадеевский клад собран почти полностью, он представляет для науки большую ценность, являясь закрытым комплексом. История находки этого клада такова. В конце августа 1977 г. в Анапский музей рабочим совхоза «Восточный» Соловьевым были переданы 174 античные монеты. Выехавшие к месту находки сотрудники музея собрали в винограднике еще несколько сот монет. Вероятно, при подъеме плантажа горшок с монетами был вывернут на поверхность и раздавлен, при этом монеты были растянуты между виноградных рядов. Отдельные экземпляры монет были найдены на расстоянии 30—40 м от выборки основной части клада. Местонахождение основной части клада было определено по фрагментам красноглиняного толстостенного горшка, сконцентрированным на площадке около 15 кв. м. На отдельных черепках удалось проследить следы окисления от бронзовых монет. Площадка, на которой найден клад, была перекопана сотрудниками музея на глубину двух штыков, комья земли тщательно измельчены. К началу декабря 1977 г. мы считали, что клад выбран нами полностью, так как повторные перекопы земли на месте находки не выявили монет. Была начата предварительная обработка материала. Но в феврале 1978 г. в Анапский музей поступило сообщение, что у жителя ст. Гостагаевская Еремешко имеется около 400 монет из Фадеевского клада. Музею с помощью Анапской экспедиции АН СССР удалось купить эту часть клада.

Все 1668 монет Фадеевского клада бронзовые. Почти все монеты удалось определить, не определены в виду плохой сохранности 18 экз. Большая часть монет относительно хорошей сохранности, коррозированных монет в кладах мало. Фадеевский клад — клад длительного накопления. Самые ранние его монеты датируются началом IV в. до н. э., например монеты с типами: Л. ст. — голова бородатого Сатира вправо, об. ст. — голова лошади вправо, ΠΑΝΤΙ (по Д. Б. Шелову, 400—375 гг. до н. э.). Время зарытия клада определяется, как и в Куматырском кладах, наличием монет первой четверти I в. до н. э. Почти все монеты клада боспорские, всего 6 экз. — понтийские, (2 экз. — Синопа, 3 — Амис, 1 — Амасия). 502, или 31% от общего количества монет Фадеевского клада составляет группа мелких медных монет с типами: Аполлон и лук в горите. На втором месте в количественном отношении, как и в Куматырском кладах, — группа фанагорийской меди с бородатым Сатиром и луком со стрелой. Большинство монет этого типа носят следы перечеканки из других монет. Следует отметить также большие колебания в весе этих фанагорийских монет (от 7,5—0,4 г). Очевидно, прав Д. Б. Шелов, считающий что эту однотипную серию следует разбить хронологически. На третьем месте — перечеканенные паптикапейские монеты (178 экз.). Тщательная обработка этой группы боспорской меди может уточнить время выпуска некоторых серий, широко представленных в Фадеевском кладах. Это мелкие паптикапейские монеты, чеканенные в конце III или во II в. до н. э. с типами: голова быка — плуг, голова Аполлона — венок, голова Аполлона — дельфин и др. Дальнейшая обработка и публикация Фадеевского клада будет иметь большое значение для экономики и истории Боспора.

Третий клад был найден в сентябре 1977 г. в Анапе, на ул. Гребенской. Рабочие прокладывали телефонный кабель и обнаружили клад медных монет. Большую часть из них растащили ребята. Удалось собрать около 70% монет. Позже, после ряда бесед, проведенных с учениками, ре-

бята сами стали приносить монеты в музей. В настоящее время в Анапском музее хранится 1050 экз.

Почти все монеты клада одготиппы, имеют зазубрины и следы литников. Л. ст.—голова безбородого Сатира, об. ст.—лук, стрела, надпись ПАН. Пять монет имеют следы перечеканки с типами: голова Аполлона и трепожник. Подобные клады паходили в Анапе и раньше. Один из них опубликован Е. О. Прушевской в 1945 г., другой, пайденный в 1954 г., издан Д. Б. Шеловым. В Гребепском кладе, в отличие от клада 1954 г., нет царских монет Левкона II, следовательно, он зарыт несколько раньше.

Четвертый клад происходит из Гайкодзора. В сентябре 1977 г. в винограднике пикольники папали 30 монет и передали в Анапский музей. К месту паходки выехали сотрудники Анапского музея и собрали еще 52 монеты. При этом они установили, что в 30—40 м выше по склону горы в марте 1972 г. был найден такой же клад позднбоспорских статеров III—IV в. п. э. Было высказано предположение, что найденные монеты—это часть клада 1972 г., которая не была выбрана. А. И. Салов опубликовавший клад 1972 г., считает, что часть монет могла быть смыта дождями к подножию горы и поэтому в 1972 г. осталась незамеченной. К сожалению, не удалось встретиться с трактористом, — нашедшим клад 1972 г., так как к этому времени он выехал из Гайкодзора.

В целом, сопоставляя клады 1972 г. (233 экз.) и 1977 г. (116 экз.), необходимо отметить их идентичность. Оба клада хорошо сохранились, большинство монет покрыто ровным слоем патины темно-зеленого цвета. Как и клад 1972 г., клад 1977 г. представлен статерами трех последних царей Боспора: Фофорс — 44 экз., Радамсад — 5 экз., Рескупорид VI — 52 экз. Сходство с первым кладом дополняет и наличие в кладе 1977 г. 3 экз. варварских подражаний римским дипариям. Все 3 экз. биллоновые. Если следовать классификации, данной Л. Н. Казамаповой и В. В. Кропоткиным, эти монеты можно отнести ко второй группе подражаний. Вторичная находка варварских подражаний совместно с боспорскими монетами, на пап взгляд, опровергает установленное мнение, будто на Боспоре они не имели хождения. Вероятно, на определенном этапе они участвовали в денежном обращении Боспора, в основном в азиатской его части.

Сходство Гайкодзорских кладов с другими многочисленными кладами из Патрея, Кеи, Тиритакп убеждает в том, что все они были зарыты внезапно и в одно время. По мнению Н. И. Сокольского, Кеиский клад был зарыт во время папшествия гуинов. Возможно, что и зарытие Гайкодзорских кладов было связано с событиями, происходившими на Боспоре в 70-е годы IV в. п. э.

Пятый клад был найден в августе 1978 г. на территории Анапского археологического заповедника во время работы Анапской экспедиции. При зачистке степ одного античного помещения был обнаружен клад медных боспорских монет в количестве 33 экз. Хронологический диапазон клада определяется чеканкой Агриппии — Фанагории (14—8 гг. до н. э.) и группой дупондиев Котия II (123—132 гг. п. э.). Все монеты были покрыты толстым слоем патины и сажи. Кроме указанных фанагорийских монет, клад представлен эмиссиями пяти боспорских царей: Аспург (10—38 гг.) — 2 экз.; Котий I (45—62 гг.) — 4 экз.; из них две с именем Гишепширии; Рескупорид II (68—92 гг.) — 4 экз.; Савромат I (93—123 гг.) — 16 экз.; Котий II (123—132 гг.) — 2 экз. Необходимо отметить, что подобных кладов на территории Горгииии до сих пор пайдено не было.

ПОСЕЛЕНИЕ У Д. ИЛЬИЧ

У основания косы Чушка расположен поселок Ильич, принадлежащий виноградарскому совхозу «Азовский». На северо-восточной окраине поселка возвышается холм высотой 7 м и площадью 0,72 га (90×80 м).

Центральная часть холма — чашеобразное углубление, края этой чаши имеют вид вала с довольно крутыми внешними стенками. Лишь с юга, со стороны поселка имеется пологий спуск, въезд на «курган», так пазывают крепость местные жители (рис. 1). Поверхность холма глубиной до 1,5 м изрезана окопами, ходами сообщений, площадками для орудий, воронками от снарядов. Кроме того, при строительстве поселка местные жители выбирали камень из древних построек, брали глину из подножия холма для сырцовых кирпичей. В юго-восточной части крепости была построена печь для обжига извести, на северо-западе — бойня, вдоль северной стороны крепости проложена траншея для силоса. Большая часть территории городища вокруг крепости в настоящее время распахана.

Холм крепости на расстоянии 50—80 м окружен невысокими грядами, частично уничтоженными при строительстве. Они являются остатками земляного вала, воздвигнутого на рубеже п. э., позднее используемого для свалки. Рвов вокруг вала пока обнаружить не удалось. Однако к востоку от городища Н. И. Сокольским обнаружены на протяжении 1850 м остатки рва, т. е. внешней системы укреплений Ильичевского городища, защищающей поселение от нападения с суши.

Холм Ильичевского городища — это цитадель, построенная из камня и сырцового кирпича.

Вокруг цитадели в пределах земляных валов было поселение. Цитадель или крепость построена на рубеже I в. до н. э. — I в. н. э. в системе укреплений всего Фопталовского полуострова, и даже, по-видимому, всего Таманского п-ва, о чем говорят археологические работы В. С. Долгорукова, Ю. М. Десятчикова¹ и др. Возникнув в тревожное время и занимая важное стратегическое положение у берега Керченского пролива, крепость просуществовала непрерывно около 700 лет. Она подвергалась неоднократному разрушению и вновь отстраивалась. В последний период существования поселения в V—VII вв. его заселяли, по-видимому, федераты, нанятые византийскими императорами для охраны границ империи от многочисленных варварских племен.

Ильичевское городище издавна привлекало внимание исследователей. Паллас предполагал в нем древний Ахиллейон, Дюбуа — Киммерикоп. Городищем интересовались Я. М. Лазаревский и В. Г. Тизенгаузен². Последний даже предпринял раскопки на северо-западном краю укрепления. К. Герц отметил городище на своей карте Таманского полуострова³. Большое внимание уделил городищу А. С. Башкиров, который считал, что «детальное обследование данного пункта чрезвычайно необходимо»⁴. В 1949 г. Д. Б. Шелов обследовал городище, заложили шурфы, сделали топографический план местности, выяснили хронологические рамки поселения. Однако планомерное изучение городища началось лишь в 1964 г. работами Таманской экспедиции ИА АН СССР под руководством Н. И. Сокольского. За период 1964—1967 гг. вскрыто 425 м² площади, открыты части оборонительной стены крепости и 10 помещений, примыкающих к этой стене. В 1974 г. работы на городище возобновились и продолжаются до настоящего времени. Общая площадь раскопанной территории за все годы равна 831 м².

На городище зафиксированы остатки шести культурных пластов — от I в. до н. э. по VII—IX вв. Однако слои VII—IX вв. слишком фрагментарны и почти не выделяются стратиграфически. Весь верхний слой глубиной до 1 м испорчен плантажной вспашкой и перекопами. По-видимому, поселение в VII—IX вв. существовало в очень ограниченных пределах. Об этом говорит и очень малое количество находок этого времени.

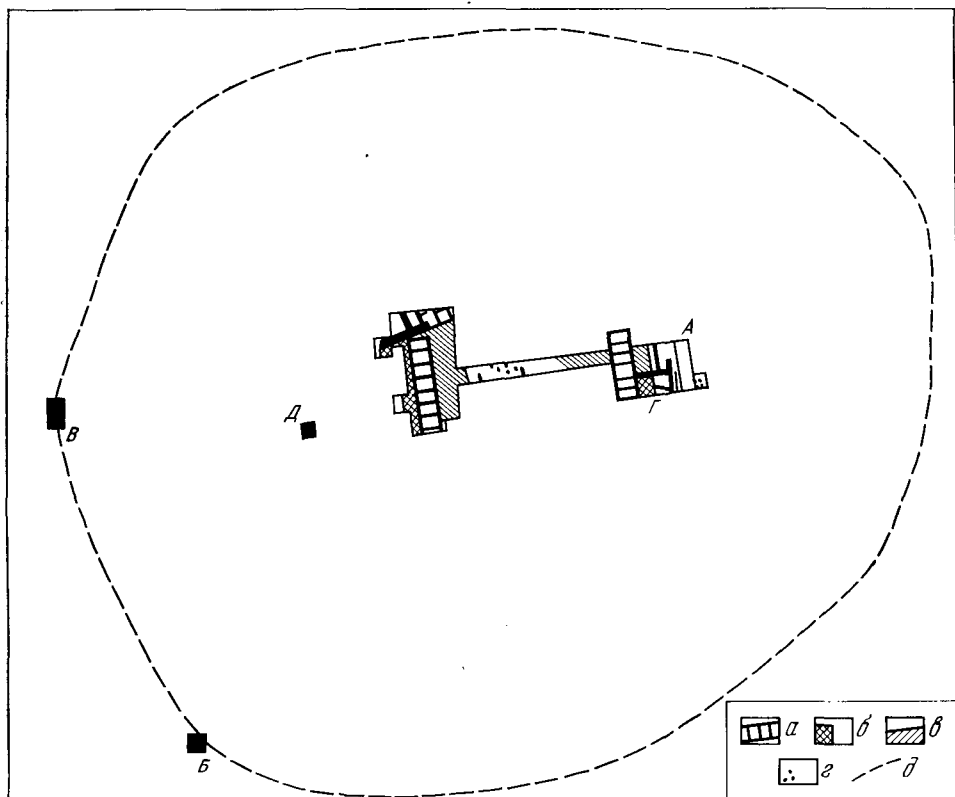

Рис. 1. Поселение у дер. Ильич

a — помещение; *б* — вымостка двора; *e* — сырцовый кирпич; *e* — пифосы; *θ* — линия вала; А—Д — раскопы

К первому культурному слою и первому периоду относится оборонительная стена крепости. В 1966 г. на пл. X удалось получить поперечный разрез западной оборонительной стены (№ 9) крепости. Выяснилось, что эта стена толщиной 2,40–2,45 м, ориентированная север—юг, относится к раннему периоду. Ее камешный фундамент, на котором лежала сырцовокирпичная кладка, сложен из ракушечника разной величины с плоской поверхностью. Высота фундамента 0,40 м, высота сырцовокирпичной кладки 1,80 м, размер сырцовых кирпичей $0,52 \times 0,52 \times 0,07$ м. Открыта и одновременная ей северная стена крепости № 55.

Выртык к стене № 9 с внешней стороны примыкает сырцовая кладка № 11, сохранившаяся в высоту 1,30 м. Она сложена без фундамента из таких же кирпичей, как и стена № 9, ширина в основании, вероятно, достигала 2,20–2,30 м. П. И. Соколовский⁵ пришел к выводу, что кладка № 11 — дополнительный к стене № 9 внешний откос, аналогичный сырцовокирпичным откосам крепости Батарейка II. Фундамент стены № 9 лежит на плотной коричневоглиняной искусственной подушке, а стена № 11 — на суглинке с обломками сырцовых кирпичей. Ниже этого суглинка идет пласт супсеп, почти чистого песка, с немногими обломками керамики. Эта керамика и материал из осеши на подошве стены и ниже относятся к I в. до н. э. Среди находок в слое — ручки косских амфор и двустольные светлоглиняные, обломки эллинистической черепицы, фрагменты сосудов, покрытых бурым эллинистическим лаком, обломок черпачкового сосуда. Дата слоя, таким образом, определяется I в. до н. э. — I в. н. э.

Ко второму периоду в истории укрепления и ко второму культурному слою относится мощная стена № 39, по-видимому, от угловой башни. Сохранилась лишь средняя часть каменного фундамента длиной 6,60 м, шириной 1,80 м с остатками сырцовых кирпичей на нем. Высота стены

0,70—0,80 м. Кладка сложена из крупных камней иногда вторичного использования. Так, например, здесь были обнаружены надгробие со сценой заупокойной трапезы и часть другого надгробия. Фундамент башни лежит на культурном слое, содержащем обломки сырцовых кирпичей. Слой, современный ступе № 39, — желто-коричневый суглинок, содержит материал, аналогичный находкам в слое пожара на Батарейках I и II^о, амфоры «слоистой» глины, светлоглиняные узкогорлые I в. п. э., фрагменты краснолаковых сосудов I—II вв.

К *третьему слою* относятся отложения III—IV вв., зафиксированные ниже дворовой вымостки № 35. Здесь найдены большие амфоры красной глины IV в., узкогорлые светлоглиняные амфоры с массивными ручками, блюда краснолаковые с высокими краями⁷. К этому же слою относятся открытые в 1967 г. фундаменты стен 61 и 62.

К *четвертому слою*, лучше сохранившемуся и исследованному на большой площади, относятся все жилые помещения и дворы поселка V—VI вв., примыкавшие с внутренней стороны к массиву сырцовокирпичной оборонительной стены, и башня на восточном краю цитадели. При строительстве этих помещений внутренний панцирь сырцовой стены был срезан со стороны помещений на толщину до 1 м и вместо него положена каменная кладка.

Камни, использованные при строительстве стен, часто вторичного или третичного использования. Это известняковые блоки, глыбы булыжника и железняка, плиты песчаника и обломки надгробий и даже мраморных блюд. Часто для выравнивания горизонта стены, например под сырцовокирпичную застройку, применялись обломки черепицы и крупные фрагменты керамики. Кладка стен довольно аккуратна, камни плотно укладывались на глиняном растворе. Внешние стены помещений, т. е. та, что была врезана в оборонительную стену, и вторая, выходившая внутрь крепости, отличались от стен, являвшихся перегородками между помещениями. По-видимому, первые стены были сложены из камня целиком, вторые были каменными лишь в нижней части, заглубленной в землю. Верхняя наземная их часть возводилась из сырцового кирпича размером 0,39×0,39×0,08 м и обмазывалась глиной. Обмазкой были покрыты и нижние каменные части стен. При этом обмазка стен плавно переходила в подмазку глинобитного пола.

В кладках внешних стен часто встречаются подтесанные камни и даже хорошие большие блоки, употреблявшиеся главным образом для оформления дверных проемов и в углах помещений. В стенах-перегородках камень попроще, помельче, часто необработан. Но подогнан очень тщательно. Плиты порогов, ведущих в помещения со двора, сильно стертые в их центральной части.

Часто во внешних стенах сооружались различного рода погребки, ниши, рабочие столики. Иногда они строились одновременно со стеной, как ниша в помещении XVI, в которой стоял сосуд с тремя сквозными отверстиями в нижней части тулова. Иногда со временем часть камней из стены выбиралась и, таким образом, оставалось нечто вроде погребка, куда ставились амфоры или другие сосуды. В подобном, по разрушенному сооружению в помещении XI были найдены целые и раздавленные стеклянные сосуды. Иногда из толщи стены выдавался рабочий столик у печки, как в помещении VIII.

Восемь помещений имеют форму вытянутого прямоугольника (редко — трапеции) площадью около 10—11 м², три (помещения IV, IX и XIII—XIV) имеют почти квадратную форму, т. е. размер двойного помещения около 20 м². Эти помещения не имеют печей, ступ, жерновов. Одно из них служило бапей, два других, по-видимому, были трапезными.

В северо-западном углу помещения IV, правда, была печь; но вдоль всей северной стенки от печи тянулась каменная скамья длиной 2 м.

В помещении XIII—XIV найдена главным образом столовая посуда и 36 позднебоспорских статуров⁸, разбросанные на площади около 1 кв. м. Помещение IX, по-видимому, являлось баней. Там посередине была боль-

шая яма, близкая по форме современной ванне, заполненная мелким булыжником. Поверх него прослежены остатки обгоревших веток и зола.

Баня работала по принципу скифских бань, описанных Геродотом: камни пакалялись, на них лили воду и получалась парная. Это один из доводов в пользу утверждения о варварском населении Ильичевки. Малые помещения имели сугубо хозяйственное назначение. В них находились печи, жернова, ступы и крупная тара — амфоры, пифосы, корчаги. В пифосах и больших амфорах хранили зерно. Их вкапывали в пол помещения обычно до самого вешца и покрывали плоскими каменными крышками иногда с отверстием в центре.

Остальные амфоры ставились в небольшие ямки или глиняные подставки, часто из необожженной глины. Лепные горшки и кувшины стояли на каменных столиках или просто на полу. Возможно, имелись и какие-либо деревянные полки. Для мелких вещей и светильников в сырцовых частях степ были устроены небольшие ниши.

При зачистке верхней поверхности северной стены помещения XV выявлены сырцы размером $0,40 \times 0,40 \times 0,08$ м и сырцы половинного размера. Приблизительно посередине стены внутри помещения XV в одном из сырцовых кирпичей обнаружена выемка — ниша с обгоревшими краями. На ее дне лежали 2 позднебоспорские медные монеты одна на другой.

Еще одна ниша обнаружена в южной стене помещения на высоте 2 м от пола. Она была заложена обломком сырцового кирпича. У восточной стенки ниши обнаружено бронзовое пластинчатое колечко, посередине — бронзовый колокольчик с железным язычком, у западной стенки — обломок стеклянного сосуда (лампады?), птичья косточка и обгоревшее дерево.

Все эти помещения, по-видимому, имели вторые этажи.

Надо полагать, что столовая посуда, например краснолаковые блюда, стеклянные сосуды, украшения и другие упали в наши помещения, когда обрушился второй этаж, где находились жилые помещения.

Некоторые жилища имели камышовые крыши, обмазанные глиной и утепленные слоем камки.

Так, все помещение XII было сплошь завалено огромными глыбами обгоревшей глины, сырцовых кирпичей и целыми блоками сырцовокирпичных стен. Ярко-оранжевый цвет заполнения помещения перемежался с черным цветом пятеп сажи и пепельно-серым цветом золы. При разборе этого завала выяснена конструкция перекрытий помещения. На верхние, сырцово-кирпичные части стен укладывался слой глины около 30 см толщиной, на котором крепились деревянные слези (слезка утопленные в глину). На деревянные перекрытия настилался слой камыша и камки, который вновь перекрывался слоем глины. Найдены глыбы с отпечатками деревянных слез и камыша.

Другие помещения имели черепичные кровли, причем черепица употреблялась самая разная, иногда собранная из разрушенных построек.

Встречаются даже эллипстические боспорские солены и двускатные калптеры. Но главным образом представляла черепица местного изготовления — довольно массивные плоские солены и полукруглые калптеры.

Из нижнего, полуподвального помещения несколько ступеней ведут во двор.

Участков двора раскопано не так много, но ясно, что он был мощен небольшими камнями с применением крупных обломков керамики.

Из 15 раскопанных на Ильичевке помещений, 11 имеют печи в одном из углов. Лишь в помещениях X, XI и XIII—XIV печей не было совсем, а в помещении XV был очаг из поставленных на ребро сырцовых кирпичей.

Лучше всего сохранились печи в I, III и V помещениях. Они дают возможность реконструировать печь с духовкой, которая является как бы вторым ярусом. В этих печах сохранились плиты перекрытий, одна из которых снабжена ручками, что говорит о том, что плиты были съемными.

Все печи построены из стоящих на ребре сырцовых кирпичей, густо обмазанных глиной. Поскольку печи всегда помещались в углу, две ее

стенки плотно примыкают к стенам помещения и хорошо обмазаны и забутованы глиной. Размеры печей колеблются от 1,3 до 1,8 м длины и до 0,80—1 м ширины. Наибольшая сохранившаяся высота — 1 м. Все они четырехугольной формы, аркообразное устье расположено с длинной стороны. Плиты перекрытия держатся на трех опорах, выступающих из трех стенок печи.

Одна из печей (помещение XII) имеет пристройку, припечек в северо-западном углу, рядом с устьем. Это сооружение размером 0,40×0,40×0,40 м, т. е. в один сырцовый кирпич по ширине, длине и высоте. Это сооружение типа духовки было перекрыто плитой толщиной 0,04 м, обломки которой завалились.

Иногда рядом с печью находилась зольная яма. Очень часто в районе печи попадаются скопления глиняных пирамидальных подставок, обожженных, плохо обожженных и совсем необожженных. Иногда эти подставки имели метки в виде креста на верхней поверхности. Одна из подставок украшена геометрическим орнаментом и рельефным изображением головы быка. Хорошая реконструкция печи дана Н. И. Сокольским⁹.

Подставки эти действительно могли служить подставками для шампуров, на которых вялили или коптили рыбу, или мясо. Но плиты печных перекрытий не лежали на этих подставках, они были гораздо выше и покоились на специальных выступах (печь 16, помещение III, печь 43, помещение V).

В некоторых помещениях (III, VI, VII) обнаружены рогатые кирпичи, также печные подставки — стилизованные изображения голов быка (или барана?). Это крупные подставки для сосудов. Возможно, эти подставки появились в Ильичевке вместе с племенами, переселившимися из Средней Азии. В помещении VI, например, такая подставка найдена вместе с глиняным котлом, который также имеет аналогии в Средней Азии (на территории Киргизии и Казахстана)¹⁰.

Значительно хуже изучены плохо сохранившиеся напластования более позднего времени — слой 5-й и 6-й. *С пятым слоем*, относящимся к VII в., можно связать остатки помещения на восточном краю крепости.

В шестом верхнем слое лежат остатки поселения VIII—IX вв., обнаруженные на западном краю крепости. Этот слой начинается с самой поверхности. Грунт его — серо-коричневый суглилок с пятнами глины и золы, а также большим количеством камней от разрушенных построек. Мощность слоя неравномерна — от 0,40 в восточной части до 1,20 м в западной части. Слой сильно нарушен перекопами, ямами и т. д. К строительным остаткам относятся: фундамент № 12 — однорядный, фундамент № 32 длиной 2,05 м, шириной 0,45, высотой 0,30 м и фундамент 60 (1967), сложенные в «елочку», каменная мостовая № 33 и яма зерновая, грушевидной формы, диаметром и глубиной 1,80 м, со ступками, обмазанными глиной. В слое обнаружены также 2 плоскодонных красноглиняных пифоса. Диаметр тулова одного из них — 1,30 м; другого — 0,95. К этому же слою относятся и 3 пифоса, раскопанные в 1964 г.

Находок в слое немного, главным образом V—VI вв., по слой датируют VIII—IX вв. амфоры с высоко поднятыми ручками и отложным венцом, обломки черносмоленных кувшинов, лепные горшки с бороздчатым орнаментом.

В 1974 г. была заложена трапезная, пересекающая крепость с запада на восток. Выяснилось, что в последний период существования крепости почти вся площадь внутри крепостных сооружений была вымощена мелким камнем, т. е. была общим двором. Однако, разобрав часть этой вымощки в местах наиболее плохо сохранившихся, мы обнаружили, что она перекрывает ряд помещений, судя по находкам, не ранее 2-й половины IV в. Это свидетельствует о том, что в IV в. цитадель имела не один пояс помещений.

Мы пока не можем сказать, что представлял собой центр крепости. Вполне возможно, что это был просто монетный двор, куда стояли если

не весь скот, то по крайней мере лошадей па время нападений неприятеля. Здесь же спасалось, по-видимому, и окрестное население.

Не исключена возможность, что внутри цитадели находилась небольшая базилика. В пользу этого предположения можно привести находки архитектурных деталей в верхнем слое раскопа, фрагментов кадила. Вряд ли явно христианское население могло обойтись без церкви и вряд ли базилику, в которой несомненно должны были быть дорогие вещи, в тревожные времена могли оставить за пределами укрывий. Поселение погибло в результате внезапного нападения и было сожжено. Пожар ужасающей силы бушевал в крепости. Потрескалась и облетела обмазка стен, камни прокалились докрасна, ошлаковались стеклянные и даже керамические сосуды. Железный гвоздь, попавший на дно бежевоглиняного блюда, прикипел к нему так, что до сих пор его не удалось отделить. Слой пожараща достигает 1,5 м.

Время гибели поселения помогает уточнить клад монет, найденный в одном из помещений. Клад этот состоит из позднебоспорских медных монет III—IV вв. н. э. и золотых монет Юстициана, т. е. середина VI в. н. э. Последняя монета относится к 565 г. Вполне возможно, что поселение погибло в результате нападения тюркютов в 70-х годах VI в., т. е. в то время, когда был взят Боспор. Основным занятием населения крепости у пос. Ильич было, конечно, занятие военной службы. Но в свободное время оно занималось земледелием, о чем говорит находки сельскохозяйственных орудий (лемехов, серпов, виноградных ножей) и жерновов, а также зерна, яблок, грецких орехов. Не последнюю роль играло рыболовство и скотоводство. Найдены сети, поплавки, рыболовные крючки и грузила, а также кости и чешуя рыбы островных пород, хамсы и камбалы, кости домашних животных. Из ремесел в первую очередь нужно назвать гончарное, затем производство стеклянных и металлических изделий, изделий из кости (находки плаков, бракованных изделий, тиглей, заготовок и т. д.). О прядении и ткачестве говорит большое количество разнообразных пряслиц.

¹ Результаты этих работ еще не опубликованы.

² ОАК за 1870 г., XIII—XIV. СПб., 1974.

³ Герц К. К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. М., 1876; *Он же*. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870.

⁴ Ваширов А. С. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 года.—ТЭАМ. М., 1927.

⁵ Сокольский Н. И. Отчет о работах Таманской экспедиции в 1966 г.—Архив ИА, Р-1, № 3262, с. 44, 45.

⁶ Сокольский Н. И. Отчеты о работах Таманской экспедиции в 1964 г. и 1965 г.—Архив ИА, Р-1, № 2864, 3134; Долгоруков В. С. Позднеантичное поселение на городище Батарейка II.—КСИА. 1967, вып. 109, с. 122.

⁷ Клипович Т. И. Краснолаковая керамика первых веков н. э.—МИА, 1852, № 25, с. 319, рис. 12.

⁸ Монеты находятся в процессе обработки.

⁹ Сокольский Н. И. Ильичевское городище.—СА, 1966, № 4, с. 137.

¹⁰ Брыкина Г. А. Карабулак. М., 1974, с. 36, рис. 33, л. 4.

Н. А. ОНАЙКО, А. В. ДМИТРИЕВ

УКРЕПЛЕННОЕ ЗДАНИЕ В АНТИЧНОМ ПОСЕЛЕНИИ У С. ВЛАДИМИРОВКА БЛИЗ НОВОРОССИЙСКА

В течение последних десятилетий в окрестностях современного Новороссийска, на юго-восточной окраине древнего Боспора, ведутся планомерные археологические исследования, в результате которых открыт ряд античных поселений. Одни из них пока только учтены на археологической карте района¹, другие в той или иной мере раскапывались. Среди последних выделяются поселения на Малой земле и в Широкой балке². Это прибрежные поселения, тесно связанные с одним из античных центров Северо-Восточного Понта — Батами³.

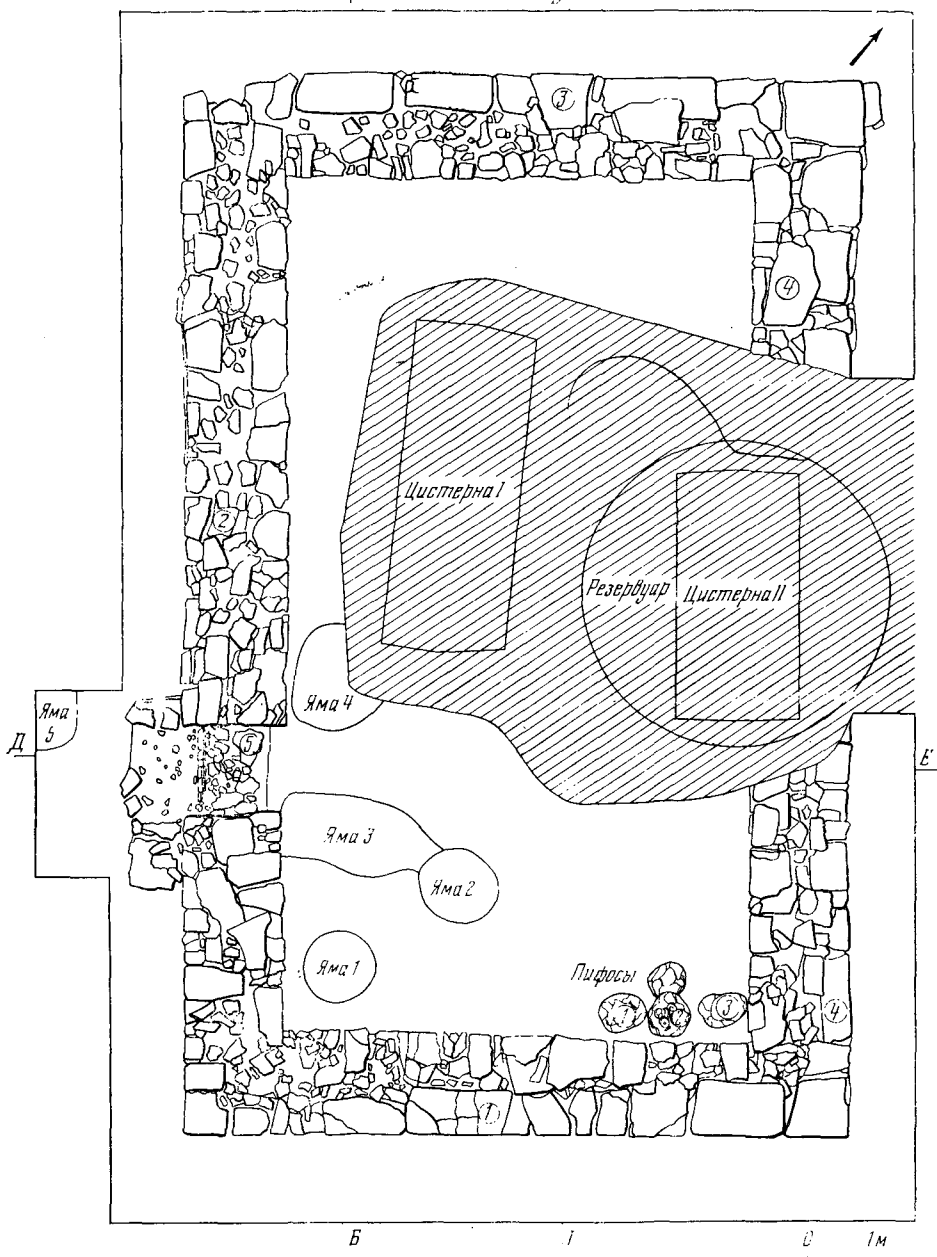

Рис. 1. План древнего здания. Владимировка 1971, 1977

С 1977 г. Новороссийско-Геленджикская экспедиция ИА АН СССР сосредоточила свое внимание на поселениях, расположенных в глубине материка в Цемесской долине на значительном расстоянии от Новороссийской бухты. Одно из них находится на территории с. Владимировка (животноводческая ферма совхоза «Новороссийский»), недалеко от Новороссийска⁴. Оно основано на левом берегу р. Цемес, на небольшой возвышенности. Его площадь 250×100 м, культурные напластования достигают 1 м толщины. Наиболее мощный слой — рубежа и первого века нашей эры. В разведочных шурфах и в бортах силосных ям здесь зафиксированы зерновые ямы грушевидной формы, содержащие культурные остатки этого времени. А под единственной возвышенностью (высотой до 3 м) обнаружены руины большого каменного здания с мощными стенами (рис. 1, 4).

Прямоугольное в плане здание занимало 198 м^2 . Однако полностью

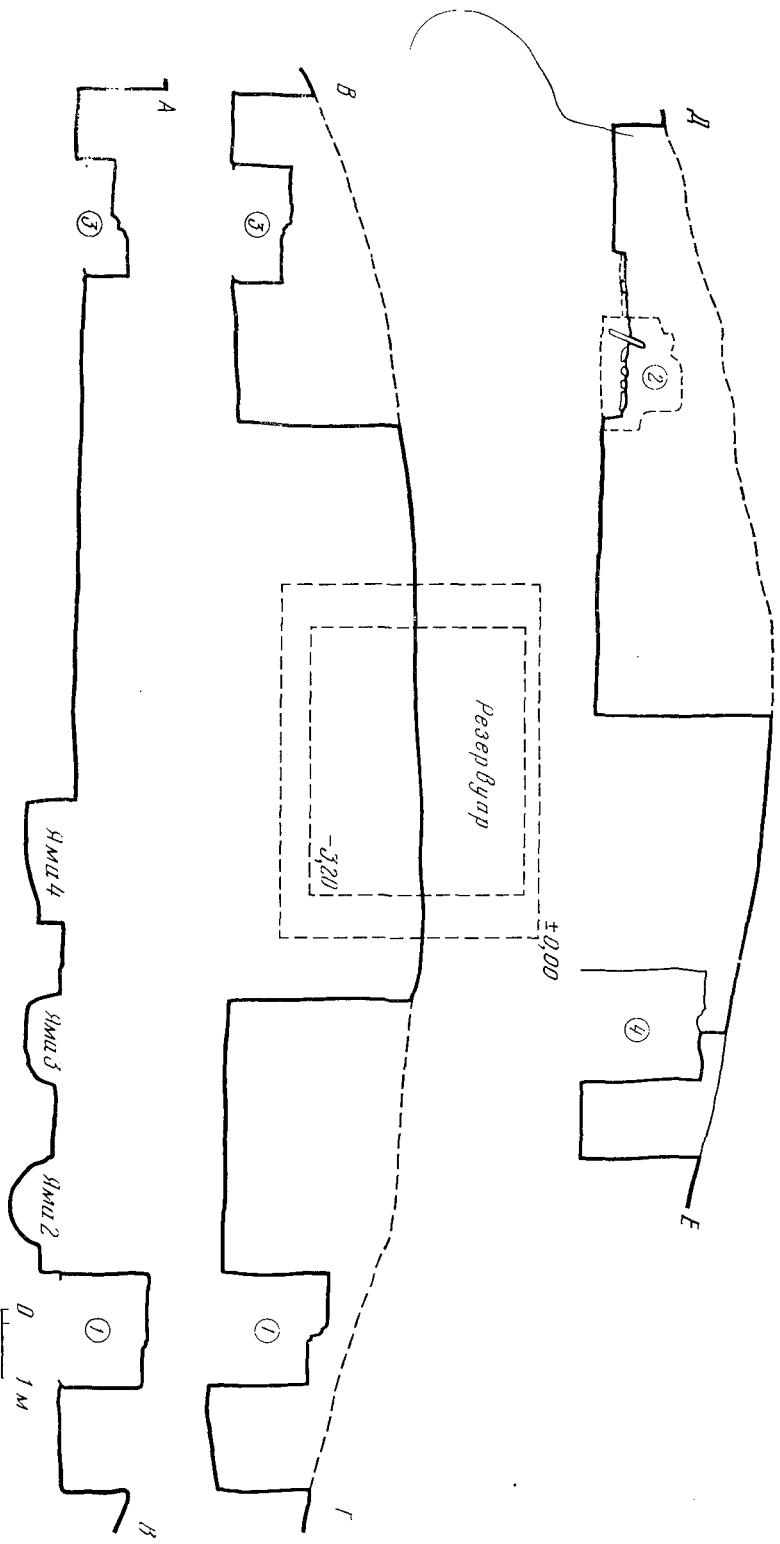

Рис. 2. Разрезы по линиям: АБ, ВГ, ДЕ

Рис. 3. Южный угол здания. Проход в юго-западной стене

Рис. 4. Юго-восточная половина здания

вскрыть его не удалось: помешали цистерны для хранения воды, которые оказались установленными на возвышенности над центральной частью здания. В связи с этим нераскрытой осталась и центральная часть северо-восточной стены здания длиной в 7 м. Таким образом, из всей площади здания внутри стен раскопано примерно 45 м². Раскопки здания с внешней его стороны были ограничены траншеями шириной в 1–1,20 м, за исключением уже отмеченного отрезка северо-восточной стены (рис. 1, заштрихованная часть). Небольшая ширина траншей диктовалась тем, что за пределами здания почти не встречалось находок. У юго-западной стены здания была сделана небольшая прирезка (3×1,40 м) для полного выявления преддверия в проходе этой стены.

Прямоугольное в плане здание ориентировано углами по странам света. Оно построено из местного необработанного или грубо обработанного песчаника на глинистом растворе. В забутовке стен встречается мергель. В кладке северо-восточной стены, в восточном углу здания, а также в за-

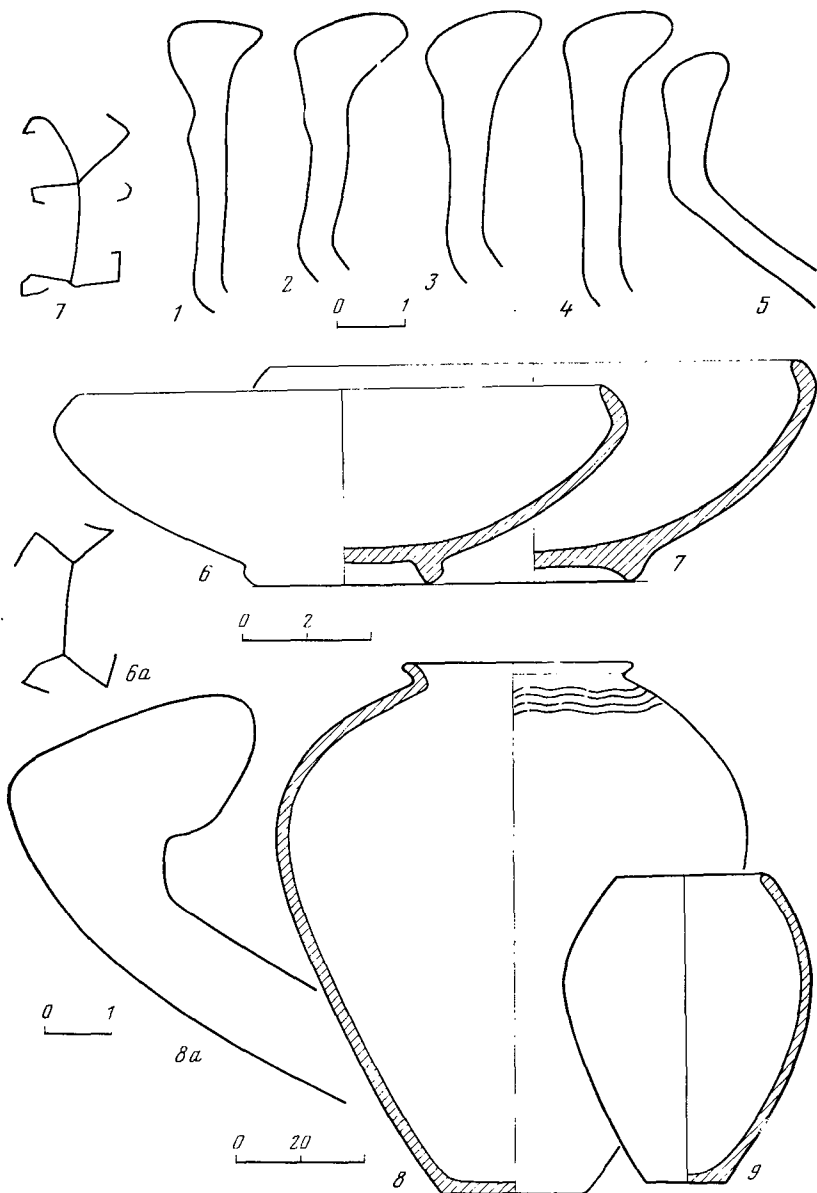
валах разрушенных стен внутри здания замечен ракушечник. Этот камень, безусловно, привозной, из Крыма или более близких к Новороссийску районов Таманского полуострова. Он взят там скорее всего из более древних построек и представляет строительный материал вторичного использования. Плиты песчаника достигают огромных размеров, особенно в углах здания (1,30×1×0,45 м). Для внешних фасадов стен также использован более крупный камень. Сохранность стен в общем хорошая. Хуже всего сохранился западный угол здания. Сравнительно небольшую высоту имеют северный и восточный углы. Наибольшая высота стен 1,70 м, толщина до 1,70 м.

Стены здания тщательно выложены, особенно внешние их фасады. В кладках юго-восточной и северо-восточной стен четко выделяется равномерное чередование крупных блоков и мелких тонких плит — прокладок между ними. Все стены сложены впереплет. Особенно тщательно эта техника кладки стен соблюдалась с внешней стороны углов здания. С внутренней же стороны помещения камень одной стены иногда ставился впритык к другой, но уже следующие камни над ними клались впереплет. Здание построено на материке. Нижний ряд камней кое-где вышущен в материк на глубину до 0,12 м.

Вход в здание был в юго-западной его стене, со стороны обрыва к реке. Ширина проема двери 1,50 м. Порог построен не на материке, а на культурном слое (толщина до 0,40 м), состоящем из прослойки мусорного грунта и находящегося под ней горелого гуммированного суглинка. В этом слое найдены обломки глиняной посуды и кости животных. Среди первых обращает на себя внимание обломки кувшина с бурой обмазкой — посуды боспорского производства II—I вв. до н. э. От порога сохранились лишь две плоские облицовочные плиты и забутовка. С внешней стороны порог был обрамлен вертикально поставленной большой плитой из серого песчаника. Ниже верхнего края этой плиты на глубине 0,20 м, т. е. ниже верхнего горизонта дверного порога, перед входом, располагалась входная площадка. Она занимала площадь 3,10×1 м и имела высоту до 0,25 м. От этой площадки до нас дошло несколько плоских плит и забутовка. С северо-западной ее стороны сохранились две облицовочные плоские плиты, поставленные на ребро, впритык к внешнему фасаду юго-западной стены здания.

Следов внутренних стен в здании не обнаружено. Пол был, по-видимому, земляным и не имел ровной горизонтальной поверхности, а был несколько покатым к юго-восточной части помещения. В южном углу помещения зафиксированы четыре небольшие ямы круглой (диаметр до 1,20 м), округлой (1,70×1,80 м) и удлиненной (2,60×1,20 м) в плане формы. Ямы неглубокие, от 0,45 до 0,65 м; все они были вырыты в материке и заполнены обычным для этого здания грунтом. Яма 2 содержала куски обгоревшей глины с золой и углем. Подобная яма 5 частично зачищена и за пределами здания, напротив входа в него. В восточном углу помещения обнаружены нижние части трех красноглиняных пифосов (рис. 5, 8). Внутри пифосов лежали обрушившиеся их верхние степки. В пифосе № 2 верхние его части покоились на слое угля. Под ним лежал раздавленный лепной горшок и 14 сероглиняных мисок небольшого размера. Некоторые из них были раздавлены, но их удалось склеить. Все миски снабжены тамгообразными знаками, процарапанными на их доньях (рис. 5, 6, 7). Тринадцать из этих знаков одинаковые, они повторяют знак, известный на горгинопольских кирпичках (англифическое клеймо)⁵ и на монетах Аспурга⁶.

Кроме этих находок, внутри здания, особенно в юго-восточной его половине, найдены обломки других пифосов (красноглиняных и светлоглиняных), амфор типа Яблоповской с двустольными ручками, типа Елизаветинских и италийских II—I вв. до н. э., а также обломки светлоглиняных амфор с двустольными ручками I в. до н. э.—I в. н. э.⁷ Простая посуда представлена обломками сероглиняных мисок (рис. 5, 1—5), кувшинов и кафаров того же времени. Склеенные обломки лепной керамики

Рис. 5. Керамика

1—5 — венчики сероглиняных мисок; 6, 7 — сероглиняные миски с тамгообразными знаками; 8 — пифос и венчик от него; 9 — лепной горшок

указывают на бытование горшков баночной формы с загнутыми или отогнутыми наружу венчиками с плоским дном (рис. 5, 9). Отметим также обломки посуды боспорского производства II—I вв. до н. э. с бурой обмазкой и белыми узорами. Встречались единичные обломки пирамидальных грузил. Судя по этим и другим, отмеченным выше данным, Владимировское здание существовало с конца II—I в. до н. э. по I в. н. э. Миски с личным знаком Аспурга могут быть датированы временем правления этого царя, 14—37 гг.⁸

Владимировское здание погибло в результате большого пожара. Внутри помещения, особенно в юго-восточной его половине, там, где стояли пифосы, найдено много золы, угля, следы обгоревшей балки от перекрытия. Сильно обгорела юго-восточная стена внутри здания. Публикуя предварительные данные о раскопках на Владимировском поселении, мы уже

высказывали мысль о том, что обнаруженное на нем здание могло погибнуть либо в период похода Полемона I против Динамии, где-то на рубеже н. э., либо в первой половине I в. п. э.⁹ В настоящий момент, после вскрытия всего здания и анализа найденного в нем материала, можно уточнить эту дату. И опереться в этом, как нам кажется, следует на датировку сероглиняных мисок с личным знаком Аспурга, последним годом правления которого считается 37 год н. э. Нумизматы не знают примеров использования на монетах личного знака царя после его смерти, хотя, как известно, имя аспургиан упоминается в письменных источниках и два века спустя после кончины Аспурга. Во всяком случае мы пока не знаем твердо датированных личных знаков этого царя, появившихся много позднее его смерти. Это относится и к вышеупомянутому горгинопийскому кирпичу с тамгообразным клеймом: такие кирпичи встречались пока только среди случайных находок и в кладках различных сооружений как вторично использованный строительный материал.

Значительным событием, которое могло коснуться обитателей рассматриваемого здания, была скорее всего война 40-х годов между наследниками престола, сыновьями покойного Аспурга — Митридатом VIII и Котисом I. С этим событием связывается и гибель укрепленного здания у хут. Рассвет (в окрестностях Горгинии)¹⁰, которое является ближайшей аналогией нашему зданию по характеру архитектуры и по некоторым находкам, обнаруженным в нем. Интересно отметить, что и в здании у хут. Рассвет и во Владимировке найдены однотипные терракотовые статуэтки¹¹, изображающие женское божество, связанное, как предполагают, с культом Афродиты-Урании-Апатуры¹².

Владимировское укрепленное здание — это первый памятник античной архитектуры, раскопанный в окрестностях Бат Страбона. Для обитателей Владимировского поселения оно служило жильем в мирное время и убежищем в период опасности. Судя по рельефу местности, это было единственное в поселении убежище, вокруг которого могли располагаться более легкие жилища, не сохранившиеся до наших дней. Почти такое же укрепленное здание раскопано нашей экспедицией в 1978 г. недалеко от Владимировского, в сторону Бат¹³. Оно также располагалось по левую сторону р. Цемес, но не на самом ее берегу, а несколько в стороне. Вместе с тем оба эти здания сооружены вдоль древней дороги, ведущей к Батам со стороны обитавших в бассейне р. Кубань и ее притоков меото-сарматских племен. Оба здания, можно сказать, одновременно и были разрушены, по-видимому, во время одних и тех же событий. Таких событий, и в частности междоусобных войн боспорских царей, было немало. И, как видим, они ощутимо касались и обитателей юго-восточной окраины Боспора, где на страже государства стояли преданные тому или иному царю войска. Во Владимировском поселении, судя по тамгообразным знакам на сероглиняных мисках, обитали и защищали боспорские границы на подступах к Батам сторонники, а возможно, и представители личной дружины царя Аспурга.

¹ Онайко Н. А. Разведка античных памятников в районе Новороссийска и Геленджика. — СА, 1970, № 1, с. 131.

² Онайко Н. А. Разведка античных памятников..., с. 133; Она же. Бронзовый бюст-гири из раскопок античного поселения в Широкой балке. — КСИА, 1971, вып. 128, с. 73; Она же. Раскопки античного поселения на Малой земле. — КСИА, 1970, вып. 124, с. 73; Она же. Новые данные о поселении на Малой земле. — КСИА, 1973, вып. 133, с. 94; Виноградов Ю. Г., Онайко Н. А. Об эконоомических связях Гераклеи Понтийской с Северным и Северо-Во-

сточным Причерноморьем в эллинистическое и римское время. — ВДИ, 1975, № 1, с. 86.

³ Онайко Н. А. К истории Бат. — ВДИ, 1976, № 1, с. 107; Она же. Die Lokalisierung von Bata bei Strabon. Klio, Bd. 59/11, 1977, S. 415.

⁴ Онайко Н. А. О работе Новороссийской экспедиции. — АО 1971 г. 1972, с. 134; Она же. Результаты работ Новороссийской экспедиции 1971—1972 гг. — КСИА, 1975, вып. 143, с. 82; Онайко Н. А., Дмитриев А. В., Масленников А. А. Раскопки античного поселения

- у с. Владимировки.— АО 1977 г. М., 1978, с. 135.
- ⁵ *Гайдукевич В. Ф.* Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях времен Спартокидов. КСИИМК, 1947, XVII, с. 26; *Цветаева Г. А.* Кирпичи с тамгой из Горгиппии.— КСИА, 1975, вып. 143, с. 99. Из приведенных в альбоме кандидатской диссертации Ю. М. Десятчикова «Процесс сарматизации Боспора» (Архив ИА АН СССР, Р-2, 2131, табл. XIV, 2 и 4) подобных знаков наиболее близкой аналогией является тамга на костяной поделке из Кен. Тамга на амфорной стенке с поселения Батарейка II в основе близка этому знаку, но у нее слишком вычурные концы.
- ⁶ *Голенко К. В., Шелов Д. Б.* Мошеты из раскопок Пантигаея 1945—1966 г.— ЦСФ, 1963, I, с. 12.
- ⁷ *Зеест Н. Б.* Керамическая тара Боспора.— МИА, 1960, № 83, табл. XXV, 5А, 5Г; XXVI, 6Г; XXVII, 6З.
- ⁸ *Фролова Н. А.* К вопросу о начале правления Аспурга на Боспоре.— ВДИ, 1979, № 1, с. 139.
- ⁹ *Онайко И. А.* Результаты работ Новороссийской экспедиции 1971—1972 гг., с. 85 (на этой странице в текст вкрадась ошибка, следует читать: здание погребено около рубежа н. э. или в первой половине I в. н. э. (а не I в. до н. э.)).
- ¹⁰ *Крушкоч Ю. С.* Аптичное здание в районе Горгиппии.— АИКСП, 1968, с. 213.
- ¹¹ *Крушкоч Ю. С.* Аптичное здание в районе Горгиппии, с. 218, рис. 4; *Онайко И. А.* Результаты работ Новороссийской экспедиции в 1971—1972 гг., с. 84, рис. 3.
- ¹² *Кобылина М. М.* Терракотовые статуэтки Пантигаея и Фанагории. М., 1961, табл. XXVI, 1, 2.
- ¹³ *Онайко И. А., Дмитриев А. В.* Раскопки укрепленного здания на аптичном поселении Цемдолипское.— АО 1978 г. М., 1979, с. 140.

В. В. ДВОРНИЧЕНКО, Г. А. ФЕДОРОВ-ДАВИДОВ

СЕРЕБРЯНЫЕ ФАЛАРЫ ИЗ САРМАТСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ МОГИЛЬНИКА КРИВАЯ ЛУКА IX В АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1974 г. Поволжская экспедиция на могильнике «Кривая Лука IX» в Черноярском районе Астраханской области обнаружила в сарматском погребении 17 кургана 1 два серебряных фалара. Погребение было впушено в насыпь древнего кургана и представляло прямоугольную яму (2,6×1,1 м) глубиной от древней поверхности 1,1 м, от вершины кургана 3,1 м. Погребенный мужчина был положен на спину, головой на юго-юго-запад с вытянутыми руками и ногами. При погребении найдены железный меч длиной 35 см (рис. 1, 8), железные наконечники стрел, трехперые черешковые (рис. 1, 1), изогнутая железная пластина, возможно, остаток крюка от колчапа (рис. 1, 6), небольшая бронзовая пластина, костяные пластины: овальная (рис. 1, 5) и квадратная (рис. 1, 4) с отверстиями, прямоугольная с отверстием и выступом (рис. 1, 3), обломок заточенной кости (рис. 1, 2). В юго-западном углу ямы, возможно в тайнике, на глубине 3,17 м найдены два серебряных фалара, согнутых и свернутых в трубки в соответствии с обычаем сарматов ломать некоторые вещи перед опусканием их в могилу. Под фаларами прослеживался тлен от ремней и остатки плохо сохранившихся бронзовых проволочных дужек. Рядом была найдена восьмеркообразная прижка с подвижным язычком (рис. 1, 7). По типу меча погребение датируется II в. до н. э. — I в. н. э., т. е. среднесарматским временем¹.

Выдающийся интерес представляют фалары диаметром по 16 см, сделанные в одной технике: рельеф нанесен на круглые тонкие пластины путем чеканки с оборота. После этого были выполнены детали с лицевой стороны гравировкой резцом и дополнительной прочеканкой. По краям тремя парами серебряных заклепок прикреплены бронзовые проволочные петли для крепления фаларов. В такой же технике было изготовлено большинство фаларов, найденных в сарматских погребениях икладах, и грекобактрийские фалары со слопами².

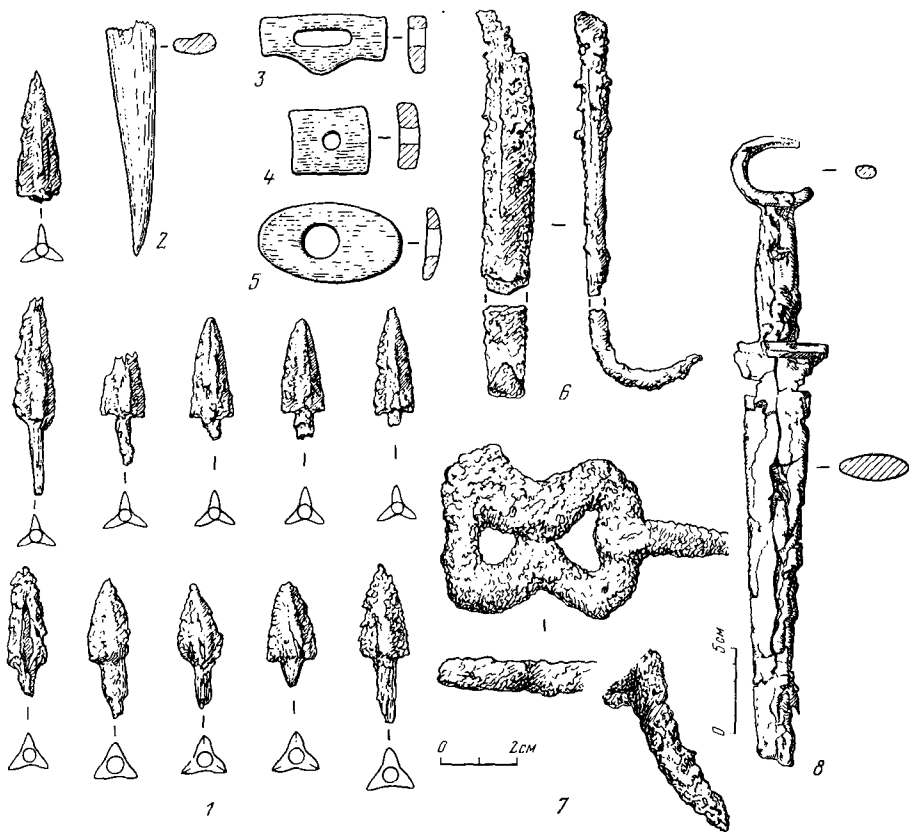

Рис. 1. Вещи из погребения с фаларами

1 — железные стрелы; 2 — костный предмет; 3—5 — костяные пластины; 6 — железный крюк; 7 — железный поводок; 8 — меч

Как крепились фалары к сбруе лошади, видно на тканях из Ноин-Улы, скульптуре из Халчаяна, росписях из Дура-Эвронос, войлочном ковре из Пазарыка и др. Фалары крепились ремнями на боку лошади так, что один горизонтальный ремешок хватывал грудь животного, другой шел к седлу или подпружному ремню тоже горизонтально, а третий шел наклонно вверх к холке³. При этом у фаларов были три петли для ремней, расположенные на оборотной стороне, так что две петли паходились по горизонтальной оси изображения, а одна сверху, немного сбоку и сзади⁴. В некоторых случаях серебряная пластина фалара пакадывалась па железную основу, и тогда отверстия не были парными и не соответствовали расположению ремней⁵. Отличие крепления фаларов Кривой Луки состоит в том, что три петли располагаются между дальними, а не ближними заклепками.

Такое же расположение петель имел паиденный случай па ст. Курчанской близ Темрюка фалар конца II — начала I в. до н. э. с изображением скачущей па козле Афродиты⁶.

Публикуемые фалары относятся к типу плоскорельефных, паподобных фаларам из Северского кургана, Ахтапизовки, Федулова, Новоузенска, фаларам со сломами. Их размеры почти равны фалару из Ахтапизовки с головой Медузы⁷.

На лицевой стороне фалары имели слой позолоты⁸.

Вероятно, фалары располагались на сбруе так, что изображенные на них всадники были паправлены вперед по ходу коня. В таком случае тот фалар, у которого всадник изображен двигающимся паправо, может быть назван правым, а другой — левым.

Лучшей сохранности левый фалар (рис. 2, 1; 3, 1). Изображен безбородый всадник с волосами, трактованными валиком с косой насечкой,

Рис. 2. Фалары

1 — левый; 2 — правый

Рис. 3. Фалары (прорисовка)

1 — левый; 2 — правый

обрамляющим лицо. На шее — гривна. Его левая рука занесена вверх и держит копьё с наконечником, направленным в голову всадника, правая рука опущена. Всадник одет в рубашку с клиновидным вырезом на груди до пояса. На правом плече, и очень плохо на левом, рельефно выделяются три вертикальные полосы — возможно, наплечья. Пояс, видимо, завязан узлом со свободными концами. Орнамент рубчатой полоской окаймляет подол рубахи. Узкие штаны с лампасами в виде полоски с насечками «в елочку» заканчиваются у щиколотки поперечной полоской, от которой свешиваются два свободных конца — это или завязка штанов или штрипка, которая должна была завязываться под мягкой обувью с длинными свисающими вниз носками.

Конь с поднятыми обеими передними ногами, трактованными очень условно, без седла, со сбруей только на голове (три ремня: налобный, за ушами и под мордой), без удили, с частью повода, с короткой стрижкой гривы «городками», что характерно для изображения боевых коней.

Вокруг всадника вырезаны шесть солярных символов: три — в виде звездочки с восемью короткими лучами в круге, а три без круга.

Все изображение окаймляет валик с косой пасечкой, имитирующей жгут, и за ним — полоса зигзаговидного орнамента, дополненного черточками во внутренних треугольниках, образованных этим зигзагом.

Правый фалар (рис. 2, 2; 3, 2) сохранился хуже, так как был больше согнут и скручен. Изображен, как и на левом фаларе, безбородый всадник, без головного убора, в почти идентичной позе, с копьём в правой руке. Левая рука почти не видна за шеей коня. Одежда его несколько отличается: кафтан двубортный, перепоясанный поясом без свободных концов, на шее различима гривна, наплечья не показаны. Обувь мягкая, штаны узкие, с лампасами, но без орнамента.

Конь в той же позе, с теми же деталями, но показан повод и не видны ремни оголовья. Вокруг всадника шесть восьмиугольных розеток, но, в отличие от левого фалара, выполненных чеканкой с обратной стороны.

На обоих фаларах всадники не поражают копьём, направленным вниз, что характерно для более ранних изображений в Северном Причерноморье и на боспорских погребальных стелах, а мечут горизонтально направленный дротик с шипами, что не встречается на других изображениях всадников в Северном Причерноморье.

Поза всадника несомненно взята из греческого искусства, где она выработалась еще в классическое время и распространилась широко и в Причерноморье, и в Ираке.

В числе близких прототипов может быть названо изображение всадника на верхнем фризе риптоа III в. до н. э. из Керчи⁹. Также с фронтальным изображением верхнейловицы туловища показаны сражающиеся сарматы на пряжке из Нижних Серогоз¹⁰. На фаларах варварские черты изображения и непонимание изображаемого чувствуется во всем: в общей несоразмерности фигур и их частей, в ненатуральном положении передних ног копей, слишком длинных ногах всадников, заведенных за шею копей руках, которые неизвестно где кончаются и неизвестно как держат повод; в отсутствии удиц, развернутых фронтально плечах и голове. Среди известных в сарматском мире фаларов описываемые — самые варварские.

Стремление повернуть всадника лицом к зрителю заставило мастера исказить изображение. В скифо-греческой торевтике более раннего времени изображали всадников на вздыбленном коне с головой, повернутой в профиль. При этом если всадник был изображен направо, то его левая рука была заведена за шею лошади, а если налево, то она показывалась слева от шеи лошади¹¹. Иногда, правда, показывался всадник с левой рукой, держащей повод справа от шеи коня. При этом верность натуре не нарушалась, так как голова всадника помещалась в профиль. Позднее, повиная стилистическому требованию фронтальности, мастера стали изображать всадника в такой позе преимущественно едущим вправо, что позволяло при показе головы анфас поместить копьё в правую руку всадника, а левую изобразить заведенной за шею лошади. Таким мы видим всадника на правом фаларе из Кривой Луки. Но парность фаларов потребовала изображения всадника, едущего влево. Мастер, вынужденный развернуть всадника лицом и грудью к зрителю, оказался перед необходимостью поместить копьё в его левую руку, а правую изобразить слева от шеи коня. Образовалось изображение совершенно невозможной в реальности позы всадника — в профиль ниже пояса, анфас выше пояса, причем правая рука слева от шеи коня, а левая рука держит копьё.

Так же как на публикуемых фаларах, искаженными оказались и изображения на пряжке из Нижних Серогоз, где у всадника, едущего вправо, левая рука помещена перед шеей справа, а всадник, едущий влево, показан со стороны груди, в то время как он должен был быть обращен к зрителю спиной. Копьё помещено ему в левую руку, а правая держит повод и также находится перед шеей лошади, но слева. Все эти искажения ма-

стер пряжки из Нижних Серогоз делает в угоду принципу фронтальности. Но головы он изображает в профиль. Публикуемые фалары сближает с этой пряжкой отсутствие у всадников плаща и горизонтальное положение копыт.

Некоторую аналогию изображениям на фаларах из Кривой Луки представляют фигуры скачущих всадников на боспорских стелах конца II — начала I в. до н. э.¹² По наибольшей близости к изображениям на публикуемых фаларах имеет каменный рельеф II в. до н. э. из Керменчика в Крыму, изображающий, как считал И. П. Блаرامберг, Палака¹³. У них одинаковые позы копы и всадника, короткие копы, узкие штаны, мягкая обувь, пояс, отсутствие седла, трактовка гривы и общие пропорции (маленькая голова и массивная шея коня). Но на рельефе у всадника есть плащ и головной убор, иначе трактованы волосы, по-разному показан повод и оголовье, штрипка на рельефе показана завязанной, а на левом фаларе — развязанной. Изображение на рельефе более реалистично.

Изображения узких штанов-апакиридов часто встречаются в искусстве Причерноморья последних веков до нашей эры — первых веков нашей эры, в частности в коринфской. Иногда они показываются с орнаментальной полосой вдоль штанов. В узких штанах и мягких ботиночках с оттянутым вниз носком изображена амазонка на статуэтке III—II вв. до н. э. из городища Чайка¹⁴. Оттянутые носки — характерная деталь изображений всадников на боспорских стелах¹⁵. В узких штанах со штрипками и мягких длинноносых башмаках с оттянутым вниз носком изображен всадник на сосуде из Кой-Крылгац-Калы (IV—III вв. до н. э.)¹⁶. На сарматских памятниках встречаются солярные знаки на левом фаларе¹⁷, а розетки на правом фаларе аналогичны солярным розеткам на Северском фаларе¹⁸, розетке на одном из Янчокракских фаларов и центральной розетке на Ахтанизовских фаларах¹⁹.

На фаларе из Темрюкского музея со скачущей на козле Афродитой имеется шесть солярных розеток. Все это заставляет видеть в изображении на публикуемых фаларах всадника какой-то божественный персонаж.

Орнамент кольцевой рамки фаларов имеет аналогию среди фаларов греческой работы, например фалар из Таганрогского, Янчокракского кладов. Совершенно такая же рамка, как на публикуемых фаларах, имеется на фаларах Ахтанизовки²⁰.

Фалары со всадником иного типа встречаются среди фракийских древностей²¹. Другие иконографические схемы дают и фалары I в. до н. э. из Галиша (Болгария) и Серча (Венгрия), которые Н. Феттих относил к кругу северопричерноморских варварских древностей²².

На бляхах от конской узды из Федуловского клада III в. до н. э. и Александропольского кургана²³ имеются изображения скачущих всадников, мечущих копье, сходные с изображениями на фаларах из Кривой Луки.

Среди фракийских изображений всадников более поздней эпохи есть близкие всадникам на публикуемых фаларах. Например, рельеф, на котором помещен трехголовый юноша на коне, имеет сходство с фигурами на фаларах — в посадке, позе, в отсутствии седла и головного убора, в трактовке волос, но наблюдаются отличия — в одежде и сбруе²⁴.

На боспорских надгробиях конца II — середины I в. до н. э. наиболее распространено изображение всадника-охотника на скачущей лошади с собакой и без нее, при этом всадник показан иногда с копьем, обычно развернуто апфас. В отличие от канонизированного изображения позднейшего фракийского всадника боспорские больше варваризованы, но более реалистичны в деталях²⁵. По мнению Ю. М. Десятчикова, изображения скачущих всадников на стелах смеляются фигурой всадника на идущем коне (середина I в. до н. э. — рубеж I в. н. э.), а затем — на стоящем коне (I—III вв. н. э.). Таким образом, иконография причерноморских изображений всадников подтверждает датировку фаларов из Кривой Луки концом II — первой половиной I в. до н. э.

Начиная со II в. до н. э. появляются терракотовые фигурки скачущих всадников с развернутой верхней частью туловища и головой анфас с копьём в поднятой руке²⁶.

По общему стилю изображения и по месту находки фаларов можно было бы считать их произведениями сарматского искусства, по аналогии с рельефом из Керменчика, с боспорскими стелами и терракотовыми статуэтками заставляют нас воздержаться от вывода о месте их изготовления. Изображения друтников с шипами являются очень редкой находкой в сарматских древностях Поволжья и Приуралья, но встречаются на территории Северного Причерноморья в V—III вв. до н. э.²⁷, изображения их на фаларах из Кривой Луки — архаизирующий признак.

И рельеф с изображением Палака, и пряжка из Нижних Серогоз, и публикуемые фалары — образцы варварского искусства Северного Причерноморья, которое развивалось во II—I вв. до н. э. и расцвело в начале нашей эры под паноромой мощной сарматской стихии, резко изменившей культуру греческого города.

- ¹ Шилов В. П. Калиповский курганский могильник. — МИА, 1959, № 60, с. 458; Спицын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда. — МИА, 1959, № 60, с. 200.
- ² Смирнов К. Ф. Северский курган. М., 1953, с. 33; Тревер К. В. Греко-бактрийское искусство. М.; Л., 1940. Т. I.
- ³ Тревер К. В. Греко-бактрийское искусство, с. 40; Пугаченкова Г. А. Скульптура Халчапая. М.; Л., 1940, с. 71, 119—120, примеч. 244—254; Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961, рис. 52; Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953, т. ХСV.
- ⁴ Тревер К. В. Греко-бактрийское искусство, т. 1—5; Смирнов К. Ф. Северский курган, с. 35; Спицын А. А. Фалары Южной России. — ИАК, 1909, вып. 29, рис. 47—49.
- ⁵ Спицын А. А. Фалары..., рис. 25. См. также фракийские фалары: Фракийское искусство и культура болгарских земель: Каталог выставки. М., 1974, с. 226, 227.
- ⁶ Хранится в Тюмюкском музее. Пользуемся случаем выразить благодарность Ю. М. Десятчикову за предоставление изображения тюмюкского фалара.
- ⁷ Спицын А. А. Фалары..., рис. 25.
- ⁸ Реставрация произведена во Всесоюзном Центральном научно-исследовательском институте консервации и реставрации М. С. Гринкругом.
- ⁹ Маразов И. Керченский ритон с протоимой копии из Эрмитажа. Фрако-скифские культурные связи. София, 1975, с. 216, рис. 2; Придик Е. Два серебряных ритона из коллекции Императорского Эрмитажа. — ЗООИД, 1889, т. XXX.
- ¹⁰ Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись юга России. СПб., 1914, т. LXXXV, 3, с. 311.
- ¹¹ Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов. Прага, 1966, т. 142, с. 154, 153, 253.
- ¹² Kieseritzky und Watzinger. Griechische Grabrelief aus Südrussland. Berlin, 1908, № 558—560, 584.
- ¹³ Шульц П. И. Скульптурные портреты скифских царей Скигура и Палака. — КСИИМК, 1946, XII, с. 44, рис. 19.
- ¹⁴ Кобылина М. М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века нашей эры. М., 1978, с. 77, рис. 22; Кобылина М. М. Античная скульптура Северного Причерноморья. М., 1972, т. XIII.
- ¹⁵ Kieseritzky und Watzinger. Griechische Grabrelief..., № 559, 600, 619, 622.
- ¹⁶ Кой-Крылган-Кала. М., 1967, с. 203, рис. 75.
- ¹⁷ Драчук В. С. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев, 1975, табл. XI, 814.
- ¹⁸ Смирнов К. Ф. Северский курган, т. VIII.
- ¹⁹ Спицын А. А. Фалары..., рис. 21; Гуцына И. И. Янчокракский клад. — В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 44, рис. 1, I.
- ²⁰ Спицын А. А. Фалары..., рис. 21, 55; Гуцына И. И. Янчокракский клад, рис. 1.
- ²¹ Фракийское искусство..., с. 233, рис. 354.
- ²² Fettich N. Archäologische Beiträge zur Geschichte der Sarmatisch-Dakischen Beziehungen. — AA, III. Budapest, 1953, с. 1, 6, т. XVII, I.
- ²³ Спицын А. А. Фалары..., рис. 48; Засецкая Н. И. Назначение вещей Федюловского клада. — АСГЭ, 1965, вып. 7, рис. 6.
- ²⁴ Фракийское искусство..., с. 275, рис. 439.
- ²⁵ Бритова И. И. Образ всадника на рельефах Фракии и Боспора. — КСИИМК, XXII, с. 54.
- ²⁶ Кобылина М. М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961, с. 118—120.
- ²⁷ Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971, с. 50; Мелюкова А. И. Вооружение скифов. М., 1964, с. 44—45.

ХРОНИКА

Э. Я. НИКОЛАЕВА

РАБОТА СЕКТОРА АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ
В 1977—1979 ГГ.

(по ноябрь 1979 г. включительно)

Основной работой сектора в истекший период было написание и подготовка к печати VIII тома «Археологии СССР. Античные города Северного Причерноморья» (редактор И. Т. Кругликова). В этой работе приняли участие большинство сотрудников сектора.

Глава 1 — «Источники и история исследования» — и большая часть главы 12 — «Быт» — написаны Г. А. Цветаевой; глава 6 — «Сельское хозяйство» — И. Т. Кругликовой; глава 9 — «Военное дело» — Б. Г. Петерсом; глава 11 — «Культура и религия» — М. М. Кобылиной. Кроме того, многие писали отдельные разделы других глав. Разделы «Китей», «Харакс» — А. А. Масленников; разделы «Фапагория», «Семибратнее городище», «Патрей», «Сельские поселения азиатской части Боспора», «Курганный некрополь Боспора» и «Градостроительство» — В. С. Долгоруков; «Киммерик» и «Сельские поселения европейской части Боспора» — И. Т. Кругликова; «Танаис», «Краснолаковая керамика», «Погребальный обряд» — Т. М. Арсепьева; «Горгияния и ее округа», «Бусы» — Е. М. Алексеева; «Феодосия» — Б. Г. Петерс; «Юго-восточная окраина Боспора» — Н. А. Онайко; «Крепости Таманского полуострова» — Ю. М. Десятчиков; «Кепы» — О. Н. Усачева. Г. А. Кошеленко работал над подготовкой тома VII «Археологии СССР. Средняя Азия и Кавказ в античное время».

Одновременно сотрудники сектора продолжили разработку проблем истории и культуры античных государств Северного Причерноморья и связи их с окружающим миром. Продолжает исследоваться проблема города и хоры, этнической принадлежности населения Боспора, проблемы колонизации, взаимоотношения культур на Переднем Востоке, в Средней Азии, на Кавказе.

Проведено 73 заседания сектора, на которых заслушано более 70 докладов и сообщений, обсуждались законченные работы членов сектора и сотрудников других учреждений: Г. Ходжаниязов (Нукус) «Оборонительные сооружения древнего Хорезма»; В. И. Козловская (Владимир) «Фокейская колонизация Иберии»; Л. А. Лелеков (ЦИИЛКР) «Типология и историография культа и храмов огня в Ирапе»; В. В. Чалый (Ростов) «Курганный некрополь Танаиса 1974—1977 гг.»; Т. Л. Самойлова (Одесса) «Тира эллинистического периода»; И. Л. Чернай «Модель античного ткацкого станка»; Х. Д. Хачатрян (Ереван) «Княжеское погребение в Сисиане»; В. И. Яйленко (ИА АН СССР) «Династическая история Боспора в I в. до н. э. — I в. н. э.»; И. Р. Пичиян (ИБ АН СССР) «О раскопках на Каменном городище»; Е. С. Унтилла (Кишипев) «Истрия архаического времени»; В. М. Калашников «Сельскохозяйственные усадьбы V—III вв. до н. э. в округе Керкинитиды». С. Д. Крыжицкий сделал доклад «О классификации античных кладок Северного Причерноморья», вызвавший большую дискуссию. А. Бабаев (ИА АН Азербайджанской ССР) выступил

с докладом «Города Кавказской Албании в IV в. до н. э. — III в. н. э.», Э. И. Диамант (Одесса) — с докладом «Веретено из слоновой кости из коллекции ОГАМ», Н. Д. Цестеренко — «Новые клады монет из Анапы», Н. М. Секерская (Одесса) — «Никоий и Нижнее Подпестровье в VI—IV вв. до н. э.», В. Н. Щербакова — «Печати Херсонеса как исторический источник» (утверждение темы кандидатской диссертации); В. И. Кадеев (Харьков) информировал сектор о II Международном семинаре по античной керамике (Болгария), доклад был богато иллюстрирован.

Проведены и совместные заседания с сектором скифо-сарматской археологии, обсуждены работы сотрудников других секторов (Ю. П. Захарук, Д. Б. Шелова, С. А. Беляева). Сотрудники сектора приняли участие в организации (В. Д. Блаватский) и работе симпозиума «Темы античных государств в их историческом развитии». С докладами выступили: В. Д. Блаватский («Редко освещаемые проблемы эконоимики полиса»), Г. А. Кошеленко («Город и полис»), И. Т. Кругликова («Боспор в эпоху Юлиев-Клавдиев»). В обсуждении докладов приняли участие В. Д. Блаватский, Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликова, Ю. М. Десятчиков.

На теоретическом семинаре сектора В. Д. Блаватский выступил с докладами «Эволюция и скачок в процессе исторического развития эллинистического общества», «Миграция II тыс. до н. э. и происхождение эллинов», «Ранний полис Спарты», Г. А. Кошеленко — «Греки глазами варваров», «Современная зарубежная историография античности» и «Экономика и классовая структура античного общества в зарубежной литературе», Ю. М. Десятчиков — «Варварский племенной чекан и некоторые вопросы марксистско-ленинского учения о государстве» и «К типологии античных государств», Ю. Н. Захарук — «Методологические проблемы археологической науки», Т. В. Блаватская — «Раппегреческие монархии».

На методологическом семинаре Института Ю. М. Десятчиков прочел доклад «Роль миграций в изменении социально-экономической структуры общества», Г. А. Кошеленко — «Проблемы экономики и классовой структуры греческих государств в зарубежной науке».

Сотрудники сектора вели большую экспедиционную работу.

Анапская новостроечная экспедиция. Руководитель Е. М. Алексеева, начальник одного из отрядов Г. А. Цветаева, в 1977 г. — Е. А. Савастина. Продолжались работы в центре города, где выявлены слои от IV—III вв. до н. э. до IV в. н. э. Основные работы проводились в северо-восточной части древнего города, где открыты эллинистические дома с подвалами и улица длиной свыше 50 м. Раскапывался некрополь у пос. Воскресенское, а также погребальный комплекс II в. н. э. в Анапе, в 1979 г. раскопано около 100 могил некрополя Горгиипии и 70 могил X—XIV вв. в Анапском районе. Завершены работы по подготовке первой очереди заповедника «Горгиипия».

Таманская новостроечная экспедиция. Руководитель Ю. М. Десятчиков. Проведены разведки на Фопталовском полуострове. Выявлено несколько городищ и поселений от V в. до н. э. до XI в. н. э. Обследована группа из девяти курганов к югу от пос. Кучугуры. Проведены раскопки в береговой части Кучугур, давшие интересный строительный комплекс, состоящий из многих помещений. Начаты работы по составлению охранных зон памятников археологии на Фопталовском полуострове. Отряд экспедиций под руководством Н. И. Сорокиной продолжил исследование городища у пос. «За Родипу».

Фанагорийская повостроечная экспедиция. Руководитель В. С. Долгорук. (В 1978 г. работы вели А. А. Маслеппиков и В. Д. Кузнецов). Работы велись в трех направлениях: 1) исследование некрополя на юго-западной окраине городища. Открыты погребения эпохи эллинизма, первых веков н. э. и раннего средневековья. Открыт могильник VIII—IX вв. 2) Продолжено исследование Верхнего города, где зафиксированы слои V в. до н. э. — V в. н. э. Открыто интересное здание, погибшее в I половине V в. до н. э. Исследовалась южная окраина города. Вскрыты слои V в. до н. э. — IV в. н. э.

Нижне-Донская экспедиция. Руководитель Т. М. Арсеньева. В западной части города исследовались сооружения IV—V вв. н. э., в восточной — постройки II—III вв. Открыта улица шириной 3 м, с которой шли вниз камешные ступени, ведущие к открытому ранее общественному зданию. Расчищена цистерна с водостоком. На юго-западном участке доследовались оборонительные сооружения. Велись раскопки некрополя.

Гераклейская экспедиция. Руководитель И. Т. Кругликова. Раскопаны усадьбы надела 10 (IV—II вв. до н. э.) и надела 86 (IV—III вв. до н. э. — II—III вв.). Полностью выявлены плапы усадеб и их оборонительные сооружения. В экспедиции принимали участие А. С. Голенцов и В. К. Голепко.

Зартепинский отряд Бактрийской экспедиции. Руководитель Г. А. Кошеленко. Раскапывался дворец и храм IV в. н. э. на Кушанском городище Зартепе.

Новороссийско-Геленджикская экспедиция. Руководитель Н. А. Онайко. В 1977 г. закончено исследование Владимирского поселения, относящегося к рубежу п. э., в 1978 г. раскопано укрепленное здание конца II в. до п. э. — I в. н. э. на Цемдолицком поселении. В 1979 г. велись раскопки могильника на ранее раскапываемом Мысхакском поселении.

Феодосийская экспедиция 1977 г. Руководитель Б. Г. Петерс. Исследование проводилось в Кафской цитадели, где обнаружены слои от конца IV в. до н. э. до гетуэского времени. Велось исследование средневековой гончарной печи.

Михайловская экспедиция. Руководитель Б. Г. Петерс. В 1978—1979 гг. исследованы стены цитадели с проломом, сделанным степобитной машиной в юго-западном ее углу. Исследовались укрепления впе цитадели — стены с башнями к северу от реки, а также остатки склепа II—III вв. п. э.

Восточно-Крымская экспедиция. Руководитель А. А. Масленников. В 1977 г. продолжалось исследование могильника у с. Золотое VI—I вв. до н. э. Велись также раскопки неукрепленной деревни V—III вв. до п. э., расположенной неподалеку от могильника. Разведками обнаружены два укрепленных поселения первых веков н. э., две сельские усадьбы и городище на м. Зюк. В 1978 г. начаты раскопки этого городища, отождествленного с городом Зенонов Херсонес. Открыты остатки крепостных стен IV—III вв. до н. э. и IV—V вв. н. э., жилых построек I в. до н. э. — IV в. н. э. и трех выделен I—II и IV вв. н. э. Раскопаны погребения II—I вв. до н. э. Проведено обследование Узунларского вала и объектов в районе г. Олук. Сделана топографическая съемка городища Старые Пиалы (Савроматий). В 1979 г. начаты раскопки античного поселения I—III вв. к западу от м. Зюк.

Ильичевский отряд. Руководитель Э. Я. Николаева. В 1977 и 1978 гг. продолжено исследование цитадели городища у пос. Ильич. Доследовались жилые помещения V—VI вв. и начато изучение оборонительных сооружений. Открыта полукруглая башня, которая была заложена сырцовокирпичным массивом и более поздняя четырехугольная башня.

Зарубежные экспедиции: Советско-Афганская экспедиция. Руководитель И. Т. Кругликова. В 1977 г. продолжала раскопки бактрийского города Дильберджип.

В. К. Голепко, лаборант сектора, участвовал в Гераклейской и Фанагорийской экспедициях, О. Н. Усачева — в Фанагорийской. Она же руководила отрядом Смоленской экспедиции.

В 1977—1978 гг. завершены плановые темы: В. С. Долгуруков «Оборонительные сооружения Дильберджина» (3,5 а. л.), Ю. М. Десятчиков «Сираки и парфяне» и «Аспургияне и их роль в истории Боспора» (2 а. л.), А. А. Масленников «Население Азовского побережья Керченского полуострова в VI—I вв. до н. э.» (2,5 а. л.), Н. А. Онайко «Дом с мозаиками» (Аноллония) (8 а. л.), И. Т. Кругликова «Настенные росписи Дильберджина» (4 а. л.).

В 1979 г. был закончен ряд научных тем: Е. М. Алексева представила

работу «Некрополи хоры Горгиппии (12 а. л.). Подведены итоги работы на могильниках хоры Горгиппии за 1973—1978 гг. Исследованы три некрополя (135 погребений V—I вв. до н. э.), каждый некрополь связан с обширным сельским поселением. При этом выявлен самобытный обряд погребений, нехарактерный для Горгиппии. Могильники принадлежат местному населению, генетически связанному с древним населением Кавказа. Судя по погребальному инвентарю, население вокруг Горгиппии было полностью включено в орбиту этого города и всецело пользовалось его рынком.

В работе Т. М. Арсепьевой (10 а. л.) изучена краснолаковая керамика Тапанса из всех слоев города. Наиболее важной является глава о керамике V в. н. э., так как она очень четко датирована временем окончательной гибели города. Очень важна также глава «Классификация краснолаковых сосудов».

Работа Э. Я. Николаевой «Ильичевское городище» (10 а. л.) посвящена очень интересному памятнику эпохи, переходной от античности к средневековью.

Работа Б. Г. Петерса посвящена изделиям из кости Сев. Причерноморья. Собран огромный материал, дана классификация находок.

Н. А. Опайко написала по плаповой теме две статьи «Подражания монетным типам в торговле Северного Причерноморья» (2 а. л.) и «Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже нашей эры» (2 а. л.).

Успешно завершена кандидатская диссертация А. М. Аюпяна «Связи Армении и Кавказской Албании с Парфией».

В. Д. Блаватский работал над многолетней темой «Труд скульптора в античном обществе», М. М. Кобылина работает над темой «Итоги работ Фанагорийской экспедиции», В. С. Долгоруков — «Цитадель Дильберджина», Ю. М. Десятчиков — «Аспургиане и Боспор», А. А. Масленников — «Некрополи городов европейского Боспора в первых веках н. э.».

И. Т. Кругликова закончила работу над томом VIII для «Археологии СССР» и сдала главу «Земледелие и земледельческое население в рабовладельческих городах-государствах Северного Причерноморья» для книги «История крестьянства в СССР» (3 а. л.); Г. А. Кошеленко продолжил работу над VII томом «Археологии СССР» и завершил работу над разделами «История крестьянства Средней Азии в античную эпоху и раннефеодальный период» для книги «История крестьянства в СССР».

За 1977—1978 гг. вышло из печати 65 статей и сдано в печать 63 статьи и заметки сотрудников сектора. В 1979 г. написано и сдано в печать свыше 58 статей и заметок, не считая разделов, написанных для VII и VIII томов «Археологии СССР». Утверждена к печати монография Б. Г. Петерса «Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья» (7 а. л.). За истекший период вышли из печати книги: Г. А. Кошеленко «Родина парфян» (М., 1977) и «Греческий полис на эллиптическом Востоке» (М., 1979); И. Т. Кругликовой и Г. А. Пугаченковой «Дильберджин» (М., 1977); Е. М. Алексеевой «Античные бусы Северного Причерноморья» (САИ. М., 1978, Г1—12) и монография М. М. Кобылиной «Изображение восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века нашей эры» (М., 1978).

В зарубежных изданиях опубликованы статьи сотрудников: в Париже вышла статья И. Т. Кругликовой о раскопках Советско-Афганской экспедиции в Дильберджине; в Мадриде — статья В. Д. Блаватского «Проблема фракийского поселения в районе Кубани и Боспорском государстве»; в Лондоне — тезисы В. Д. Блаватского «Эллипское искусство в городе и хоре»; в Оксфорде — переведена статья В. Д. Блаватского «О Рескупориде I»; в журнале «Клио» (Берлин) вышла статья Н. А. Опайко «Локализация Бат Страбона»; в Лейдене опубликована статья Г. А. Кошеленко и В. Д. Блаватского «О некоторых чертах скифской религии».

Статья И. Т. Кругликовой «Работы советских археологов в Афганиста-

не» издана в журнале «Общественные науки и современность» на английском и французском языках. Для Португальского исторического журнала (через АПН) написана статья И. Т. Кругликовой «Раскопки в Афганистане».

Сотрудники сектора принимают активное участие в различных конференциях и симпозиумах. В институте археологии и этнографии им. И. А. Джавахидовича АН Грузинской ССР сектор совместно с Институтом истории организовал симпозиум «По проблемам греческой колонизации...» (члены оргкомитета симпозиума И. Т. Кругликова, Т. М. Арсеньева), В. Д. Блаватский, Г. А. Кошеленко и И. Т. Кругликова подготовили один из основных докладов симпозиума «К проблеме греческих миграций». С докладами выступили также А. А. Маслепников («О некоторых особенностях этнического состава и истории архаического Боспора»), Г. А. Цветаева («Проблема греческой колонизации Северного Причерноморья в работах русских дореволюционных и советских ученых»), Э. Я. Николаева («О времени возникновения Кес»), В. М. Отрешко («К проблеме экономического районирования Нижнего Побужья в архаическую эпоху»). На Всесоюзной археологической конференции в Москве читали свои доклады: И. Т. Кругликова («Работы Гераклеийской экспедиции»), Б. Г. Петерс («О раскопках в Феодосии»), Э. Я. Николаева («О раскопках Ильичевского городища»). А. А. Маслепников принял участие в работе конференции Эйрена в Болгарии. Г. А. Кошеленко прочел доклад «Исследования кушанских памятников на юге Узбекистана» на международном симпозиуме по кушанской проблеме в Кабуле (Афганистан), И. Т. Кругликова и М. М. Кобылина — на франко-советском симпозиуме в Москве, Г. А. Кошеленко и А. М. Аюпян — на II Международном симпозиуме по армянскому искусству в Ереване, Ю. М. Десятчиков — на конференции во Владимире. И. Т. Кругликова во время научной командировки в Париж прочла доклады о работах советских археологов в Афганистане, в Академии наук, на историческом факультете Парижского университета и в музее Гиме. На заседании кафедры древнего мира МГУ Г. А. Кошеленко сделал доклад на тему «Влияние марксизма-ленинизма на современное западное антиковедение» (1979 г.); Ю. М. Десятчиков прочел цикл лекций во Владимирском пединституте, сделал доклад на сессии ВООПИК и семинаре музейных работников РСФСР в Краснодаре. Ю. М. Десятчиков и Э. Я. Николаева приняли участие в работе семинара музейных работников Краснодарского края в г. Темрюке, где выступили с докладами о раскопках на Фопталовском полуострове и проблеме музеефикации памятников.

За истекший период в секторе были успешно защищены кандидатская диссертация А. А. Маслепникова «Население Боспорского государства в VI—II вв. до н. э.» и докторская диссертация Г. А. Кошеленко «Греческий полис на эллинистическом Востоке».

Во Всесоюзной археологической сессии 1979 г. в Ленинграде приняли участие И. Т. Кругликова, Б. Г. Петерс, Н. А. Оцайко и В. К. Голепко.

На конференции «Фракция Понтика» в Болгарии (Созопол) Б. Г. Петерс прочитал доклад «О морском деле в переходное и архаическое время». Ю. М. Десятчиков выступил с докладом на конференции в Грозном. Г. А. Кошеленко — на Всесоюзном научном совещании «Античная культура Средней Азии и Казахстана». Доклад Г. А. Кошеленко (совместно с Л. И. Мариневич и В. И. Исаевой) на Всесоюзной историографической конференции «Кризис современной буржуазной исторической науки» назывался «Некоторые направления в современной западной историографии античности».

Г. А. Кошеленко принимал участие в Сергеевских и Ломоносовских чтениях в МГУ, выступив с докладами «Проблемы экономики и классовой структуры античного общества в современной зарубежной литературе» и «Экономика античного общества древней Греции в современных западных исследованиях».

Сотрудники сектора античной археологии ведут большую научно-популярную работу, выступая с докладами, лекциями, статьями в научно-

популярных журналах, принимая участие в написании учебников и пособий.

И. Т. Кругликова написала текст «Античные государства Северного Причерноморья» для комплекта открыток для средней школы (издательство «Планета»), статьи «Исследования античных государств Северного Причерноморья» и «Работы Советско-Афганской экспедиции» для журнала «Общественные науки и современность».

В ежегоднике «Земля и люди» вышла статья Н. А. Онайко «К истории Олимпийских игр». В. Д. Блаватский написал статью «Эстетические воззрения Аристотеля». В журнале «Знание — сила» опубликована статья Г. А. Кошеленко.

Все сотрудники сектора, руководящие экспедициями, читали лекции и доклады, проводили экскурсии на местах раскопок.

Г. А. Кошеленко написал разделы для учебного пособия «Источниковедение древней Греции». Им также написан ряд разделов для учебного пособия «Историография античности».

И. Т. Кругликова читает курс лекций на кафедре археологии института МГУ, Г. А. Кошеленко — на кафедре истории древнего мира. Б. Г. Петерс руководит археологическим кружком в Московском городском Дворце пионеров.

Ю. М. Десятчиков выступил на региональном совещании директоров совхозов и предприятий Темрюкского района Краснодарского края, на заседании ОПИ сделал доклад «К методике выделения охранных зон на памятниках археологии», участвовал в конференции Темрюкского отделения ВООПИК и вел семинар по теме «Археология Таманского полуострова» со стажерами музеев РСФСР.

Е. Г. КАСТАНАЯН

ГРУППА АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ ЛОИА АН СССР В 1977 — ОКТЯБРЕ 1979 Г.

Научно-исследовательская работа группы, как и в предыдущее время, строилась по двум направлениям: 1) культура античных государств Северного Причерноморья; 2) связи греческих городов с варварским миром. По первому из названных направлений велась следующая работа.

Н. Б. Брашицкий работал по теме «Керамическая тара Гераклеи Понтийской». Ю. А. Вишгородов закончил рукопись «Чернолаковая и расписная керамика из ранних слоев мирмекийского зольника» и приступил к работе «Ранний зольник Мирмекия». В. И. Денисова-Пругло продолжала работать над научно-популярной книгой «Ольвия (VI в. до н. э. — III в. н. э.)»; Е. Г. Кастанаян — над научно-популярной книгой «Малые города Боспора», посвященной основным итогам работ Боспорской экспедиции; И. Ю. Шауб — по теме «Боспорские культы VI—V вв. до н. э.». И. Г. Шургая готовит монографию об Илурате. А. Н. Щеглов закончил монографию «Старый Херсонес Страбона». Он локализует это городище на Маячном полуострове и характеризует его как одно из военных поселений Херсонесского государства, возникшее в середине — второй половине IV в. и прекратившее свое существование в конце II в., или на рубеже II—I вв. до н. э.

По античной тематике работал также сотрудник Лаборатории археологической техники ЛОИА АН СССР К. К. Шилик. Им закончена работа «Водоснабжение Ольвии и ее округа». Это исследование по гидрогеологии Нижнего Побужья античного времени и гидротехническим сооружениям Ольвии (каптажи, фонтаны, водопроводы, колодцы).

Сотрудниками группы написаны также следующие разделы VIII тома «Археологии СССР»: «Античные государства Северного Причерноморья» — И. Б. Брашицким — «Торговля», В. И. Денисовой-Пругло — «Тира и ее

окрестности», Е. Г. Кастанаян — «Керамика», Е. И. Леви — «Ольвия», К. К. Марченко — «Березань и Шижлес Побужья», И. Г. Шургая — «Города Евронейского Боспора», А. Н. Щегловым — «Хора Херсонеса».

Утверждена тема кандидатской диссертации заочного аспиранта группы В. А. Горончаровского — «Пергам и Северное Причерноморье в эпоху эллинизма».

По второму направлению работ («Связи греческих городов с варварским миром») закончена монография И. Б. Брашицкого и К. К. Марченко «Елизаветовское городище на Дону». Авторы характеризуют Елизаветовское городище как варварское поселение городского типа, главный центр Шижнего Подошья в V—III вв. до н. э., и исследуют палеогеографию этого региона, топографию и стратиграфию Елизаветовского городища, его оборонительные сооружения, планировку и типы жилищ, торговые связи, основные виды хозяйственной деятельности.

К. К. Марченко начал работу над темой «Взаимодействие эллипских и варварских элементов на территории Нижнего Побужья во второй половине VII—первой половине I вв. до н. э.».

А. Н. Щеглов приступил к работе над монографией «Поселение Панское I на хоре Херсонеса». Аспирантка М. Ю. Вахтина готовила диссертацию на тему «Греко-варварские контакты VII—VI вв. до н. э., по материалам степной и лесостепной зон Северного Причерноморья и Крыма».

Экспедиции сотрудников группы. Илуратская (начальник И. Г. Шургая) сосредоточила работы в центральной части города, в месте пересечения двух главных уличных магистралей, где раскрыто несколько жилых кварталов. Выявлены следы перестроек города, позволяющие реконструировать обширную городскую площадь, ликвидированную в III в. н. э., когда на ее месте были возведены жилые дома. Раскрыта также часть юго-восточной оборонительной стены, толщиной более 8 м, примыкавшая к городским воротам. В одном из раскрытых домов найден клад монет, состоящий из 66 биллоновых статов Рискупорида V.

Нижне-Бугская античная (начальник К. К. Марченко) экспедиция вела раскопки сельскохозяйственных поселений в округе Ольвии. Одно из них — Старая Богдановка 2 — раскрыто полностью. Выявлен комплекс построек третьей четверти VI—первой четверти V в. до н. э. и первое из известных до сих пор античных убежищ рубежа VI—V вв. до н. э., представлявшее собой наземное четырехугольное строение площадью около 850 кв. м, с мощными глинобитными стенами и четкой внутренней планировкой.

Ольвийская (начальник В. И. Денисова-Пругло) исследовала участок городского квартала в центральной части верхнего города. Получены данные об освоении этой территории в первой половине — середине VI в. до н. э. и о застройке ее во второй половине VI—начале V в. до н. э. прямоугольными в плане, частично заглубленными в материк сооружениями с кампено-сырцовыми стенами. Выявлены также следы разрушения первой четверти V в. до н. э. В эпоху эллинизма здесь были возведены значительные по размеру здания, по-видимому, общественного назначения. Среди находок — мраморная плита со строительной надписью конца IV—начала III в. до н. э.

Порфмийская (начальник Е. Г. Кастанаян) продолжала раскопки боспорского города Порфмия. Выяснена в основном топография города.

Тарханкутская экспедиция (начальник А. Н. Щеглов) продолжала исследования сельскохозяйственных поселений IV—III вв. до н. э. на Тарханкутском полуострове. Закончены раскопки двух усадеб на поселениях Панское I и Панское III. Начаты исследования центрального здания на поселении Панское I, с угловыми круглыми башнями. Продолжались раскопки некрополя поселения Панское I. Впервые в археологической практике были использованы для съемки квантовые магнитометры М-33 и КМ-8. В результате получены точные данные погребенных строительных остатков без их раскопок. Работами аэро-топографического разведочного отряда откры-

ты крупные системы древнего размежевания в западной части Тарханкутского полуострова.

Южно-Донская экспедиция (начальник И. Б. Брашинский) вела раскопки Елизаветовского городища на Дону. Раскопано пять вновь выявленных строительных комплексов IV—пачала III в. до н. э. Особый интерес представляет открытие первых следов местного культа — скопления в насыпи одного из раскопанных помещений детских и юношеских черепов, среди которых находилось 22 глиняные тарелочки. Обнаружено скопление остатков металлургического производства — тиглей со следами медного литья, криц и медных шлаков. Раскрыт склад не менее чем 100 амфор второй половины III—I в. до н. э. площадью примерно более половины гектара. Выявлена сеть уличных магистралей и городских кварталов. Раскрыт отрезок восточной городской стены. Раскапывался курганный могильник.

На заседаниях группы И. Б. Брашинский прочел доклады: «Греки и варвары на Нижнем Дону», в котором охарактеризовал Елизаветовское городище как результат прежде всего внутреннего развития варварского общества; «Земледелие, рыболовство, скотоводство и охота в Елизаветовском поселении»; «Торговые связи Елизаветовского городища на Дону».

М. Ю. Вахтина в докладе «Античные авторы о Скифии VII—VI вв. до н. э.» представила картину расселения племен в Северном Причерноморье в доколонизационное и раннеколонизационное время. В докладе «Темир-гора. Основное погребение» она высказала предположение о том, что родоская ойлохоя из погребения Темир-горы могла попасть на Боспор из поселения на острове Березани через лесостепь.

Ю. А. Виноградов прочел доклады: «Чернолаковая керамика V в. до н. э. из мирмекийского зольника» и «К вопросу об этнической и социальной принадлежности центрального погребения кургана Ак-Бурун».

Е. Г. Кастанаян зачитала вводную часть монографии «Малые города Боспора» и главу «История развития Мирмекия и Тирптаки со времени их основания до эллинистической эпохи».

В. И. Денисова-Пругло зачитала главы своей монографии «Ольвия». В главе «Местное население Северо-Западного Причерноморья до основания греческих апойкий» она упомянула среди племен, бытовавших в Северо-Западном Причерноморье во времена, предшествовавшие греческой колонизации, кочевых скифов и киммерийцев и высказала предположение об инфильтрации туда фракийских племен. Слушатели отметили проблематичность высказанных докладчиком положений, поскольку следов населения упомянутого времени в данном регионе не имеется. В двух других главах, посвященных итогам исследований Ольвии VI—IV вв. до н. э., до осады города Зонирионом, объективно и подробно отражены различные стороны жизни Ольвии в архаический и классический периоды.

Е. И. Леви прочла доклад «Кризис Ольвии в конце III—II в. до н. э. и его предпосылки», построенный на основании данных эпиграфических и археологических источников.

К. К. Марченко зачитал текст двух написанных им разделов монографии «Елизаветовское городище на Дону, подготовленной в соавторстве с И. Б. Брашинским. В разделе «Оборонительные сооружения» он выделил три периода существования фортификационных систем Елизаветовского поселения, связанные с историей поселения. Он отмечает местный характер оборонительных сооружений и их отличие от укреплений стеной и лесостепной Скифии. В разделе «Культура населения Елизаветовского городища» К. К. Марченко обрисовал ее греко-варварский характер. В докладе «Лепная керамика Елизаветовского городища» он изложил свои соображения о близости лепных сосудов по составу теста с сосудами из Левобережья Днепра и показал динамику развития лепной керамики, сокращение ее типов и вытеснение этой керамики греческими сосудами. Докладчик отметил также большую монолитность лепной керамики из Елизаветовского могильника по сравнению с керамикой из городища в этнокультурном отношении.

И. Ю. Шауб прочел разделы своей работы «Боспорские культуры

VI—V вв. до н. э.» — «Исторнография» и «Боспорские культуры VI—V вв., по данным нумизматики и коропластики».

В докладе А. Н. Щеглова «Тавры и греческие колонии в Таврике» выдвинута новая модель греческой колонизации Крыма. Предполагается наличие среди переселенцев большого компонента земледельцев из Гераклеи. В докладе «Раннеземледельческий плуг из поселения Папское I» он представил реконструкцию плуга, существовавшего на хоре Херсонеса в IV в. до н. э.

Кроме названных докладов, сотрудники группы делали информации о своих ежегодных полевых работах. Были зачитаны также разделы тома VIII «Археологии СССР». Специальное заседание группы было посвящено 75-летию со дня рождения старейшего ее сотрудника — Е. И. Леви, устроенного совместно с Отделом искусства и культуры античного мира Государственного Эрмитажа. На заседании были прочитаны следующие доклады: К. С. Горбунова «Два аттических алабастра мастера Эмпория»; И. Б. Брашинский — «О соотношении импорта в керамической таре в Ольвии в IV—III вв. до н. э.»; А. Н. Щеглов — «К ольвийско-херсонесским связям в IV—III вв. до н. э.»; К. К. Марченко — «Лепная керамика раннеэллипстического поселения ольвийской округи Козырка-2»; Н. В. Головачева — «К вопросу о времени существования поселения Козырка-2»; А. М. Гилевич — «Клад ольвийских монет II в. до н. э.».

Сотрудники группы принимали участие во всесоюзных и международных симпозиумах и конференциях. Во Всесоюзной конференции «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья» (Л., 1977) прочтены доклады: И. Б. Брашинский, К. К. Марченко «Елизаветовское городище на Дону — поселение городского типа»; И. Г. Шургая «Динамика исторического развития боспорских городов». Оба доклада изданы в книге «Древние города» (Л., 1977).

В симпозиуме по проблемам греческой колонизации и структуре раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья (Цхалтубо, 1977) были прочитаны доклады: И. Б. Брашинский «Некоторые проблемы греческой колонизации»; М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, В. А. Горончаровский, Е. Я. Рогов «Некоторые вопросы греческой колонизации Крыма»; К. К. Марченко «Взаимодействие эллинских и варварских элементов на территории Нижнего Побужья в VII—V вв. до н. э.»; В. И. Денисова-Пругло «Некоторые вопросы древнегреческой колонизации Северного Причерноморья». Доклады нашли отражение в книге «Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья» (Тбилиси, 1979).

Во Всесоюзном симпозиуме по древней истории Причерноморья (Цхалтубо, 1979) И. Б. Брашинский прочел доклад «Греки и варвары на Нижнем Дону и в Северо-Востоке Причерноморья в VI—IV вв. до н. э.»; М. Ю. Вахтина — «О связях греков с местным населением степной зоны Северного Причерноморья в VII—VI вв. до н. э.»; М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Е. Я. Рогов — «К истории Скифии V в. до н. э.»; Ю. А. Виноградов — «Варварские» курганы V в. до н. э. в районе Боспора Киммерийского»; В. И. Денисова-Пругло — «К вопросу о хоре Ольвии VI—V вв. до н. э.»; К. К. Марченко — «Комплекс лепной керамики античных поселений Северного Причерноморья в VII—V вв. до н. э.»; И. Ю. Шауб — «Миф об Афродите Апатуре и о его местной основе»; А. Н. Щеглов — «Тавры и греческие колонии в Таврике».

На конференции ИА АН УССР (Ужгород, 1978) были зачитаны доклады: И. Б. Брашинский «К вопросу о датировке кургана «Толстая могила»»; К. К. Марченко «Комплекс построек позднеархаического времени античного поселения Старая Богдановка 2»; А. Н. Щеглов «Исследования хоры Херсонеса в 1975—1977 гг.» Доклады нашли отражение в «Трудах» конференции.

В I Международном симпозиуме «Фракия Понтика» (Созопол, 1979) И. Б. Брашинский выступил с докладом «Импорт вина из Средиземно-

морья в Причерноморье в архаическую эпоху» (*Thracia Pontika. Szozopol, 1979*).

На IV Донской археологической конференции в Азове (октябрь 1979) были поставлены доклады: И. Б. Брагинский «Периодизация и хронология греко-варварских взаимодействий на Нижнем Дону — Северо-Восточном Приазовье» М. Ю. Вахтина, Ю. А. Вишгородов, Е. Я. Рогов «О некоторых аспектах ранней истории Скифии»; К. К. Марченко «Основные этапы истории Елизаветовского поселения на Дону».

На заседаниях группы читали доклады члены группы и сотрудники других научных учреждений: М. В. Агбунов (Одесса) в докладе «Палеогеографическая реконструкция Нижнего Поднестровья для античного времени» привлек геологические данные для уточнения геоморфологии Нижнего Поднестровья в античное время, содержащиеся в указаниях древних авторов о низовье реки Тирис (Псевдо-Аристарх, Плиний) и локализовал башню Птоломея и Гермонактову деревню. Некоторые положения доклада вызвали возражения. Так, отмечалось противоречие отдельных выводов докладчика основному источнику по данному вопросу — Страбону. Высказано было также несогласие с мнением М. В. Агбунова относительно связей гидрологии Днепра с историческими судьбами Никописи.

В докладе Б. М. Герцензона (Ленинград) «Латрункули — что это за игра?» высказано мнение, что древнеримская игра «латрункули» происходит от древнегреческой «латтейя», что «латрункули» — первая из известных нам шахматных игр.

Н. В. Головачева (ЛЮИА) в докладе «Методологический аспект проблемы великой греческой колонизации» отмечала необходимость для установления специфики великой греческой колонизации рассмотрения производственных отношений в метрополиях. Докладчик считает, что главной сущностью великой греческой колонизации является исполнение роли стабилизатора общественных отношений.

С. Ю. Монахов (Саратов) в докладе «Технология производства амфор в Херсонесе» сделал вывод о присутствии в тесте херсонесских амфор ополчителей, привезенных из Гераклеи и Амастрихи. В докладе «Типология и хронология херсонесских амфор» он знакомит с типологической и хронологической классификацией херсонесских амфор. Автору было сделано замечание о необходимости корреляции предложенной им классификации амфор по их объему и линейным размерам с их морфологическими признаками.

Б. А. Раев (ЛГУ) прочел доклад «Время появления алан в Северном Причерноморье», построенный на данных анализа инвентаря погребений на Дону и на Боспоре, выделенных им как аланские. Положения докладчика вызвали сомнения, поскольку принадлежность погребенных к аланам установлена им на основе анализа лишь погребальных вещей погребального инвентаря.

И. В. Шебалин (ЛГУ) в докладе «Эпитафия Гекатея из Керчи» высказал мнение о малоазийском происхождении Гекатея, который попал на Боспор в числе военных пастухов.

Были зачитаны и другие доклады: Э. В. Яковенко (Чернигов) «Женские погребения Елизаветовского могильника на Дону»; Ф. Р. Баланов (Эрмитаж) «Сарматские погребения в повозках»; А. И. Болтунова (Москва) «Зевс Отчий и Зевс Сотер»; Б. А. Василенко (Ивано-Франковск) «Некоторые вопросы датировки и интерпретации керамических клейм»; А. К. Гаврилов (ЛГУ) «О слове ΣΑΥΤΗΡ в херсонесской присяге»; Т. А. Гладкова (Керчь) «Надгробная стела из Керчи»; В. Г. Житников (Ростов-на-Дону) «Раскопки Елизаветовского городища в 1978 г.»; он же «Скотоводство и охота жителей Елизаветовского городища»; А. Г. Капещян (Ереван) «Античная черепица из раскопок Арташата»; В. И. Кац (Саратов) «Уточненный список имен херсонесских астиномов»; В. П. Копылов (Ростов-на-Дону) «Лепная керамика Елизаветовского некрополя»; В. В. Латышева (Харьков) «О раскопках поселения античного времени Маслины в Северо-Западном Крыму»; В. Т. Личели (Тбилиси) «Античные

авторы о Скифии VII—VI вв. до н. э.»; Е. Я. Рогов (ЛОИА) «Сырцовые скелеты могильника Папское I».

Сотрудниками группы опубликовано свыше 70 статей в различных периодических изданиях и сборниках советской печати. В зарубежных изданиях опубликованы статьи: *Брашинский И. Б.* Черноморского пиратство в древности.—ФАР. Научно-популярный альманах. София, 1977; *Idem.* Urartian pitoi: a study in metrology and standartization.—*Orientalia Lovaniensia periodica*, 1978, vol 9; *Он же.* Рец. на кн.: *Ballu.* Olbia. Cité antique du littoral nord de la Mer Noire. Brussel, 19.—*Gnomon*, 1977, Bd. 49; *Брашинский И. Б., Дановой Х.* Рольята на Черно море в древности. В кн.: Черно море. Варна, 1978; *Schurgaja I. G.* Aus der Geschichte der Beziehungen des Nordlichen Schwarzmeer — gebietes und Alexandrien in hellenistischen Zeit.—*Klio*, 1977.

Вышли из печати книги: *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978; *Брашинский И. Б.* В поисках скифских сокровищ Л., 1979.

Подготовлены и утверждены к печати работы: В. И. Денисова-Пругло «Коронпластика Боспора (по материалам Боспорской экспедиции)». «Терракотные статуэтки Мирмекия, Тиритаки, Илурата»; Е. И. Леви «Ольвия эпохи эллинизма»; К. К. Марченко «Варвары в составе населения Березапи и Ольвии во второй половине VII — первой половине I в. до н. э.».

На рассмотрение группы направлялись диссертации и подготовленные к печати рукописи монографий. Среди них: докторская диссертация Ю. В. Андреева (ЛГУ) «Гомеровское общество»; кандидатская диссертация А. С. Островерхова (Одесса) «Экономические связи Ольвии, Березапи и Ягорлыцкого поселения со Скифией»; кандидатская диссертация Б. А. Раева (ЛГУ) «Римские импортные изделия в погребениях кочевнической знати I—III вв. н. э. на Нижнем Дону»; книга Т. П. Высоцкой «Неаполь Скифский».

Группой утверждена в 1979 г. тема кандидатской диссертации лаборанта Е. Я. Рогова «Сельское поселение Херсонесского государства IV—III вв. до н. э. по материалам могильников».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГ — Античный город
 АГСП — Античные города Северного Причерноморья
 АИГСП — Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья
 АО — Археологические открытия
 АС — Археологический сборник НИИ музейно-краеведческой работы
 АСГЭ — Археологический сборник ГЭ
 ВДИ — Вестник древней истории
 ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
 ГХМ — Государственный Херсонесский археологический музей-заповедник
 ГЭ — Государственный Эрмитаж
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
 ИАК — Известия археологической комиссии
 КБП — Корпус Боспорских надписей
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея
 МАР — Материалы по археологии России
 МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 НО — Надписи Ольвии
 НпС — Нумизматика и сфрагистика
 ИЭ — Нумизматика и эпиграфика
 НЭПХ — *Соломник Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964, 1973
 ОАК — Отчеты Археологической комиссии
 ПИСПАЭ — Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху
 СА — Советская археология
 САИ — Свод археологических источников
 СХМ — Сообщения Херсонесского музея
 ТОНГЭ — Труды отдела нумизматики Государственного Эрмитажа
 ТЭАМ — Труды этнографо-археологического музея МГУ
 УЗ МГПИ — Ученые записки Московского городского педагогического института
 ХКААМ — Художественная культура и археология античного мира. М., 1976
 ХС — Херсонесский сборник
 BMC — A Catalogue of the Greek coins in the British Museum
 CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum
 IDR, II — Inscriptiones Daciae romanae, II; *Florescu G., Petolescu C. C.* Pars meridionalis, inter Danuvium et Carpatos montes. Bucurestii, 1977
 IOSPE — *Latyšev V.* Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Petropoli, 1885—1916
 JÖAI — Jahreshefte der Osterreichischen Archäologischen Institut. Wien
 Mihailov G. — *Mihailov C.* Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae. Serdicae, IGBulg. 1959—1967. I—IV.
 NMESM — Noi monumente epigrafice din Scythia Minor. Constanta, 1964
 SCIV — Studii si cercetari de istorie veche. București

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>А. А. Зедгенидзе, О. Я. Савеля.</i> Некрополь Херсонеса V—IV вв. до н. э.	3
<i>И. Т. Кругликова.</i> Земельные наделы херсонеситов на Гераклеяском полуострове	9
<i>Е. Н. Жеребцов.</i> Некоторые результаты сравнительного изучения клеров Гераклеяского полуострова	17
<i>Г. М. Николаенко, Э. В. Янушевич.</i> Культурные растения из раскопок сельской округи Херсонеса	26
<i>С. Д. Крыжицкий.</i> О принципах классификации античных владок Северного Причерноморья	35
<i>П. Ю. Шауб.</i> Пантикапейский Эрот-Геракл	41
<i>Т. М. Арсеньева.</i> Краснолаковая керамика из Тапаиса конца IV — начала V в. н. э.	43

Публикации

<i>Э. А. Симонович.</i> Находки античного времени из с. Бельного Белгород-Днестровского района	48
<i>Т. В. Блаватская.</i> Надгробие и алтарь из с. Бельного	50
<i>М. П. Золотарев.</i> Кубок с посвящением Зевсу Димеранскому из округи Херсонеса	56
<i>С. Ю. Сапрыкин.</i> Черепицы с клеймами римского легиона из усадьбы хоры Херсонеса	58
<i>В. С. Щербакова.</i> Изображение Пики на античных печатях из Херсонеса	63
<i>Б. Г. Петерс, А. С. Голенцов.</i> Археологические раскопки Феодосии в 1975—1977 гг.	68
<i>Н. В. Молева.</i> Раскопки некрополя Мирмекия в 1974—1975 гг.	73
<i>А. А. Масленников, О. Д. Чувелев.</i> Новые памятники античного времени на северном побережье Керченского полуострова	77
<i>Н. Д. Нестеренко.</i> Клады Горгишпии	85
<i>Э. Я. Николаева.</i> Поселение у д. Ильич	88
<i>Н. А. Онайко, А. В. Дмитриев.</i> Укрепленное здание в античном поселении у с. Владимировка близ Новороссийска	93
<i>В. В. Дворниченко, Г. А. Федоров-Давыдов.</i> Серебряные фалары из сарматского погребения могильника Кривая Лука IX в Астраханской области	100

Хроника

<i>Э. Я. Николаева.</i> Работа сектора античной археологии в 1977-1979 гг.	106
<i>Е. Г. Касганаян.</i> Группа античной археологии ЛОИА АН СССР в 1977 — октябре 1979 г.	111